

Проф. М. Н. ГЕРНЕТ

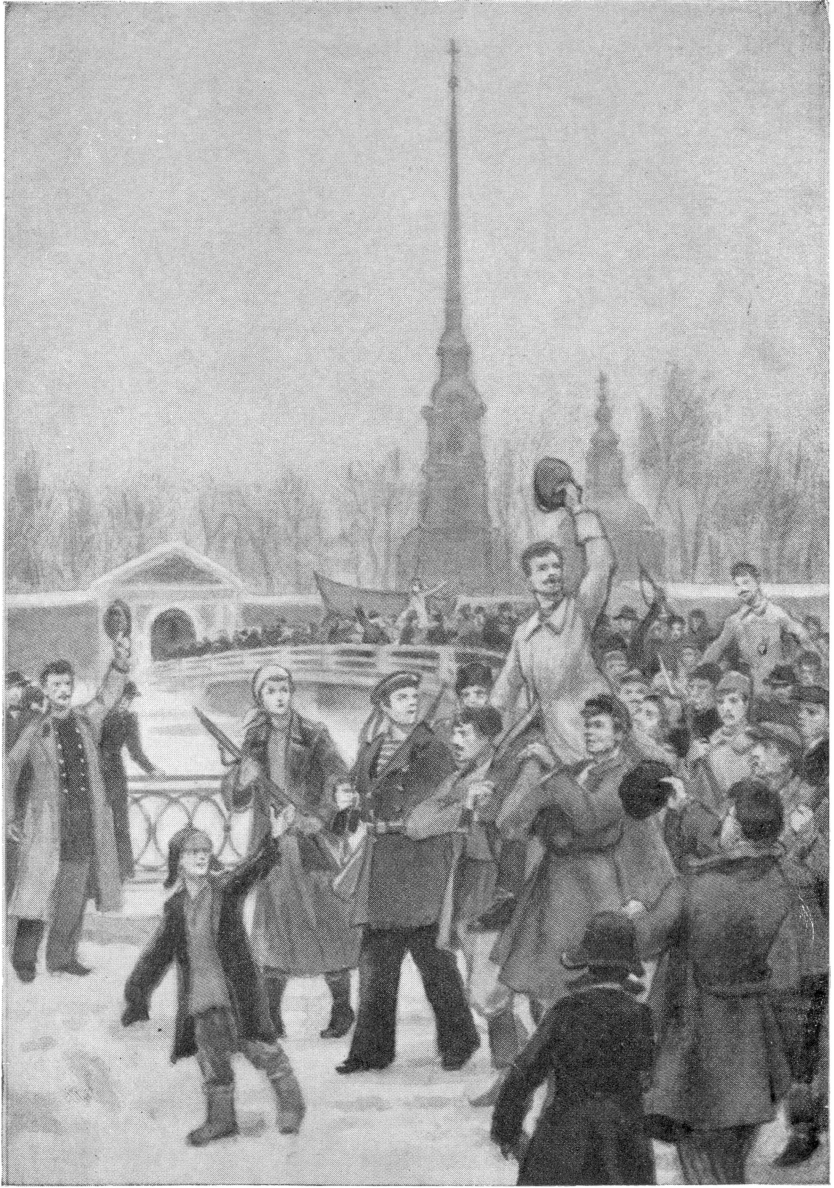
ИСТОРИЯ
ЦАРСКОЙ
ТЮРЬМЫ

ГОСЮРИЗДАТ МОСКВА 1954

Заслуженный деятель науки
Проф. М. Н. ГЕРНЕТ

ИСТОРИЯ ЦАРСКОЙ ТЮРЬМЫ

том

4

ПЕТРОПАВЛОВСКАЯ
КРЕПОСТЬ

Государственное издательство
ЮРИДИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1954

Сканирование: alexxx78
Обработка: Vitautus

ПРЕДИСЛОВИЕ

Четвертый том «Истории царской тюрьмы» посвящен истории Петропавловской крепости в период с 1900 года по февраль 1917 года. В трех предшествующих томах история мест лишения свободы в этой крепости рассматривалась за время с половины XVIII и до конца XIX века.

Первоначально я предполагал, что четвертый том моего труда охватит, как и три первых тома, историю всех царских тюрем, т. е. Петропавловской, Шлиссельбургской крепостей и общеуголовных тюрем. Я рассчитывал, что буду иметь возможность этим томом закончить всю мою работу по исследованию вопроса истории царской тюрьмы. Однако в процессе собирания архивных и других материалов я увидел ошибочность первоначального предположения. По одной лишь Петропавловской крепости оказалось такое обилие материалов, притом малоизвестных или даже совсем неизвестных ни широким слоям читателей, ни даже специалистам в области уголовной и общей политики царизма, что явилась необходимость посвятить весь этот том только одной Петропавловской крепости. Мне кажется, что полнота исследования пострадала бы, если бы я прибег к сокращению исторического очерка по Петропавловской крепости из желания охватить в одном томе историю всех мест лишения свободы за последние семнадцать лет существования царизма.

Поэтому история некоторых других царских тюрем, имевших особое значение в XX веке, а также и история тюрем при Временном правительстве, будет освещена мною в последующих томах моего труда¹.

Настоящий, четвертый, том, как и три предшествующих, посвящен изучению не всей карательной политики царизма, а лишь

---

¹ Осуществлению этой задачи помешала тяжкая болезнь, а затем смерть М. Н. Гернета, собравшего и частично успевшего обработать архивный материал для пятого тома «Истории царской тюрьмы» (примечание редактора).

одной из очень многих и разнообразных мер карательной политики царизма. Я изучаю только тюрьмы, не касаясь других мер судебной репрессии, как ссылка на каторжные работы в Сибирь, ссылка на поселение и т. д.

Значение Петропавловской крепости как места лишения свободы особенно изменилось со времени первой русской революции 1905 года. Трубецкой бастион этой крепости стал исключительно местом предварительного заключения, перестав быть тюрьмой для отбывания наказания осужденными.

Значение Петропавловской крепости неизбежно должно было измениться потому, что, оставаясь важнейшей государственной тюрьмой для заточения в ней арестованных по наиболее крупным политическим делам, она отразила в своих стенах интенсивную революционную борьбу против царизма в годы его агонии.

Однако ни Трубецкой бастион, ни Петропавловская крепость в целом отнюдь не отражали всей интенсивной политической борьбы в России за последние семнадцать лет существования царизма. Не следует упускать из виду, что Трубецкой бастион, как уже сказано, перестал быть местом заточения осужденных по делам политического характера, будучи превращен в тюрьму для содержания подследственных, арестованных в пределах Петербурга и отчасти петербургского военного округа. Сюда уже не направляли арестованных из других городов и местностей империи, как это было ранее, например, по процессу декабристов, по делу 193-х о пропаганде в империи и пр. Здесь не было поэтому среди заключенных ни аграрников, ни участников восстания на броненосце «Потемкин», ни в Севастополе, ни повстанцев Прибалтики, ни революционеров Польши, Грузии, далекой Сибири и т. д.

За этот последний период царизма многие крупные события дали в казематы крепости своих представителей, поэтому я и связал историю Петропавловской крепости с теми или другими событиями большой исторической важности. При этом я ставил своей задачей увязать каждое отдельное событие с той конкретной обстановкой, которой данное событие было обусловлено.

В настоящем томе «Истории царской тюрьмы» читатель встретится больше с узниками из числа участников массовых выступлений, чем индивидуальными, что объясняется вступлением пролетариата на арену политической борьбы.

Вступление пролетариата на арену политической борьбы с конца XIX века дало в крепость немало заключенных и среди них членов «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» — Ногина, Лепешинского, Андропова и др. Эту «дань» Петропавловской крепости, выплаченную одиночным камерам

Трубецкого бастиона большевистской партией, я постарался осветить в главе «Борцы рабочего движения в Трубецком бастионе». Я старался в этой главе остановиться не только на борцах рабочего движения, выхваченных из рядов партии большевиков за агитацию, за работу в подпольных типографиях и т. п., но отметить здесь и участников большевистских организаций, уже готовых выступить с оружием в руках за победу рабочего класса в его борьбе с самодержавием.

Начало русской революции — «кровавое воскресенье» 9 января 1905 г. — легло в основу наиболее обширной главы «Максим Горький в Трубецком бастионе», а также и некоторых других глав и параграфов.

Остановлюсь в предисловии на первой главе четвертого тома моей работы. Так как указания на режим Трубецкого бастиона встречались в архивных делах об отдельных узниках, то в целях избежания повторений я счел за лучшее собрать все черты и черточки о режиме в одной главе (первой), дав его общую характеристику. Знаю, что режим в действительности был много тяжелее, чем он описан в первой главе книги. Но надо иметь в виду, что официальные документы предпочитали хранить молчание на эту тему, а из-за стен Петропавловской крепости не доходило до сведения и сознания народа все то, что творилось в полутемных казематах под неограниченной властью коменданта крепости, смотрителя и жандармов. Однако приводимые нами факты говорят сами за себя. Может быть, читателю не потребуется больших усилий, чтобы представить себе во всей полноте картину заточения в Петропавловской крепости.

* *
*

При всем разнообразии событий, которые отразились в стенах Петропавловской крепости, корень их происхождения один и тот же. Этот корень — всероссийская революция¹. Влияние революции на состав узников Трубецкого бастиона прежде всего сказалось на заполнении камер Трубецкого бастиона рабочими. Они выступали в борьбе с царизмом под пролетарским знаменем, они были передовым отрядом революции, заполнив казематы в первые же годы XX и даже еще в последние годы XIX века.

На истории Петропавловской крепости ярко отразилось «кровавое воскресенье» 9 января 1905 г., когда, говоря словами

---

¹ См. А. М. Панкратова, Первая русская революция 1905—1907 гг., изд. второе (дополненное), Госполитиздат, 1951.

В. И. Ленина, «Рабочий класс получил великий урок гражданской войны; революционное воспитание пролетариата за один день шагнуло вперед так, как оно не могло бы шагнуть в месяцы и годы серой, будничной, забитой жизни. Лозунг героического петербургского пролетариата: «смерть или свобода!» эхом перекачивается теперь по всей России»¹.

Это эхо было тем более громким, что условия, в которых находились в России пролетариат и крестьянство, особенно благоприятствовали силе революционного отзвука. «Рабочие страдали не только от капиталистической эксплуатации, от каторжного труда, но и от бесправия всего народа... Крестьянство задыхалось от безземелья, от многочисленных остатков крепостничества, оно находилось в кабале у помещика и кулака»².

Из нашего очерка «Борьбы рабочего движения в Трубецком бастионе» будет видно, как царизм уже в самом начале XX века вырывал из рядов петербургского пролетариата лучших его представителей и заточал в Петропавловскую крепость.

События 9 января 1905 г. послужили сигналом для всех рабочих. Только в январе стачками было охвачено 440 тысяч рабочих, тогда как за все десять предшествующих лет в России bastовало лишь 430 тысяч рабочих.

Нарастание русской революции сопровождалось поступлением в тюрьму Трубецкого бастиона после 1905 года матросов, обвинявшихся в подготовке восстаний. Они приходили под своды крепости целыми отрядами и, как волны, накатывались на ее стены, пока девятый вал не сокрушил эту твердыню царизма.

Конечно, царизм не сидел сложа руки, не бездействовал. Он не ждал у моря погоды. В борьбе с революционным движением он использовал одни средства за другими. На первом месте среди них стояли старые, привычные меры репрессии. Прибегнуть к ним было всего легче и всего дешевле. Царизм в борьбе с революционным движением знал «...против пролетариата только одно средство, это средство — тюрьма, Сибирь, нагайка и виселица»³.

Императорское правительство продолжало верить в их силу, несмотря на доказанное всей историей бессилие палача и тюрьмы в борьбе с революционным движением. Оно решило, что его карательная политика лишь притупилась и что надо отточить это оружие. Именно этим объясняется то, что за последние семнадцать лет своего существования военно-окружные суды довели до крайних пределов применение всех наиболее суровых средств репрессии и особенно смертной казни. Но и этого оказалось мало.

¹ Ленин, Соч., т. 8, стр. 77.

² История ВКП(б), Краткий курс, стр. 54.

³ Сталин, Соч., т. 1, стр. 287.

Тогда были введены военно-полевые суды. За полгода их действия они пронесли ураганом над нашей родиной, кровавый смерч торопился утопить в море крови жертвы произвола.

Военно-полевые суды были самым ярким и бесстыдным проявлением царского произвола, но они не были его единственным проявлением. Они лишь завершали целую систему борьбы царизма с революцией.

Так, например, в целях облегчения беспощадной расправы с рабочим и крестьянским движением органам классовой юстиции в лице военно-окружных и гражданских судов предписывались соответствующие директивы в виде министерских циркуляров. В этом же направлении производились изменения законов: закон 2 декабря 1905 г. повысил размеры наказаний за участие в забастовках на предприятиях, имеющих общественное и государственное значение, а также в правительственных учреждениях; 9 февраля 1906 г. был издан закон о взрывчатых веществах, прикрываясь которым департамент полиции широко развил деятельность своих агентов, а суды получили возможность более широко применять тюрьму и каторгу; 18 марта 1906 г. последовало законодательное сокращение сроков производства важнейших уголовных дел, — на первое место было выдвинуто требование быстроты расправы с обвиняемыми, а не стремление к справедливости; закон 18 августа 1906 г. передавал военно-окружным и военно-морским судам рассмотрение дел о пропаганде в армии и флоте и грозил каторгой осужденным.

Действительным вершителем судьбы российских граждан являлся не столько царский суд, сколько еще более послушные царизму органы защиты интересов эксплуататорских классов — жандармские управления и охранные отделения, образованные в 1903 году.

Такой характер репрессивной политики царизма в XX веке сказался на тюремном режиме. В тюрьмах произвол принимал самую необузданную форму. Тюремные стены открывали для этого достаточный простор. Стоит вспомнить каторжные центральные тюрьмы в Шлиссельбурге, Орле, Смоленске, Пскове, Москве и других городах европейской России и Сибири, чтобы сейчас же воскресли в памяти ужасы, до которых дошел настоящий средневековый режим этих мест лишения свободы.

Политические тюрьмы были настоящим термометром революции. Ее успех в отдельные годы сопровождался вынужденным ослаблением тюремного режима. Годы реакции несли с собою разгул тюремного деспотизма, пытки, розги, карцер и т. п.

В числе мер борьбы с революционным движением, не носивших характер репрессивных, царское правительство наибольшие

свои надежды возложило на государственную думу. Созданием этого учреждения императорское правительство рассчитывало оторвать от революционного движения некоторые слои населения. Один закон об организации Государственной думы сменил другой. Однако расчеты правительства оказались ошибочными, и думы первых двух созывов были распущены. Дума третьего созыва дала правительству более приемлемый для него состав депутатов. Царское правительство нашло поддержку себе в думе третьего созыва, но в народе продолжало с удвоенной силой расти революционное движение, вспыхнувшее после столыпинской реакции.

Характеристику новой эпохи в истории царизма, наступившей с начала XX столетия, дал И. В. Сталин в 1905 году в написанной им прокламации Тифлисского Комитета РСДРП. Он писал тогда: «Преступное царское самодержавие привело нашу страну на край гибели. Разорение стомилионного российского крестьянства, угнетенное и бедственное положение рабочего класса, непомерные государственные долги и тяжелые налоги, бесправие всего населения, бесконечный произвол и насилие, царящие во всех сферах жизни, наконец, полнейшая необеспеченность жизни и имущества граждан — вот та страшная картина, которую представляет теперь Россия»¹.

В этой цитате каждое слово останавливает на себе внимание читателя, а внимание историка царской тюрьмы особенно привлекают слова «бесправие всего населения, бесконечный произвол и насилие», «полнейшая необеспеченность жизни и имущества граждан». Можно сказать, что назначением Петропавловской крепости было проявить ее постоянное отвратительное служение «бесправию всего населения, бесконечному произволу и насилию».

Через руки автора этого исследования прошли тысячи дел из архивов департамента полиции, комендатуры Петропавловской крепости, министерств военного, военно-морского, внутренних дел, юстиции и других ведомств. Большинство этих дел раскрывало перед нами картины «бесконечного произвола и насилия». Произволом были насыщены эти дела. Насилием больших и малых властей дышали страницы архивных фолиантов и тощих папок. О бесправии всего населения свидетельствовали официальные документы, не исключая и тех, которые начинались каллиграфически выведенной строкою: «По указу его императорского величества». Жертвы такой политики и борцы против нее становились нередко заключенными Петропавловской крепости.

---

¹ Сталин, Соч., т. 1, стр. 186.

* *
*

Конечно, на страницы этого тома попала только некоторая часть из обнаруженных нами материалов. Но мне хочется в этом предисловии отметить одно очень яркое проявление произвола царизма и, говоря словами И. В. Сталина, полнейшей необеспеченности даже и жизни подданных Российской империи. Я имею в виду убийство в дни московского восстания 17 декабря 1905 г. полицейским приставом Ермоловым приват-доцента, доктора медицинских наук Воробьева.

При разборе баррикад на Пресне подполковник Ермолов услышал от кого-то об устройстве в квартире доктора Воробьева лазарета для раненых участников восстания. В сопровождении солдат Ермолов направился к этой квартире. По его звонку на площадку лестницы немедленно вышли Воробьев, его жена и их двенадцатилетняя дочь. На вопрос пристава, обращенный к доктору, не находится ли у него в квартире лазарет для революционеров, последовал отрицательный ответ. На второй вопрос, не имеется ли у него оружия, был дан утвердительный ответ с пояснением, что имеется разрешение на его хранение. Когда Воробьев, желая предъявить это разрешение, повернулся спиной к приставу, последний выстрелом сзади в голову убил его. Совершив убийство, полицейский пристав и солдаты ушли, оставив убитого на площадке. Такова была фактическая сторона этого очень несложного дела — беспричинного убийства человека среди белого дня на глазах его жены и дочери.

Возмущение этим убийством общественного мнения и особенно рабочих, революционное настроение которых не было погашено подавлением восстания, было огромно. Пришлось начать предварительное следствие.

В архиве департамента полиции мною обнаружены документы по вопросу о начале судебного преследования убийцы доктора Воробьева, исходившие от министров, генерал-губернатора и самого царя. Они были такого циничного характера, с каким не приходилось встречаться за всю долговременную работу в архивах.

Первый документ, помеченный 8 января 1906 г., исходил от министра внутренних дел Дурново. Он выражал московскому генерал-губернатору Дубасову свое неудовольствие о начале уголовного дела против полицейского пристава Ермолова в общем порядке и предлагал изъять это дело от гражданских властей и, предъявив к Ермолову обвинение в должностном преступлении (за превышение власти), прекратить его. Через две недели,

23 января, Дурново сделал доклад царю и получил от него резолюцию: «Дело это подлежит прекращению без всяких для Ермолова последствий». Тем временем выяснилось, что предъявление 24 декабря вдовой убитого гражданского иска к убийце служит формальным препятствием для прекращения дела. Тогда министр внутренних дел предложил передать дело вместо гражданского суда военному.

В своей телеграмме от 2 февраля он откровенно писал генерал-губернатору Дубасову: «Нам неизмеримо удобнее иметь дело с военным судом, и судьба Ермолова будет, по моему мнению, совершенно гарантирована»¹.

На другую точку зрения встал министр юстиции, успевший получить согласие царя на рассмотрение дел гражданским судом. Наивно было бы думать, что он руководствовался при этом требованиями законности. В действительности он преследовал ту же цель — освободить Ермолова от репрессий. В своем подробном отношении к Дубасову министр юстиции спешил успокоить его тем, что испросит у царя помилование Ермолову или широкое облегчение его участи в случае признания его виновным судом присяжных. Он добавлял, «что при известном составе присяжных заседателей дело может даже разрешиться полным оправданием подсудимого»².

Так высший блюститель законности в империи высказывал предположение о возможности заранее подобрать определенный состав присяжных заседателей. Министр юстиции подчеркивал, что при более суровом наказании по приговору военного суда сравнительно с гражданским судом «вся неблагонамеренная часть общества усмотрела бы в помиловании не акт справедливости, а произвол административной власти».

До какой степени попиралась законность высшим представителем юстиции и до каких границ доходил его произвол, видно из следующего факта. Он пригласил к себе убийцу и, изложив свои соображения, спросил его, каким судом — гражданским или военным — предпочитает тот рассмотрение его дела. Министр сообщил московскому сатрапу Дубасову, что Ермолов обратился к нему с усерднейшей просьбой непременно передать дело гражданскому суду.

Ожидание министром юстиции оправдательного приговора Ермолову не осуществилось. Суд приговорил виновного к лишению всех особенных, личных и по состоянию присвоенных прав

¹ ЦГИА в Москве. Фонд департамента полиции, 7 делопроизводство, 1906, № 8, ч. 34, т. 2, «Об убийстве приват-доцента Воробьева в Москве» (л. 13 и оборот).

² Тот же архив, то же дело (л. 16).

и преимуществ и к заключению в исправительное арестантское отделение на четыре года. Стоит ли добавлять, что это дело об убийстве полицейским чиновником человека, заподозренного во врачебной помощи революционерам, было рассмотрено судом, по распоряжению генерал-губернатора, при закрытых дверях. Но стоит добавить, что царь фактически отменил приговор суда, заменив указанное наказание осужденному полицейскому приставу лишь заключением на два месяца на военной гауптвахте без лишения прав и церковным покаянием.

Царю и всему строю царской России были нужны слуги, готовые проводить политику произвола, насилия, не останавливаясь даже перед убийствами.

Настоящий том «Истории царской тюрьмы», как и три первых тома, ставит своей задачей вскрыть перед советским читателем классовую сущность кровавой царской карательной политики. Только что приведенный нами пример по делу Ермолова не связан с историей Петропавловской крепости, но связан с общей и уголовной политикой царизма, отражавшейся на истории царской тюрьмы.

В каждой из глав этой книги излагаются факты гнета и произвола суда и администрации царизма, нисколько не ценивших человеческую жизнь. С наибольшей яркостью раскрывались эти картины при ознакомлении с деятельностью военно-полевых судов. Мною найден секретный документ, из которого мы впервые узнали, что непосредственным творцом военно-полевого суда явился сам Николай II¹.

Военно-полевые суды были детищем реакции, но «торжество столыпинской реакции оказалось недолговечным. Не могло быть прочным правительством, которое не хотело дать народу ничего, кроме кнута и виселиц. Репрессии стали столь обычными, что они перестали пугать народ»². Количество бастующих рабочих уже в 1911 году достигло 100 тысяч. В связи с ленским расстрелом рабочих с новой силой вспыхнули массовые политические стачки в 1912 году. Стачки проходили под большевистскими революционными лозунгами. Напомним, что число бастовавших рабочих в первой половине 1914 года достигло почти полутора миллионов человек. Прорывалось наружу революционное движение в войсках и во флоте. Поражения, понесенные русскими войсками с начала мировой войны 1914 года, усилили революционное движение. Ленин по этому поводу писал: «Дело русской свободы и

¹ Впервые опубликовываются найденные в архивном деле ЦГВИА некоторые документы из практики этих судов.

² История ВКП(б), Краткий курс, стр. 140.

борьбы русского (и всемирного) пролетариата за социализм очень сильно зависит от военных поражений самодержавия»¹. Рост революционного движения в армии отразился на истории Петропавловской крепости увеличением числа ее узников из рядов солдат и матросов. Они заключались в Петропавловскую крепость вплоть до последних месяцев существования царизма.

Последние пять узников крепости из числа матросов предстали перед военно-морским судом в качестве обвиняемых по процессу большевистской организации. Так матросы-большевики завершили ряды узников Петропавловской крепости.

На истории Петропавловской крепости за период 1900—1917 гг. отразилась не только революционная борьба с царизмом. За семнадцать лет XX века Россия пережила две войны: русско-японскую и первую мировую империалистическую войну. Эти войны не прошли бесследно для Петропавловской крепости и тоже получили отражение в ее стенах. В связи с позором поражения царских войск 1904—1905 и 1914—1917 гг. заключенными на короткое время в крепость оказались совсем необычные государственные преступники: несколько генералов, а затем и сам военный министр. Однако это были совсем особые узники, суд царизма над которыми был только для вида. Пребывание их в крепости показало цену классовой юстиции, знавшей, кого надо бить и кого миловать.

Использованные нами материалы судебных процессов о них, рассмотренные при открытых дверях, показали, как совершалось «правосудие» над сильными мира.

Мы обратили особое внимание на ознакомление с различными судебными процессами, обвиняемые по которым были узниками Петропавловской крепости. Эти процессы рассматривались при закрытых дверях, но после Октябрьской революции архивы департамента полиции и морского и военного министерства, ставшие достоянием народа, позволили нам ознакомиться советских читателей с тем, что царское правительство тщательно скрывало от народа.

Я не считаю, что вышел за рамки исследования истории царской тюрьмы, когда останавливаюсь на описаниях исполнения смертных приговоров над бывшими узниками крепости, исходя из материалов, обнаруженных мною в секретных документах. Я не считаю, что задача историка тюрьмы всегда заканчивается с выходом из крепости ее узников. Я шел за ними вплоть до их эшафота и, в частности, до «знаменитого» Лисьего Носа, план

¹ Ленин, Соч., т. 8, стр. 37. .

которого предусмотрительно был приложен к делу о военно-полевых судах. Я воспроизвел его. На этот план чертежником нанесено очень немногое, но как много говорит этот план историку уголовной политики царизма!

* *
*

Настоящий, четвертый, том «Истории царской тюрьмы» состоит из семи глав.

В первых трех главах освещается режим мест заключения в Петропавловской крепости. Этот режим являлся составной и неотъемлемой частью карательной политики царизма — частью системы судебного и внесудебного террора, который осуществлялся совокупными усилиями царской военщины, карательных экспедиций, полиции, жандармерии, общих, военных и военно-полевых судов. Именно поэтому в первых трех главах книги освещается не только тюремный режим, но и деятельность военно-полевых и военно-окружных судов, — поскольку онашла свое отражение в жизни Петропавловской крепости, — в процессах, проведенных в стенах этой крепости, в узниках, заточенных в крепости и ожидавших там приведения в исполнение смертного приговора над ними или долгосрочного заключения в казематах.

В последующих главах книги основное внимание уделено узникам Петропавловской крепости, заключенным в ней в первые семнадцать лет XX века. Перед читателем пройдет много узников — деятелей большевистской партии, великого пролетарского писателя Максима Горького, многочисленных революционных рабочих и крестьян, матросов и солдат, — всех тех, кого царский строй пытался сломить пытками, казематами, смертными казнями, но которые устояли в борьбе, закалились в ней и, руководимые большевистской партией, в октябре 1917 года участвовали в проведении Великой Октябрьской социалистической революции.

Седьмая глава освещает часть царской карательной политики, резко отличающейся от той, которая проводилась царизмом в отношении революционных масс трудящихся, — политику, в высшей степени мягкую, в высшей степени либеральную. И это неудивительно, так как обвиняемыми и заключенными были не рабочие и крестьяне, не матросы и солдаты, а царский военный министр, царские генералы, царские адмиралы — гнусные предатели и изменники Родине, виновники Цусимской трагедии, сдачи Порт-Артура, виновники поражений царской армии. По указанию царя и его приспешников процессы над ними оказы-

вались комедийными, наказания — смехотворными. Седьмая глава своим контрастом со всем предшествующим изложением позволяет еще лучше вскрыть и оценить карательную политику царизма, ее классовую сущность, а также разоблачить всю глубину разложения царской власти, в особенности в последний период ее существования.

В заключении настоящего тома показано превращение Петропавловской крепости из тюремного каземата в музей по истории царской карательной политики — музей, созданный Советским правительством вскоре после Октября 1917 года.

Я приношу мою глубокую благодарность всем оказавшим мне то или другое содействие при моей научной работе. Я благодарю Главное архивное управление, дирекцию и сотрудников архивов Москвы и Ленинграда, музея имени Горького в Москве, а также столичных музеев революции, снабдивших меня photographиями, воспроизведенными в этой книге.

Я приношу особую благодарность Всесоюзному институту юридических наук Министерства юстиции СССР за предоставление мне таких условий для работы, которые облегчили мой труд по написанию этого и трех предшествующих томов монографии.

В настоящем томе я привожу сокращенно наименования следующих архивов: Центральный Государственный исторический архив в Москве — ЦГИА в Москве, Центральный Государственный исторический архив в Ленинграде — ЦГИА в Ленинграде, Центральный Государственный военно-исторический архив в Москве — ЦГВИА в Москве, филиал Центрального Государственного военно-исторического архива в Ленинграде — ЦГВИА в Ленинграде, Центральный Государственный архив военно-морского флота в Ленинграде — ЦГАВМФ в Ленинграде.

А в т о р .

Январь 1953 года.

Настоящий, четвертый, том «Истории царской тюрьмы» выходит в свет уже после кончины ее автора. Покойный М. Н. Гернет провел всю основную работу по подготовке к печати четвертого тома своей монографии, но окончательному ее оформлению помешала его тяжкая болезнь и последовавшая за ней кончина.

Работу по окончательному оформлению книги и выпуску ее в свет проделали по постановлению директората Всесоюзного института юридических наук профессор А. Герцензон, профессор Б. Утевский и доцент Э. Вышинская.

Глава первая

РЕЖИМ МЕСТ ЗАКЛЮЧЕНИЯ В ПЕТРОПАВЛОВСКОЙ КРЕПОСТИ

§ 1. РЕЖИМ В АРЕСТАНТСКИХ ПОМЕЩЕНИЯХ В ТРУБЕЦКОМ БАСТИОНЕ

Первые три главы настоящего тома мы посвящаем изучению тюремного режима в Петропавловской крепости в неразрывной связи с системой судебного и внесудебного террора царизма в последний период его существования, — в неразрывной связи с военно-полевыми судами, военно-окружными судами, а также с карательными экспедициями царских палачей.

В XX веке режим Трубецкого бастиона Петропавловской крепости в его основных чертах определялся двумя актами, на подлинниках которых стояла надпись: «Одобряю. Главнокомандующий войсками генерал-адъютант Владимир. 5 января 1898 г. С.-Петербург». Этот главнокомандующий войсками Владимир приходился родным дядей Николаю II. Племянник и дядя — оба одинаково были заинтересованы в существовании Петропавловской крепости, куда их предки заключали своих политических врагов. На этот раз Владимир не только утвердил представленные ему проекты об условиях содержания заключенных в С.-Петербургской крепости, но выразил и свое удовлетворение словом «одобряю».

Один из двух актов носил название «Инструкция для заведывания арестованными, арестантскими помещениями С.-Петербургской крепости и наблюдательною командою». Другой акт — «Правила о содержании арестованных в С.-Петербургской крепости», которые представляли собою извлечение пятнадцати статей из общего количества тридцати одной статьи инструкции 1898 года.

Эта инструкция не без основания употребляет неопределенное выражение: «арестантские помещения С.-Петербургской крепости». Наше ознакомление с фактическим материалом показало, что получивший широкое распространение термин «Трубецкой бастион» не исчерпывает собою всех мест заключения в Петропавловской крепости. Этот бастион действительно был основным местом заключения в крепости, но не единственным. Целям заточения на всем протяжении 1900—1917 гг. служила также и Екатерининская курттина. Очень короткий срок (1905—1906 гг.) тюрьмою служил и манеж крепости. В него было заключено более сотни восставших солдат электротехнической роты. Еще более короткий срок, а именно всего в течение нескольких часов 28 февраля 1917 г., служил тюрьмой для героев-солдат Павловского полка небольшой белый дом с окнами за решетками, куда они были переведены из Трубецкого бастиона и откуда были освобождены восставшими войсками и народом.

Заведующий арестантскими помещениями являлся начальником каждого такого помещения в крепости, которое постоянно (Трубецкой бастион и Екатерининская курттина) или временно (манеж) служило для заключения арестованных.

Власть заведующего арестантскими помещениями была очень велика, и недаром он утверждался в этой должности главнокомандующим войсками. Главнокомандующими за исследуемый период были великие князья — сначала Владимир, а потом Николай. Даже в случае временного назначения заместителя заведующего арестантскими помещениями ввиду болезни или отпуска последнего требовалось соответствующее разрешение главнокомандующего. Прямым начальником заведующего был генерал-комендант крепости, пользовавшийся особым доверием царя и имевший право непосредственного с ним сношения.

При таких условиях заведующий арестантскими помещениями чувствовал себя довольно свободно и считал себя ответственным лишь перед комендантом крепости, а этот последний фактически был в крепости самодержцем. Даже всесильный департамент полиции, являвшийся поставщиком узников крепости, оказывался бессильным перед комендантом: никто из чинов этого департамента, как бы ни было высоко его положение, не мог проникнуть в арестантские помещения без разрешения коменданта. Этот последний отменял выданные департаментом разрешения на свидания с заключенными. Высшему руководству полиции приходилось принимать к сведению различные требования крепостного коменданта.

Инструкция и правила не особенно стесняли коменданта крепости и заведующего арестантскими помещениями, так как круг

Общий вид Петропавловской крепости.
Переснимок из книги В. И. Пилявского «Петропавловская крепость»,
Государственное архитектурное издательство, 1950.

*БАСТІОНЪ.
ТРУБЪЦКОЙ.
ОДЕТЬ КАМНЕМЪ.
ПРИИМПЕРАТРИЦЪ ЕКАТЕРИНЪ.ІІ.
1785 ГОДА.*

Петропавловская крепость.
Мемориальная доска на Трубецком бастионе.
Переснимок с фотографии Музея Революции РСФСР.

их деятельности был очерчен широко или даже совсем не определялся. Это вполне понятно. Петропавловская крепость как важнейшая государственная тюрьма была предназначена для поддержания произвола всего аппарата царизма и уже по одному такому своему назначению должна была оставлять широкий простор для действий тех, кто стоял во главе крепости и арестантских помещений в ней. Поэтому неудивительно, что названные нами акты не содержат ровно никаких указаний на какой-либо контроль за деятельностью коменданта и заведующего арестантскими помещениями. В них нет даже никакого намека на право обжалования заключенными распоряжений этих начальников.

Для выяснения неограниченного объема власти коменданта, этого «самодержца» Петропавловской крепости, укажем в виде примера на ст. 15 правил. В силу этой статьи комендант мог заключать узника в темный, сырой карцер на срок до недели и возобновлять это наказание хотя бы на следующий же день после освобождения. Он мог без ограничения срока лишать узников права чтения книг, переписки, свидания с родными, не говоря уже о курении. При этом он мог назначать все эти взыскания одновременно. Лишь от его усмотрения зависело, за какое нарушение назначить то или другое наказание или все их вместе. В полном смысле слова это была власть неограниченного владыки.

Если принять во внимание вполне понятное старание коменданта оправдать оказанное ему «высочайшее» доверие и если вспомнить основной лозунг правительства о крепкой власти, то станет понятным, почему режим Трубецкого бастиона, главного места заключения в крепости, был невыносимо тяжким.

В XX веке Трубецкой бастион перестал быть тюрьмой для отбывания наказания — он был превращен в место предварительного заключения. Поэтому длительные сроки заточения стали лишь редким исключением. В большинстве случаев сроки пребывания в Петропавловской крепости не превышали полугода. Однако при сравнительно небольшой продолжительности заточения режим крепости успевал причинять заключенным так много физических и нравственных страданий, что Петропавловская крепость ни в какой степени не утратила своей «славы» страшного тюремного застенка.

В самом деле, из 543 человек заключенных 60 человек, т. е. одиннадцать процентов, были переправлены в больницы. Это значительный процент. Даже и за короткие месяцы пребывания в них сырые, темные камеры и гнетущий режим одиночного заточения так расшатывали физическое состояние и нервы узников, что администрация оказывалась вынужденной переводить их в больницы, несмотря на свое отрицательное отношение к таким

переводам. В архивных делах мы нашли яркий пример, показывающий, с какой неохотой администрация тюрьмы и департамент полиции переводили заболевших в больницы. Тюремный врач в своем рапорте от 8 декабря 1906 г. доносил, что «заключенная в камере № 71 вследствие голодания до того ослабла, что каждую минуту ей грозит опасность смерти. Безусловно необходимо отправить ее в больницу»¹. Несмотря на всю категоричность этого заключения тюремного врача, больная не была переведена в больницу. В добавление к физическому истощению присоединились, должно быть, тяжелые психические переживания, и узница Трубецкого бастиона покончила жизнь самоубийством.

Ей удалось это сделать, несмотря на особые трудности совершения самоубийства в одиночных камерах Трубецкого бастиона, где узники находились под постоянным наблюдением тюремной стражи.

Самоубийство произошло в пять часов пополудни на глазах дежурного жандармского унтер-офицера. Из донесения коменданта крепости в департамент полиции видно, что жандарм доложил начальству свои наблюдения, связанные с этим случаем. Он видел, как узница «долго и задумчиво» ходила по камере. Вероятно, ему не было в диковинку такое поведение заключенной и часто приходилось через «глазок» тюремной двери наблюдать, как заключенные «долго и задумчиво» ходят из угла в угол в своих одиночных камерах или мечутся в них целыми часами. Но вслед за таким хождением жандарм увидел, как узница прыгала у окна, «стараясь ухватиться за подоконник, держась одной рукой за форточку, другой обернув шею какой-то белой полосой...» Не имея ни права, ни возможности войти в запертую камеру, жандарм побежал сообщить о виденном начальству. Когда вошли к заключенной, то нашли ее уже повесившейся на двух полосах (вырванных ею из простыни), прикрепленных к пруту решетки тюремного окна. Прибывший врач констатировал смерть самоубийством. Очевидно, потребовалось немало времени, чтобы войти с соблюдением всех тюремных правил в одиночную камеру, где заключенная расставалась с жизнью. Донесение коменданта заканчивалось сухим указанием, что после ее смерти осталось 35 р. 38 к. денег, часы и обручальное кольцо.

Надо учесть, что, кроме удавшихся самоубийств, были, конечно, и неудавшиеся покушения на них. Статистики таких покушений комендант крепости не вел, это было не в его интересах. Однако в одной из своих бумаг, адресованных директору депар-

---

¹ ЦГИА в Москве. Дело «О вооруженном нападении 14 октября 1906 г. на помощника казначея С.-Петербургской портовой таможни» (л. 350).

тамента полиции, комендант крепости (21 апреля 1905 г.), ставя себе в заслугу неудачи самоубийств в крепости, писал: «Несмотря на самый бдительный надзор за арестованными унтер-офицеров жандармской и наблюдательной команд и беспрестанную поверку их со стороны заведующего арестантскими помещениями подполковника Веревкина исполнения ими обязанностей, между арестованными, в ожидании исполнения приговора, было много случаев покушения на самоубийство»¹.

К сожалению, мы лишены возможности расшифровать комендантское выражение «много случаев покушения на самоубийство» и заменить его хотя бы приблизительной цифрой. Сам комендант не только не приводил ее, но и ставил себе в заслугу сокрытие от всякой огласки даже случай самоубийства ротмистра-узника, о котором остальные заключенные и не подозревали. Кстати, он развивает здесь свой взгляд на огромный вред огласки самоубийств, совершенных в крепости. Он припомнил уже известный нам из третьего тома «Истории царской тюрьмы» случай самоубийства Марии Ветровой². Комендант писал: «Не говоря о том, что случай этот был в самом превратном виде описан в иностранных газетах, он до невозможности был извращен между студентами высших учебных заведений и курсистками высших женских курсов, что в то время было очень серьезно, а в настоящее время имело бы еще более серьезные последствия, за которые всецело должен бы отвечать комендант». В этом подробном заявлении коменданта Петропавловской крепости Эллиса мы нашли слова, которые необходимо здесь привести. Он с гордостью указывал, что его «долговременная служба известна лично государю императору и великому князю главнокомандующему». Итак, комендант страшной Петропавловской крепости ссылался на одобрение этой деятельности самим императором и его дядей главнокомандующим. Они оба были организаторами всего того, что творилось за стенами Петропавловской крепости, той тюремной политики генерала Эллиса, которую он проводил в интересах дома Романовых и эксплуататорских классов.

Петропавловская крепость могла и за самые незначительные сроки заключения укоротить жизнь заключенных и разрушить их здоровье.

Из последующего очерка будет видно, как два месяца пребывания в Петропавловской крепости солдат электротехнической роты в условиях постоянной сырости и холода, на гнилой соломе,

¹ ЦГИА в Москве. Фонд департамента полиции, 7 делопроизводство, 1906, № 6, т. 1 (лл. 94—95).

² См. М. Н. Гернет, История царской тюрьмы, т. 3, 1952, стр. 171.

превратили некоторых из них, молодых и сильных, в пожизненных калек, которые даже во время суда не могли стоять на ногах.

Если пребывание в крепости оказывало такое пагубное влияние на здоровье заключенных, то лишь словесным украшением «Инструкции» 1898 года являлась ее статья (22) о врачебной помощи заключенным местного тюремного врача и о переводе их в больницы. Фактическое в тех или других случаях требование самого врача могло не исполняться, а сотня солдат-узников на глазах врача и самого коменданта превращалась в больных и калек.

Как лицемерно при этом звучат параграфы «Инструкции», предписывавшие водить заключенных в баню два раза в месяц и заготавливать для них мочалки, веники и мыло!

Для выяснения постановки врачебной помощи узникам Петропавловской крепости я решил изучить какое-либо дело из ежегодно заводившихся в бастионе и носивших название «О медицинском освидетельствовании секретно арестованных лиц». Мне сразу же встретились указания на то, что комендант крепости не верил болезням заключенных и не был склонен удовлетворять просьбы о переводе их в больницы даже при поддержке таких просьб тюремным врачом. Например, одна из заключенных обращалась с просьбой о предоставлении ей врача-гинеколога за ее счет. Повидимому, ее болезненное состояние ухудшалось, и после четырех врачебных освидетельствований ее перевели в больницу, откуда через месяц возвратили опять в крепость. Здесь она вновь возобновила просьбы о помещении ее в клинику по женским болезням. Комендант крепости выразил недоверие к заявлению больной и отказал ей в переводе в клинику. Вместо клиники она была переведена в Курскую тюрьму.

Еще ярче выразилось недопустимое отношение тюремной администрации к психически заболевшим заключенным: один узник был признан «одержимым тюремным психозом», однако товарищ министра внутренних дел запретил перевести его в больницу, мотивируя свой запрет тем, что больной — серьезный фанатический революционер. Из запрещения министерства внутренних дел перевести душевнобольного узника Трубецкого бастиона в больницу видно, что перевод для лечения зависел не от характера болезни и степени ее развития, а от степени политической опасности арестованного. Поэтому с переводом душевно заболевших не спешили. Из бумаги коменданта крепости от 24 марта 1906 г. видно, что в этом месяце в тюрьме находилось четверо психически больных. Из них трое страдали «тюремным психозом», а четвертая заключенная своими криками и плачем вызывала со стороны заключенных требование объяснить причины этих кри-

ков и плача. Комендант с решительностью добавлял о невозможности давать всем объяснения¹.

Прекрасным подтверждением того, как комендант крепости пренебрегал всякой заботой о здоровье узников, жаловавшихся на свои болезни, служит следующее его обращение к товарищу министра внутренних дел: «арестованные, преимущественно из числа наиболее серьезных, взяли как бы в обыкновение жаловаться на состояние здоровья, придумывать разные болезни и обращаться» через родных одновременно в департамент полиции, министерство внутренних дел, жандармское управление, к прокурору с просьбами об освидетельствовании их. Исходя из такого недоверия к своим жертвам и из нежелания отягощать себя излишнею работою, комендант крепости предложил министерству производить освидетельствование заключенных лишь по инициативе департамента полиции. Он заканчивал свое обращение голословным и лживым заявлением: «наблюдение за состоянием здоровья арестованных, содержащихся в Трубецком бастионе, составляет безусловно одну из самых существенных обязанностей коменданта и заведующего арестантскими помещениями. В случаях серьезной болезни я немедленно сообщаю в департамент полиции». Поэтому «можно устранить беспрестанные просьбы» об этом родных². Так этот жестокий генерал, предлагая устранить просьбы матерей и отцов об освидетельствовании их детей, выдавал себя за «отца родного» всех «страждущих и плененных» в его темнице.

До какой степени комендант Эллис недоверчиво относился к освидетельствованиям больных врачами-специалистами, видно и из следующего случая. В 1905 году в своей официальной бумаге в департамент полиции, направленной туда после освидетельствования одного заключенного, Эллис позволил себе высказать прямые подозрения, что врач-специалист, высказывавшийся за перевод больного из бастиона, был подкуплен дядей арестованного. Эллис просил впредь допускать в крепость лишь специалистов по выбору медицинского инспектора статского советника Скабичевского. Департамент полиции поспешил ответить полным согласием на это предложение коменданта.

Сам департамент полиции был также противником врачебных забот о заключенных. Так, в 1914 году этот департамент,

¹ ЦГИА в Москве. Фонд департамента полиции, 7 делопроизводство, 1906, № 6, т. 2, «О пересылке писем и прошений содержащихся в С.-Петербургской крепости» (л. 85).

² ЦГИА в Москве. Фонд департамента полиции, 7 делопроизводство, 1904, № 6, т. 1. «Списки арестованных, содержащихся в С.-Петербургской крепости» (лл. 111—112).

тративший огромные суммы на своих сыщиков и тайных осведомителей, навел экономию в Трубецком бастионе: он сократил должность акушерки с окладом 180 руб. в год и должность женской прислуги. Между тем та или другая помощь женщины с медицинским образованием вызывалась наличием среди заключенных в Трубецком бастионе женщин.

Состояние одиночных камер Трубецкого бастиона за последние семнадцать лет его существования при царизме в основных чертах осталось таким же, каким оно было в XIX веке и каким уже известно нам из предшествующих томов этого труда. Сырость и темнота — явления, характерные для Трубецкого бастиона с первого года его существования, — нисколько не уменьшились. Ведь крепостные стены, так близко подведенные к зданию тюрьмы и на сажень превышавшие его, не отодвинулись, и солнце попрежнему не проникало в казематы, чтобы осветить и прогреть их. На четвертом и пятом десятках лет своей службы царизму тюремные камеры не стали суше и теплей.

В печати почти совсем нет работ о крепости, вышедших из-под пера ее узников интересующего нас периода. Бывший заключенный, проведенный в Трубецком бастионе время с 17 мая 1903 г. по 31 августа 1904 г., автор одной из очень немногих таких работ, отметил в своих воспоминаниях: «В камере холодно и сыро. Топят до июня месяца, а иногда и все лето. Вечный полумрак». При таких условиях особое значение приобретают для нас материалы, извлеченные из архивов.

Надо учесть, что для подачи жалоб и протестов на отказ в медицинской помощи не у всех заключенных находилось соответствующее желание. Не только не было уверенности в достижении удовлетворительных результатов от таких обращений к тюремной администрации, но было противно и само обращение к ней. Поэтому я воспроизвожу здесь выдержки из одного протеста против режима бастиона. Он исходил от заключенного, проведенного в крепости время с 25 октября 1906 г. по 9 апреля 1907 г. На четвертом месяце своего пребывания в крепости этот узник писал: «Администрация принимает меры, которые клонятся к явному истощению организма и вообще к подрыву физических сил заключенных». Автор протеста указывает, что комендант крепости (Эллис) за время с 29 декабря по 30 января четырежды заключал его в карцер на хлеб и воду: «Вероятно, любому департаментскому писцу известны истины, не усвоенные еще господином комендантом, о действии на организм темноты, плохого питания, отсутствия воздуха и движений». Конечно, заключенный заблуждался, предполагая, что комендант крепости не знает о пагубном влиянии на здоровье темноты, цдк»

хого питания, отсутствия воздуха и движений. Именно потому, что комендант все прекрасно знал, он это и проделывал. Вспомним, как он гордился, что его деятельность лично известна государю. Продолжая свое заявление, заключенный дословно писал, что подследственные узники в крепости «подвергаются средневековым истязаниям». Он писал: «Несомненно, что унтерские приемы коменданта не век останутся под спудом и рано или поздно сделаются достоянием печати, но общество обвинит не унтера в генеральских погонах, назначение которого заключается лишь в роли послушного «цербера», приставленного охранять ваших пленных, — вас самих, как лиц, безусловно осведомленных об участи, которой вы подвергаете заключенных».

Автор заявления наивно думал, что департамент полиции «тем или иным способом сократит зарвавшегося в своей неразумной ретивости «старца» (так он называл коменданта), ибо если до сих пор департаменту ничего подобного не было известно, то теперь сообщено ему об этом официальной бумагой».

Результат этого протеста человека, уже четырежды наказанного карцером, не замедлил сказаться. Комендант посадил его в карцер пятый раз. Когда же узник довел об этом до сведения департамента полиции, то получил от него ответ, признававший действия коменданта вполне правильными и основанными на инструкции¹.

Надо предполагать, что после вторичного заявления в департамент полиции протестант-заключенный был посажен в карцер в шестой раз, но об этом история умалчивает, так как новых протестов в деле не оказалось. Бесполезность их была очевидна. Департамент полиции санкционировал все мероприятия коменданта как в отношении заключенных вообще, так и в отношении указанного заключенного. Они были для него «законны» даже и в этом случае, когда, по исчислению автора заявления, он из 38 дней пребывания в крепости четвертую часть времени провел в темном карцере. Инструкция, на которой красовалась надпись великого князя «Одобряю», узаконила и этот способ укорачивания жизни заключенных и грубого издевательства над ними и над их попытками искать справедливости в департаменте полиции.

Здоровье заключенных неизменно подтачивали страшная сырость, полное отсутствие солнечного света и постоянный холод в казематах Трубецкого бастиона. Эти качества были присущи

¹ ЦГИА в Москве. Фонд департамента полиции. 7 делопроизводство, 1908, 1909, 1910, 1911, 1912, 1913, 1914 и 1915, № 6, т. 3, «О порядке содержания политических заключенных в С.-Петербургской крепости и об общих вопросах по сему предмету» (л. 19 и оборот).

камерам обоих этажей тюрьмы, но в наибольшей степени казематам нижнего этажа. Сам комендант в одной из своих официальных бумаг, адресованных в департамент полиции, признавал сырость камер нижнего этажа. Тем не менее в них помещали заключенных и при наличии свободных камер во втором этаже. Это делали тогда, когда хотели дать заключенному почувствовать во всей полноте тяжесть пребывания в крепости.

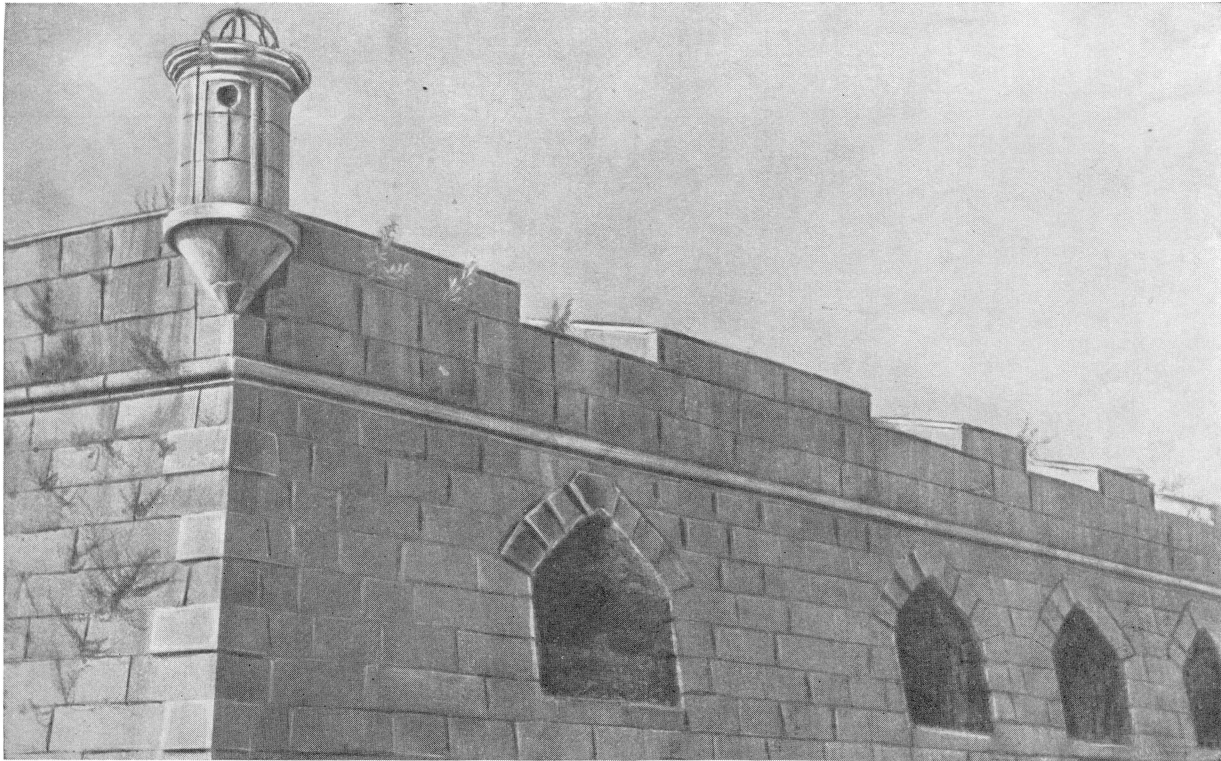
Тюремная администрация довольствовалась для поддержания здоровья заключенных предоставлением им на 15 минут прогулок на воздухе по тюремному дворику. Этот двор представлял собою узкую полосу земли, заключенную между двумя стенами. Одна из стен была каменной стеной тюрьмы, высотой в два этажа, а другая, еще более высокая, — из гранита двухсотлетней давности. От нее веяло вековой сыростью. Мало оказывалось свежего воздуха на этом дворе, замкнутом в каменные стены, а небо над ним представлялось узенькой полоской. Здесь узники крепости должны были «запасаться» кислородом для борьбы за свою жизнь в душных камерах крепости. Однако времени для прогулок было так мало, что узники могли вздохнуть здесь полной грудью лишь несколько раз и, только запрокинув голову вверх, увидеть клочок неба.

Тюремные правила Трубецкого бастиона требовали ведения в течение каждого отчетного года особой конторской книги о прогулках арестованных. Я обследовал такую книгу о прогулках заключенных за 1908 год¹. В ней изо дня в день давались сведения о прогулках арестованных и о посещениях ими тюремной бани, здание которой находилось на тюремном дворе. В ежемесячных ведомостях давались сведения, какой номер был выведен на прогулку, во сколько часов началась она и когда закончилась, под надзором каких двух жандармов происходила. В этой же ведомости по такой же форме давались сведения и о посещении бани, топившейся дважды в месяц, с допущением сюда арестованных поодиночке, под наблюдением жандармов.

Из указанной книги видно, что продолжительность прогулок колебалась в пределах от десяти минут до получаса, а именно: в январе, феврале, марте — по десять минут, в апреле — пятнадцать минут, в июне — двадцать минут, с августа по ноябрь — тридцать минут. Продолжительность прогулки стояла в несомненной связи с количеством заключенных в крепости, вместе с тем и с числом выразивших желание выходить на прогулку. Так, из отчетной ведомости усматривается, что в январе совершали

---

¹ ЦГИА в Ленинграде. Фонд 1280, 1908, опись 1/123, № 995, «Наряд ведомостей о прогулках политических заключенных за 1908 г.».

Стена Трубецкого бастиона.
Переснимок с фотографии Музея Революции РСФСР.

Тюрьма Трубецкого бастиона. Вид со стороны Екатерининской куртины.

Здесь ходили часовые наружной охраны.

Переснимок с фотографии Музея Революции РСФСР.

прогулки 47 человек, в феврале — 57, в марте — 44, в апреле — 29, в июне — 30, в июле — 26, в августе — 15, в октябре — 27 и в ноябре — 11 человек. Прогулки начинались с восьми часов утра и заканчивались днем, в промежутке между тремя и четырьмя часами. Они совершались, безусловно, всегда в одиночку.

Как ни были коротки эти выходы из камер на тюремный двор, заключенные не отказывались от них. По тюремным правилам — по непонятной причине — заключенные были обязаны перед выходом заменять в своих камерах тюремные халаты и обувь их собственной одеждою и обувью, а по возвращении с прогулки вновь облекаться в «форму арестанта Трубецкого бастиона» (их собственная одежда сейчас же уносилась для хранения в цейхгауз).

Насколько крепко цеплялись узники за эти прогулки, которые я бы назвал по их кратковременности мнимыми и призрачными, видно из следующего интересного факта. В тюрьме бастиона с 7 декабря 1907 г. и до 16 мая 1908 г. содержался арестованный «политик». Ему грозила неминуемая смертная казнь (он был казнен по приговору Петербургского военно-окружного суда 16 мая). Этот смертник аккуратно совершал прогулки почти до рокового дня своей казни. Я подсчитал, что за последний месяц своей жизни он только раз отказался от прогулки. По неизвестным причинам исключение составили первые 12 дней июля 1908 г., когда 12 узников остались почему-то без прогулок.

Лишение прогулок было для заключенных тяжелым наказанием. На 10—15 минут, которые они проводили в садике, переодетые в свое обычное платье, они получали право вышагивать из конца в конец по узкой дорожке. Хождение из угла в угол в одиночной камере сменялось во время прогулки маршировкой на более значительном пространстве двора. Однако заключенным было строго запрещено сорвать хотя бы листочек с куста или травку с газона, подобрать с земли лист, опавший с дерева. Одна узница, проведшая в Трубецком бастионе три года (1896—1899 гг.), писала мне в своем недавно полученном мною письме как об исключительном случае, когда жандарм-стражник разрешил ей под свою ответственность сломать веточку сирени. Характерно, что хотя ветка и была поставлена в воду, она тем не менее в тот же день завяла, задохнувшись в душной камере.

Узникам Петропавловской крепости не разрешалось заниматься каким бы то ни было ремеслом. Они проводили свое время, — кроме сна, почти всегда тяжелого и доходившего у большинства до полной бессонницы, — лишь в хождениях по камере и

в чтении, а некоторые в научных и литературных занятиях¹. Написанное заключенными за день отбиралось вечером. Они могли получить свои записи лишь при освобождении их из тюрьмы, и то только с особого разрешения администрации.

Библиотека Трубецкого бастиона составила из книг, предоставленных ей самими заключенными. Мы не нашли в архивных делах никаких указаний на то, чтобы администрация затрачивала средства казны на покупку книг. Она признавала такие расходы излишними.

К сожалению, в архивах не сохранился каталог книг библиотеки Трубецкого бастиона, между тем указание на существование такого каталога имеется в архивном деле департамента полиции за 1904 год². Департамент заинтересовался этим каталогом с полицейской точки зрения. Несмотря на то, что в библиотеку крепости могли проникнуть только те книги, которые прошли через просмотр департамента полиции, управления комендантуры крепости и заведующего арестантскими помещениями, департамент усомнился в благонадежном составе книг тюремной библиотеки. Его рассуждения по этому вопросу не лишены интереса. Из них выяснилось, как бдительно департамент полиции стоял на страже охраны «надлежащего» политического воспитания своих узников.

2 августа 1904 г. департамент полиции писал коменданту С.-Петербургской крепости:

«Все книги, поступающие в библиотеку, принадлежат, конечно, к числу дозволенных к обращению, но разрешение на пропуск какого-либо сочинения в порядке общей цензуры не служит еще ручательством полной его безвредности в политическом отношении, и существующая у нас литература как оригинальная, так и в особенности переводная, заключает в себе, наряду с полезными сочинениями, и богатый арсенал аргументов, обеспечивающих революционные теории.

При умелом подборе из книг, пропущенных цензурою, весьма нетрудно составить специальную библиотеку для самообразования в революционном направлении. Такая библиотека может быть настолько полною в этом отношении, что в произведениях, печатаемых революционерами в нарушение цензурных постановлений, окажутся лишь крайние выводы и практические приложе-

---

¹ Вспомним, что один из первых узников Трубецкого бастиона — Петр Кротошкин, делая по диагонали своей одиночной камеры девять шагов и совершая 150 таких путешествий, проходил одну версту. В течение же дня он проходил из угла в угол своей камеры семь верст.

² ЦГИА в Москве. Фонд департамента полиции, 7 делопроизводство, 1904, № 6, т. 1 (л. 57).

ния их теорий. Изходящих же до сведения департамента полиции отзывов лиц, пользовавшихся в С.-Петербургской крепости ее библиотекой, усматривается, что последняя приближается до некоторой степени к библиотекам указанного типа. При этом в крепостной библиотеке находятся и такие сочинения, которые, не будучи изъятыми вовсе из обращения, воспрещены, однако, для чтения в общественных библиотеках и читальнях.

Таким образом, политические заключенные, у которых по условиям их положения большая часть времени занята чтением, продолжают жить в том строе понятий, который привел их к участию в революционной деятельности, и под влиянием одностороннего чтения лица, умственно незрелые, могут даже укрепляться и совершенствоваться в усвоенном ими направлении.

Ввиду сего департамент полиции, озабочиваясь упорядочением содержания политических заключенных в нравственном отношении, имеет честь покорнейше просить ваше превосходительство не отказать в распоряжении о доставлении в департамент каталога библиотеки, находящейся в пользовании политических арестантов в С.-Петербургской крепости, для просмотра этого каталога и для отметки в нем тех сочинений, которые не могут быть признаны соответственными для чтения упомянутых лиц.

Означенный каталог будет возвращен вашему превосходительству в наивозможно непродолжительном времени. Подписал директор Лопухин».

Итак, департамент полиции пришел к выводу, что, заключая арестованных по политическим преступлениям в важнейшую государственную тюрьму с ее библиотекой, он открывает возможность «самообразования узников в революционном направлении». Департамент полиции нашел, что он походил на того чудака, который, сидя на суку, сам подрубал его, и не захотел далее походить на него. Он громко заявлял о своей заботе «упорядочить содержание политических заключенных в нравственном отношении». В этих целях он и решил произвести осмотр библиотеки и изъять из нее книги, «опасные в нравственном отношении». Попытка применения такого метода перевоспитания политических заключенных имела место в одной государственной тюрьме еще в 1889 году и привела к общему протесту заключенных в виде длительной голодовки¹. Известно, какие опустошения департамент полиции произвел в составе книг библиотеки Трубецкого бастиона. Он произвел их, несмотря на то, что книги попадали в библиотеку лишь после тройной цензуры, что первым цензором, повторяем, был сам департамент полиции. Кроме департамента полиции,

¹ М. Н. Гернет, История царской тюрьмы, т. 3, 1932,

чистку библиотеки производил и сам комендант крепости. Так, он произвел ее в 1903 году, когда уничтожил книги, признанные им «не подходящими» или «ветхими». С этого времени он допускал к заключенным по собственному усмотрению лишь учебники, а все прочие — только с разрешения департамента полиции.

Департамент полиции, обещая задержать каталог лишь на несколько дней, оставил без него заключенных с 5 августа до 23 сентября. В результате такого длительного «изучения» списка книг он изъял из состава библиотеки Трубецкого бастиона большое число книг научного и художественного содержания и периодические издания за девятнадцать лет.

Этот список книг и журналов пятидесяти пяти наименований, изъятых из библиотеки Трубецкого бастиона, дает некоторое основание судить о составе этой библиотеки и о размахе цензуры из департамента полиции при отборе книг. Что касается количества книг тюремной библиотеки, то последний номер, указанный в списке (№ 396), совсем не дает оснований причислять библиотеку к числу богатых по количеству книг. Можно предположить, что книги были разнесены по нескольким отделам, а приведенный список охватывает лишь один раздел сочинений, почти исключительно по художественной литературе.

Обращает на себя внимание перечень запрещенной литературы. Здесь произвол полицейского цензора был безграничен. Трудно с точностью выяснить, чем он руководствовался, «спасая» нравственность заключенных от вредного влияния отечественной и переводной литературы. В число «опасных» писателей попадали русские и иностранные романисты, историки литературы, экономисты и т. д. Не должны были иметь места на библиотечных полках сочинения Максима Горького, которому, однако, нашлось место в тюремной камере в 1905 году. Книга Мельшина, описавшего свое пребывание на каторге, была изъята из библиотеки Трубецкого бастиона. Сатира Салтыкова-Щедрина объявлялась особенно опасной для попавших в крепость, и были запрещены все сочинения этого автора. Нечего говорить, что книги классиков марксизма было приказано исключить из библиотеки. Неизвестно, сколько времени пробыли в тюремной библиотеке все эти книги, ранее пропущенные самим же департаментом полиции. Он полагал, что никогда не поздно раскаяться, придерживаясь поговорки: «Лучше поздно, чем никогда».

Инструкция 1898 года требовала (§ 19) просмотра книг перед передачей их читателю заведующим арестантским помещением. Он же должен был тщательно просматривать книгу и при ее возвращении арестованным с тем, чтобы пресечь всякие попытки заключенных общаться между собою с помощью книг,

Из нашего ознакомления с очень большим числом архивных дел об отдельных узниках можно было видеть их широкие запросы на приобретение для них художественной и научной литературы по всем областям знаний. Периодические издания (журналы) допускались в тюрьму лишь по истечении года после их выхода в свет. Если предоставленные заключенным книги оставались ими в общем пользование товарищей, то понятен состав книг этой библиотеки.

15 июня 1911 г. была утверждена особая инструкция по распорядку дня в тюрьме Трубецкого бастиона. Одному из жандармских унтер-офицеров поручалось заведование кухней и библиотекой. Так физическое и духовное питание заключенных поручалось заботам одного и того же унтера¹.

К сожалению, я не нашел материалов, указывающих на интенсивность чтения в тюрьме Трубецкого бастиона, но мы знаем, что даже и смертники не расставались с книгой чуть ли не до самой ночи казни.

Некоторые заключенные Трубецкого бастиона занимались творческой работой. История общего и одиночного заключения в России знает примеры, когда узники, преодолевая препятствия, создавали научные труды. Вспомним, что в 1820 году сначала в казематах Алексеевского рavelина, а потом Шлиссельбургской крепости Черновский разрабатывал проект подводной лодки². Из стен Невской куртны Петропавловской крепости в 1862—1866 гг. выходили в свет творения Д. И. Писарева, а в 1862—1864 гг. из казематов Алексеевского рavelина — творения Н. Г. Чернышевского. В середине 70-х годов П. А. Кропоткин писал в одиночной камере Трубецкого бастиона свой известный труд по географии, а через пять лет там же разрабатывал проект воздухоплавательного аппарата Кибальчич. Узник Шлиссельбургской крепости 1884—1905 гг. Н. А. Морозов, будущий почетный член Академии наук СССР, подготавливал к печати свое исследование по астрономии. С января 1896 года в одиночной камере Петербургского дома предварительного заключения работал над своим историческим трудом «Развитие капитализма в России» В. И. Ленин. На другом конце России, в Батумской тюрьме, в 1902 году И. В. Сталин «...не порывает связей с революционной работой»³.

За исследуемый нами период истории Петропавловской крепости заключенный в нее в 1905 году писатель Максим Горький

¹ ЦГИА в Ленинграде. Фонд управления коменданта С.-Петербургской крепости, 1911, № 318 (л. 4 и оборот).

² См. М. Н. Гернет, История царской тюрьмы, т. 2, 1951, стр. 412.

³ Иосиф Виссарионович Сталин, Краткая биография, 1947, стр. 19.

в одиночной камере Трубецкого бастиона написал свою пьесу «Дети солнца». В одном из дальнейших параграфов (§ 18) читатель увидит, что нашему великому писателю пришлось преодолеть несколько препятствий для получения права литератора. Такое занятие требовало предварительного разрешения департамента полиции. За тридцать пять лет существования Трубецкого бастиона «прогресс» в деле научных занятий в недрах Петропавловской крепости заключался лишь в том, что ранее разрешение на них могло последовать лишь от самого царя, а позднее его заменил высший полицейский орган.

Мы говорили до сих пор о научных и литературных занятиях в тюрьме людей, имена которых вошли не только в историю нашей страны, но и в историю мирового человечества. «Население» Трубецкого бастиона в XX веке частично состояло из людей умственного труда, в частности, здесь была представлена и студенческая молодежь. Их ум также требовал работы. Многие из них находили удовлетворение в изучении иностранных языков, для чего не требовалось ни «высочайших», ни полицейских разрешений. Впрочем, и учебники по иностранным языкам могли попасть к узникам бастиона лишь с разрешения департамента полиции и коменданта крепости. В делах отдельных узников часто встречались указания на получение ими самоучителей, учебников, грамматик по немецкому, французскому и английскому языкам. Встретилась даже просьба предоставить учебник по латинскому языку: «мертвый дом» пробудил интерес и к этому «мертвому» языку.

Говоря о научных занятиях в Трубецком бастионе, отметим здесь один архивный документ, — его содержание напомнило мне предсмертное выступление Кибальчича, осужденного по процессу 1 марта 1881 г., когда этот приговоренный к казни узник сообщил суду о передаче им своему защитнику проекта воздухоплавательного аппарата. В 1907 году в этой же самой тюрьме Трубецкого бастиона некто заключенный в бастион Петропавловской крепости под вымышленной фамилией занимался в своей одиночной камере решением математической задачи. Приговоренный Петербургским военным окружным судом к смертной казни, он за три дня до ее исполнения подал коменданту крепости следующее заявление:

«Его превосходительству г-ну коменданту С.-Петербургской крепости

П р о ш е н и е

Прошу Вас передать после моей смерти нижеописанное Петербургскому физико-математическому факультету.

Я давно не занимался математикой. Поэтому, быть может, мои заметки не имеют никакого значения, тогда остается их бросить

в корзину. Если же они дают что-либо новое в вопросе о делении всякого угла на три части, то прошу сделать их общим достоянием».

Вслед за этим автор прошения приложил решение задачи, снабдив его чертежами и формулами. В конце он поставил дату написания этой бумаги «13 июля 1907 г.».

В списках узников Трубецкого бастиона значится, что он «16 июля 1907 г. выдан для казни».

В заявлениях Кибальчича и нового узника выражена сила их воли, их стремление служить человечеству и думать в последние дни жизни не о самом себе, а о завоеваниях для науки.

Интересно отношение коменданта крепости и департамента полиции к приведенному выше прошению. Комендант крепости переслал заявление узника не в университет, а директору департамента полиции Курлову. В препроводительной записке он писал, что «спешит» переслать в департамент полиции собственноручное названное заявление неизвестного при использовании его для возможного установления личности автора заявления. Итак, комендант крепости прежде всего и больше всего интересовался не решением задачи, а кем же является в действительности неизвестный заключенный. Должно быть, так же подошел к этому документу и директор государственной полиции. Имеется его резолюция о снятии фотографии с заявления, но нет никаких указаний на исполнение прошения узника о пересылке его заявления на математический факультет Петербургского университета. Оно осталось в полицейском деле¹.

При изучении режима тюрьмы Трубецкого бастиона важно не только ознакомление с различными параграфами инструкций и правил внутреннего распорядка, но и с их осуществлением на практике. В частности, это замечание относится и к свиданиям заключенных с их родными и с различными должностными лицами.

Инструкция 1898 года вопросу о свиданиях отвела много места. Она допускала свидания с осужденными лишь с разрешения царя или учреждения, за которыми они числились. Свидания же с подследственными допускались с разрешения департамента полиции. Круг родственников, с которыми допускалось свидание, не был определен в инструкции, но зато свидание с должностными лицами (защитниками, врачами, нотариусами и др.) допускалось в исключительных случаях. Для таких посещений

¹ ЦГИА в Москве. Фонд департамента полиции, 7 делопроизводство, 1907, № 1537, т. 3, ч. 1.

назначались два дня в неделю, и они происходили в присутствии заведующего арестантскими помещениями и двух чинов наблюдательного состава.

Инструкция требовала: «Посетителям запрещается приносить с собою и передавать арестованным деньги, одежду, белье, книги, съестные припасы и что бы то ни было. Наблюдается, чтобы между ними и арестованными не было разговоров о правительственных распоряжениях и о делах заарестования».

При ознакомлении с архивными делами выяснилось, что комендант крепости по вопросам разрешения свиданий был еще более беспощаден, чем сам департамент, а действия его — еще более незаконными. Его тактика была направлена на возможно более широкое ущемление в этом отношении интересов самих заключенных и тех, кто пытался увидеться с ними. Сатрап-садист прекрасно знал, как дороги заключенным свидания с их близкими, и он стремился причинить узникам как можно больше боли. Обратимся к фактам.

В 1905 году (как мы увидим из главы V) по делу 9 января были заключены в Трубечкой бастион Максим Горький и семь других арестованных. Жена Горького, Е. П. Пешкова и жена другого узника получили от полиции разрешение привести на свидание с мужьями своих малолетних сыновей. Комендант их не пропустил, несмотря на отсутствие в инструкции запрещений свидания заключенных родителей с малолетними детьми, — хотя комендант и ссылался на инструкцию.

Стоит привести здесь письмо коменданта в департамент полиции, чтобы показать, какую твердую почву он чувствовал под ногами, совершая свои беззакония. Он писал (28 января 1905 г.): «Состоя десятый год комендантом крепости, подобного обхода инструкции, утвержденной великим князем, главнокомандующим, не было, и я крайне сожалею, что ваше превосходительство полагает возможным сделать исключение для указанного арестованного, потому что отказ коменданта, исполняющего в точности инструкцию, восстанавливает против него, коменданта»¹.

Таким образом, директор департамента полиции, позволивший матери взять маленького мальчика на свидание с отцом, оказался в глупом положении. Но этого мало. Он получил и настоящий нагоняй от коменданта.

В апреле 1905 года, через три месяца после этого письма, комендант крепости написал тому же директору департамента

---

¹ ЦГИА в Ленинграде. Фонд управления коменданта С.-Петербургской крепости, 1280, 1905, № 931, опись 1, «О допуске к свиданию секретно арестованных с родственниками» (л. 9, оборот).

новое письмо в еще более решительных выражениях. Он снова нарушал инструкцию 1898 года. Инструкция допускала свидания с родными независимо от их служебного положения. На этот раз речь шла о свидании матери, сестер и братьев с Каляевым, осужденным к смертной казни за убийство великого князя Сергея. Департамент полиции с согласия прокурора особого присутствия Сената дал разрешение на свидание. Тем не менее комендант крепости не допустил одного из братьев на свидание только на том основании, что он служил рядовым в лейб-гвардии Измайловском полку. Письмо коменданта Эллиса особенно интересно потому, что оно знакомит с общим отношением этого генерала к свиданиям в тюрьме.

Комендант писал: «Состоя десятый год комендантом С.-Петербургской крепости, я имел полную возможность приобрести опыт в содержании арестованных, и, озабочиваясь об их здоровье, пище и содержании в чистоте, я убедился в необходимости быть в высшей степени осторожным на изъявление согласия для свиданий, даже через решетку, с арестованными, допуская свидания без решетки только с их защитниками или таким, которые, отбыв определенное им наказание, препровождаются временно в крепость для отправления их по назначению»¹.

Совершенно непонятно, почему служба солдатом в рядах армии лишала носителя солдатского мундира права на свидание с родным братом, уже приговоренным к смерти, а вместе с тем лишала и самого осужденного права на такое свидание. Эллис пошел в своей жестокости еще дальше. Департамент разрешил родным Каляева личные свидания с ним, а комендант допустил свидания лишь через решетку.

В обычных местах заключения была усвоена практика позволять свидания супругам, не состоявшим в «законном браке», а также женихам и невестам. Эллис в своем «царстве» держался другой тактики: если не было церковного брака, не было и права на свидание. В 1907 году он отменил разрешение на свидание, выданное «незаконной» супруге для посещения ее мужа в крепости. Разрешение было дано из департамента полиции в особой записке с упоминанием в ней фамилии «незаконного» мужа. Комендант отобрал эту записку и не упустил случая подчеркнуть, что обратившаяся с просьбой о свидании — лишь «сожительница», а не жена, и что было неправильным упоминание в записке фамилии заключенного: фамилии заключенных должны содержаться в секрете, и он, комендант, называет их лишь в своих донесениях

¹ ЦГИА в Москве. Фонд департамента полиции, 7 делопроизводство, 1904, № 6, т. 1 (лл. 94—95).

государю, великому князю и департаменту полиции. Он заканчивал свое обращение в департамент полиции тем, что все происшедшее крайне нежелательно.

В 1904 году (с 19 июля по 18 сентября) Эллис совершенно прекратил свидания заключенных. Он мотивировал этот отказ производством ремонта в Екатерининской куртине, в которой происходили эти свидания. Комендант, если бы пожелал, мог бы организовать свидания в нижнем этаже крепости, который насчитывал 36 камер, тем более, что в них содержалось на 1 июля 11 человек, на 1 августа — 12, на 1 сентября — 24 и на 1 октября — 23 человека. Однако он этого не сделал. Долго тянулись для заключенных эти два месяца без всякого общения с родными хотя и через тюремную решетку!¹

Комендант, крепя сердце, переносил тюремные свидания узников с родными. В 1907 году, когда, по его словам, число заключенных достигло сорока двух, свидания, естественно, участились. Тогда Эллис поспешил обратиться в департамент полиции с прямым предложением давать поменьше разрешений на свидания, так как заведующий арестантскими отделениями, обязанный присутствовать при посещениях родными узников, якобы утомляется от таких посещений, отнимающих у него два раза в неделю по четыре-пять часов².

Особое место занимали свидания с защитниками, судебными чиновниками, докторами и т. п. Эллис не был сторонником свиданий узников и с этими лицами. Так, например, он просил департамент полиции давать защитникам разрешение на свидание с указанием срока их посещения, а иначе они будут «приходить для развлечения арестованных и сообщения им всех сведений о текущей жизни»³.

Члены военного ведомства, а именно члены военно-окружного суда, должны были приходить в крепость для допросов узников, для предъявления им обвинительных актов и пр. Так как число обвиняемых, числящихся за военно-окружным судом и содержащихся в крепости, было весьма значительным, то посещение Трубецкого бастиона сотрудниками военного суда было нередким явлением. Получение специальных разрешений на каждое такое

---

¹ ЦГИА в Москве. Фонд департамента полиции, 7. делопроизводство, 1904, № 6, т. 3, «О свиданиях».

² ЦГИА в Москве. Фонд департамента полиции, 7. делопроизводство, 1908, 1909, 1910, 1911, 1912, 1913, 1914, № 6, т. 3, «О порядке содержания политических заключенных в С.-Петербургской крепости и об общих вопросах по сему предмету» (л. 51).

³ Тот же архив, то же дело (л. 71).

посещение затрудняло работников военного суда. На этом основании ведомство предложило дополнить § 12 инструкции 1898 года примечанием о допущении в крепость различных должностных военных лиц по специальным командировкам за подписью председателя военного суда. Департамент полиции согласился с этим, а комендант крепости тем не менее не пропустил в Трубецкой бастион генерала из военного суда, не представившего разрешения департамента полиции. И после этого никаких изменений параграфа о свиданиях не последовало.

Однако имели место отступления от строгих правил, установленных для свиданий с заключенными. Некоторые из этих отступлений объяснялись желанием администрации или даже самого правительства смягчить суровость режима крепости ввиду своего особо благосклонного отношения к тому или другому заключенному. Так, например, заподозренному в шпионаже германскому вице-консулу Лерхенфельду были разрешены свидания совершенно с посторонним ему человеком, камергером двора его величества. Почти в то же самое время царь, милостиво относившийся к заключенному в крепость военному министру Сухомлинову, обвинявшемуся в государственной измене, отправил для свидания с ним министра внутренних дел Протопопова (см. § 32).

Девизом всей тюремной деятельности комендатуры Петропавловской крепости была величайшая ее настороженность из опасения проникновения в запретные места какого-либо постороннего человека и из боязни побегов узников Трубецкого бастиона. История не знает попыток таких побегов в XX веке. Однако сердце коменданта не билось спокойно. В одной из своих бумаг он требовал от департамента полиции всегда наперед извещать его о фамилиях жандармских офицеров, командированных за заключенными или за новыми арестованными для заточения их в крепость.

К этому же роду предупредительных мер относится требование коменданта о том, чтобы департамент полиции заранее сообщал ему фамилии тех арестованных, которые должны были поступить к нему или которых должны были взять от него. Неисполнение департаментом этих требований коменданта Эллиса вызвало со стороны последнего резкую отповедь, в ней он просил директора департамента полиции не ставить его в необходимость вновь обращаться с подобными заявлениями.

Тюремные правила не допускали никакого общения между собою заключенных. Они ни в коем случае не должны были встречаться на прогулках и в коридорах, когда их выводили из одиночных камер. Тем не менее общение происходило

посредством перестукивания, за которое следовало наказание карцером.

В 1907 году комендант крепости уловил сношение арестованных при помощи голубей, к ножкам которых были привязаны записки. Голуби приманивались к окну камеры прикармливанием. Это «зло» было пресечено в самом его корне: перед решетками тюремных окон были устроены сетки, лишившие заключенных возможности кормить голубей¹.

Одновременно ограждение тюремных окон такими сетками лишало узников в еще большей степени дневного света, которого и без того нехватало, и санитарное состояние камер ухудшилось.

За несколько десятилетий существования Трубецкого бастиона, повидимому, сколько-нибудь серьезного ремонта одиночных камер не производилось. И лишь в 1904 году был произведен ремонт нескольких печей нижнего этажа, заменены негодные водопроводные трубы и отремонтированы камеры, в которых были окрашены стены и потолки и установлено электрическое освещение, заменившее свечи, которые были введены вместо керосиновых ламп в 1897 году, после самоубийства Марии Ветровой, облившей себя керосином². Вместо выносных парашей были устроены в каждой камере клозеты. Этим и исчерпывались изменения, произведенные в камерах. В полной неприкосновенности остались в одиночных камерах их сырость, темнота и холод. О замене дровяного отопления каким-либо другим и о просушке всей тюрьмы никто и не помышлял.

Если в первые годы после открытия тюрьмы Трубецкого бастиона в нее заключались как подследственные, так и осужденные, и если осужденные, хотя бы в административном порядке, попадали сюда даже и в конце XIX века, то в XX веке нам известен лишь один случай направления в Трубецкой бастион для отбывания наказания приговоренного к лишению свободы в крепости. Это был один литератор, поступивший в крепость 18 ноября 1910 г., а 12 мая 1911 г. переведенный в больницу С.-Петербургской одиночной тюрьмы. Как мы уже сказали, тюрьма Трубецкого бастиона заполнялась в XX веке лишь под-

¹ ЦГИА в Москве. Департамент полиции, 7 делопроизводство, 1908, 1909, 1910, 1911, 1912, 1913, 1914, № 6, т. 3, «О порядке содержания политических заключенных в С.-Петербургской крепости и об общих вопросах по сему предмету» (лл. 15—16).

² В одном из наиболее поздних описаний камеры Трубецкого бастиона, относящемся к 1916 году, отмечено, что электрическая лампочка помещалась над столиком в «корабельном фонаре с круглым, толстым стеклом и рефлектором», дававшим неприятный отраженный свет.

следственными. Между тем инструкция 1898 года предусматривала пребывание в крепости не только подсудимых, но и осужденных (см. § 16 инструкции). Впрочем, в тюрьме до приговора в исполнение оставались те из подсудимых, которые были осуждены за время их пребывания в крепости. Чаще это были смертники. 9 февраля 1905 г. комендант Эллис срочно сообщил в департамент полиции, что отныне не будет принимать в крепость осужденных и будет предоставлять камеры лишь для обвиняемых¹. Такое его распоряжение было самовольством, находившимся в противоречии с § 16 инструкции 1898 года.

Исключительным поставщиком заключенных в Трубецкой бастион был департамент полиции. В XX веке для этого уже не требовалось «высочайшего повеления». Департамент же отбирал из огромной массы привлеченных им к дознаниям и арестованных на пространстве всей России лишь тех, кто представлялся этому высшему полицейскому учреждению особенно опасным. Наибольшую часть заключенных в крепость в XX веке составляли задержанные по обвинению в террористических актах и за пропаганду среди рабочих, а за годы империалистической войны — и за шпионаж в пользу врага.

Само полицейское ведомство смотрело на перевод арестованных из каких-либо тюрем в Трубецкой бастион как на наказание. Например, восемнадцатилетний заключенный был переведен из Дома предварительного заключения в крепость, а за откровенные показания был возвращен снова в прежнюю тюрьму, в Дом предварительного заключения. Известен случай перевода арестованного от мести других заключенных за его откровенные показания (так мотивировался перевод в Трубецкой бастион в 1908 году осужденного по делу покушения на великого князя Николая и министра юстиции Щегловитова).

Несмотря на то, что царь передоверил свое право заключения в Петропавловскую крепость департаменту полиции, комендант крепости посылал ему уведомления о каждом вновь прибывшем в крепость и о каждом выбывшем из нее. Кроме того, царю посылались ежемесячные доклады. В делах мне попался всего один случай, когда Николай II поинтересовался узнать причины заключения в крепость. Точно так же всего один раз он распорядился облегчить положение арестованного в крепости. Этим счастливецом был генерал, бывший военный министр, Сухомлинов,

---

¹ ЦГИА в Москве. Департамент полиции, 7 делопроизводство, 1904, № 6, т. 1, «Списки арестованных, содержавшихся в С.-Петербургской крепости, и их переводы».

обвинявшийся в государственной измене и в шпионаже в пользу Германии.

Донесения коменданта о поступлениях в крепость и о выбытии из нее, кроме царя, направлялись великому князю, главнокомандующему войсками Петербургского военного округа, департаменту полиции и до 27 августа 1905 г. также военному министру. В указанном году военный министр запросил коменданта крепости, на каком основании направляются к нему сведения об арестованных в крепости. Он получил ответ, что это делается «по обычаю, унаследованному по преданию». Выяснилось, что из секретных сумм военного министерства коменданту крепости ежегодно препровождалось 1300 рублей как бы в оплату за отправлявшиеся туда списки. О том, каким образом расходовались эти суммы, отчетов не поступало. Военный министр нашел, что рапорты коменданта крепости не представляют для министерства никакого интереса, и потому просил прекратить их присылку. Не бóльший интерес они представляли для царя и великого князя, но они продолжали получать их до своего свержения¹.

Я заканчиваю очерк о режиме в Трубецком бастионе напоминанием, что узники Петропавловской крепости периода 1900—1917 гг., за несколькими исключениями, не оставили своих воспоминаний о пребывании в крепости. Для характеристик режима приходилось пользоваться почти исключительно архивными материалами департамента полиции и Петропавловской крепости. Если в этих официальных документах нашлись строки, вышедшие из-под пера самих узников, с выражением протеста против режима даже в виде настоящих воплей, исторгнутых этим режимом, то это немногое приобретает огромную силу. Эти вопли раздавались под сводами крепости, как гром. Они дошли и до нашего слуха. Великая Октябрьская социалистическая революция, раскрывшая перед нами бывшие царские архивы, раскрыла и тайны застенка Петропавловской крепости. Мне хочется в заключение этого очерка привести прошение одного узника Трубецкого бастиона. Он написал его в департамент полиции, пробыв в Трубецком бастионе всего три недели.

Этот заключенный писал 16 апреля 1907 г.: «Около трех недель я томлюсь в одиночном заключении. Меня схватили на улице и бросили в тюрьму. Все мои протесты, уверения и просьбы выяснить ошибочность моего захвата не обратили на себя никакого внимания. Меня обрекли на заключение и все связанные

---

¹ ЦГВИА в Москве. Министерство военного главного штаба, 1905, № 48, отдел XVI, № 207, фонд 400, опись III, «О прекращении донесений об арестованных в Петербургской крепости» (лл. 5, 6 и 8).

с ними страдания... Мне до сих пор не предъявлено никаких обвинений, и я не вижу конца моих мучений». Он указывал в своем письме, что лишенный в одиночной камере воздуха, солнца, света, он, профессиональный певец, теряет свой голос, а вместе с ним и средство для существования. И снова повторял: «я невыносимо страдаю, страдаю невинно и не знаю конца страданий»¹. В конце концов этот узник все-таки был освобожден из крепости, так как оказалось, что не было никаких оснований для его заключения.

Этот заключенный был одним из многих. Еще больше было таких, которые были с точки зрения департамента полиции, военно-окружных судов, военно-полевых судов, военно-морских судов, судебной палаты «в и н о в ы м и». Они пошли из казематов Петропавловской крепости на виселицу, под расстрел, на каторгу и в тюрьмы. Эти жертвы царизма большей частью остались безвестными. Если мы называем в четвертом томе «Истории царской тюрьмы» имена некоторых из них, то не забудем, что за ними скрывается безыменная масса рабочих, матросов, солдат, интеллигенции, т. е. весь народ. Вступление на арену революционной борьбы вместо одиночек народных масс и в первую очередь пролетариата наложило свой особый отпечаток на историю Петропавловской крепости.

§ 2. РЕЖИМ ЗАКЛЮЧЕНИЯ В ЕКАТЕРИНИНСКОЙ КУРТИНЕ

Режим заключения в Екатерининской куртине, в противоположность режиму заключения в Трубецком бастионе и в других местах лишения свободы Петропавловской крепости, был льготным. Ему не были присущи уже известные нам черты строгости условий содержания в тюрьме Трубецкого бастиона, между тем в XX веке сюда заключались не подследственные, а уже осужденные.

Льготные условия содержания в Екатерининской куртине объясняются двумя причинами: во-первых, Екатерининская куртина была предназначена для отбывания наказания приговоренных к заключению в крепость, т. е. к режиму, в силу самого закона более легкому, чем условия содержания в арестантских отделениях и в тюрьме; во-вторых, в Екатерининскую куртину,

---

¹ ЦГИА в Москве. Департамент полиции, 7 делопроизводство, 1907, № 6, т. 2, «О пересылке писем и прошений содержащихся в С.-Петербургской крепости» (л. 119),

рассчитанную на одновременное содержание в ней четырех-шести человек, попадали только избранные, которым оказывались различные поблажки со стороны администрации и у которых были «высокие» покровители.

За исследованный период такими заключенными в куртину были, между прочим, пользовавшийся особой благосклонностью Николая II генерал-адъютант Стессель, виновник позорной сдачи Порт-Артура в русско-японскую войну, и контр-адмирал Небогатов, виновник позорной сдачи кораблей японцам, пользовавшийся наряду с другими сдавшимися командирами судов покровительством морского министра и царскими милостями. Смертный приговор, вынесенный им, был заменен десятилетним содержанием в крепости, продолжавшимся в действительности по воле царя очень короткое время.

С официальной стороны крепостной режим заключения в Екатерининской куртине был подробнее определен двумя инструкциями коменданта Петропавловской крепости генерала Комарова от 17 июня 1910 г. Одна из них была обращена к дежурному унтер-офицеру наблюдательной команды по Екатерининской куртине, другая — определяла права и обязанности унтер-офицера, которому поручался вывод заключенных из куртины на прогулки или на церковную службу в Петропавловский собор.

Первая из названных инструкций устанавливала внутренний распорядок в куртине, возлагая ответственность за его соблюдение на дежурного унтер-офицера. На нем лежала обязанность общего наблюдения за заключенными, за чистотой помещения, свиданиями и пр. Хотя обе инструкции употребляют термины «заточенные» и «заключенные», но не дают определения этим названиям. Различий же в режиме для обеих групп не было, кроме одного: заточенные могли совершать прогулки во всякое время, а заключенные — лишь в определенное время.

Вторая инструкция определяла распорядок дня в куртине.

Свидания посетителей с заключенными допускались и внутри их камер. Заключенные имели возможность общаться между собою, так как требование держать камеры закрытыми фактически не соблюдалось.

Все заключенные согласно инструкции могли посещать в воскресные дни церковную службу в Петропавловском соборе.

Барское происхождение заключенных Екатерининской куртины приводило их к освобождению от всяких обязанностей по уборке своей камеры: это производилось сторожами куртины.

Режим не мог быть строгим уже по одной той причине, что в куртине ее начальником являлся дежурный унтер-офицер, а заключенными были генералы и офицеры разных чинов.

Такое значение Екатерининской куртины в XX веке совсем не похоже на то, которое она имела до устройства тюрьмы Трубецкого бастиона, а в некоторых случаях даже и после устройства этой тюрьмы. Екатерининская куртина из грозной тюрьмы стала местом кратковременного заключения на льготных условиях привилегированных осужденных¹.

§ 3. ПЕТРОПАВЛОВСКАЯ КРЕПОСТЬ В ЦИФРАХ

В статистические отчеты о деятельности следственных, судебных и карательных органов, которые ежегодно публиковывало министерство юстиции, не включалось никаких сведений о заключенных в Петропавловскую крепость². Не публиковывались эти сведения и в отчетах военного министерства, хотя часть заключенных, осужденных военно-окружными судами, и отбывала назначенные им наказания в Екатерининской куртине Петропавловской крепости³.

Полная тайна, которая окутывала самое существование Петропавловской крепости, была бы нарушена сообщением хотя бы самых кратких и самых сухих цифровых материалов об узниках как Трубецкого бастиона, так и Екатерининской куртины. Мы сделали попытку раскрыть и эту тайну путем нашей самостоятельной разработки цифр, собранных нами за последние семнадцать лет существования Петропавловской крепости при царизме. Для собирания сведений о заключенных Трубецкого бастиона и Екатерининской куртины мы использовали ежемесячные доклады коменданта С.-Петербургской крепости царю со списками заключенных в крепости на первое число каждого месяца, начиная с 1 января 1900 г. до 1 января 1917 г., а также найденный нами в делах архива этой крепости «Алфавитный список секретным арестантам, содержащимся в С.-Петербургской крепости с 1900—1916 гг.»⁴.

¹ ЦГИА в Ленинграде. Управление коменданта С.-Петербургской крепости, 1911, № 1111 (л. 10), «Инструкция дежурному унтер-офицеру наблюдательной команды по Екатерининской куртине» и «Инструкция унтер-офицерам наблюдательной команды, наряженным для сопровождения заточенных и заключенных лиц на прогулку или в собор».

² Таковыми отчетами были: а) «Сборники статистических сведений министерства юстиции»; б) «Свод статистических сведений по делам уголовным» и в) «Отчеты Главного тюремного управления».

³ Отчеты военного министерства, отчеты Главного судного управления.

⁴ Просмотренные нами за указанный период 192 «Всеподаннейших доклада» с ежемесячными отчетами сохранились в делах под названием: «Дело Управления коменданта Петербургской крепости», «Срочная отчетность о по-

Сведения о каждом заключенном были перенесены нами на индивидуальные карточки, которые и были подвергнуты статистической обработке. Кроме фамилии и имени заключенного, по материалам можно было выяснить время поступления в крепость и выбытие из нее и в большинстве случаев место, куда заключенный выбыл. Далеко не всегда были указаны сословие или профессия узника. Что касается оснований заточения в крепость, то они, по общему правилу, совсем не указывались, или отмечались в неопределенной форме «за государственное преступление». Лишь нахождение в архиве департамента полиции подлинных дел о тех или других узниках крепости и изучение этих дел позволило нам вместо статистики предъявленных к ним обвинений дать очерки революционной борьбы против царизма тех, кто из стен Петропавловской крепости шел на смерть, на каторжные работы, на поселение и т. д.¹

В результате цифровой разработки материалов нами дано несколько таблиц, раскрывающих состав «населения» Трубецкого бастиона и Екатерининской куртины и его изменения по годам, по месяцам и продолжительность пребывания заключенных в крепости. В первую очередь мы останавливаемся на статистике Трубецкого бастиона.

Напоминаем, что в каждом из двух этажей Трубецкого бастиона было по 36 одиночных камер, т. е. всего 72 одиночных камеры. Сюда направлялись департаментом полиции те из многих арестованных, которые считались особенно важными и опасными для существовавшего государственного строя и полная изо-

---

литических арестантах». ЦГИА в Ленинграде, опись 123, 1900, № 851; 1901, № 865; 1902, № 879; 1903, № 886; 1904, № 903; 1905, № 930; 1906, № 959; 1907, № 989; 1908, № 1003; 1909, № 1014; 1910, № 1037; 1911, № 1054; 1912, № 1064; 1913, № 1084; 1914, № 1082; 1915, № 1105; 1916, № 1133. Копии этих «всеподданнейших докладов» мы находим также в ЦГИА в Москве по фонду департамента полиции, 7 делопроизводство, под названием: «Списки лиц, содержащихся в С.-Петербургской крепости» (например, за 1914 г. № 6, т. 1), или «Списки арестованных, содержащихся в С.-Петербургской крепости, и их переводы» (1904 г. № 6, т. 1), или «Списки лиц, содержащихся в С.-Петербургской крепости, и их перевозка» (1908 г. № 6, т. 1) и т. п.

Названный нами «Алфавитный список» заключенных Трубецкого бастиона находится в ЦГИА в Ленинграде, фонд № 1280, дело 1134.

¹ При статистической разработке собранных материалов мы учли, что многие заключенные попадали в крепость под вымышленными или чужими фамилиями или как неизвестные и только позднее начинали заноситься в списки под настоящими их именами, раскрытыми органами политического сыска. Во всяком случае, все такие сведения о личности заключенного, как его пол, сословие или профессия, учитываются в таблицах один раз. Некоторые из узников прибывали в крепость и выбывали из нее за период с 1900—1916 гг. по несколько раз, и такие случаи нами учтены особо,

ляция которых представлялась департаменту полиции наиболее целесообразной. В распоряжении департамента полиции находились в Петербурге такие места лишения свободы, как Дом предварительного заключения при полицейских участках. Наибольший контингент задержанных по политическим обвинениям приходился на Дом предварительного заключения. Заключение в Петропавловскую крепость представляло некоторое неудобство для производства дознания, так как доступ в крепость обставлялся рядом затруднений и для чинов жандармерии, следователей и прокуроров гражданского и военного ведомства. Еще более значительными формальностями обставлялся вывоз заключенных из крепости на допросы в помещение отделения по охране «общественного и государственного порядка».

За 1900—1916 гг. в Трубецкой бастион поступило 543 человека, из коих 453 мужчины и 90 женщин. Таким образом, процент женщин, заключенных в крепость за участие в революции, достиг двадцати.

ТАБЛИЦА 1

ЧИСЛО МУЖЧИН И ЖЕНЩИН, ПОСТУПИВШИХ ДЛЯ ЗАКЛЮЧЕНИЯ В ТРУБЕЦКОЙ БАСТИОН В ПЕРИОД 1900—1916 ГОДОВ¹

Год	Количество мужчин	Количество женщин	Всего
до 1900	7	—	7
в 1900	9	—	9
1901	17	—	17
1902	25	4	29
1903	30	12	42
1904	36	5	41
1905	59	18	77
1906	81	18	99
1907	75	26	101
1908	19	7	26
1909	16	5	21
1910	8	2	10
1911	30	2	32
1912	22	—	22
1913	3	—	3
1914	4	—	4
1915	18	3	21
1916	12	—	12

¹ В этой таблице даны сведения о числе поступлений, а не о числе лиц, поступивших в крепость, т. е. если кто-либо был заключен в крепость дважды, он учитывается два раза.

Небольшие цифры заключенных объясняются тем, что Петропавловская крепость уже не принимала арестованных из других мест империи, кроме Петербурга и петербургского военного округа и что она стала лишь подследственной. Царизм здесь в большинстве случаев лишь начинал свою расправу, а заканчивал ее над узниками в тех тюрьмах, куда их переводили. Так были переведены в другие тюрьмы 394 узника из 543.

Наибольшие цифры поступлений в крепость пришлось на 1905, 1906 и 1907 годы. Эпопея военно-полевых судов 1906—1907 гг. дала свои жертвы Трубецкому бастиону, а затем и виселицам.

Революционное движение в армии и во флоте, давшее крепости, как мы увидим ниже, 68 узников, заполнило ими тюремные камеры особенно в 1911—1913 гг.

Без всякого преувеличения можно сказать, что не только количественно, но и качественно менялся состав заключенных в Петропавловской крепости в различные годы русской истории за 1900 — февраль 1917 года.

Отражались на количестве заключенных даже и в отдельные месяцы такие события, как «кровавое воскресенье» 9 января 1905 г. и деятельность военно-полевых судов с осени 1906 и до весны 1907 года.

Конечно, раскрытие агентами политического сыска той или другой революционной организации давало повышение числа узников в определенные месяцы, а окончание расследования дела о такой организации приводило к снижению этого количества. Во всяком случае раскрытие таких организаций влекло за собой нередко многочисленные аресты, которые сразу повышали количество заключенных не только в крепости, но и особенно в Доме предварительного заключения. Так, например, по делу 1907 года «О ликвидации 1 июня членов боевой организации при С.-Петербургском комитете РСДРП» общее число арестованных достигло 51 человека, из которых в ноябре 1908 года 25 человек предстали перед Петербургским военно-окружным судом¹.

Говоря о численности заключенных Трубецкого бастиона, следует отметить, что она отражает интенсивность революционного движения не по всей империи, а лишь в самой столице — Петербурге. Не только величина этих цифр служит показателем прилива и отлива волн русской революции, но и ознакомление с характером обвинений, по которым производился отбор узников для Петербургской крепости. Министерство внутренних дел за-

¹ ЦГИА в Москве. Дело департамента полиции, 7 делопроизводство, 1907.

точало в казематы Трубецкого бастиона преимущественно и даже почти исключительно тех, кого подозревало как главных участников дела, раскрывавшегося агентами политического сыска. С этой точки зрения последующее изучение архивных дел департамента полиции дает нам материалы для характеристики эпизодов из истории русской революции и борьбы с ней царизма.

За приводимыми нами цифрами скрывается необъятный простор административного произвола. За ними также скрывается охранявший свою силу «прославленный» режим Петропавловской крепости, тяжесть которого продолжали испытывать на себе заключенные XX века, так же как ее испытывали их предшественники — узники Трубецкого бастиона со времени открытия этой тюрьмы (1872 г.).

Недаром за семнадцать лет существования Трубецкого бастиона в XX веке произошло, не считая «многих покушений», два удавшихся самоубийства заключенных, т. е. столько же, сколько за предшествующие тридцать лет истории этой тюрьмы. Самоубийства и покушения на них в Петропавловской крепости за 1900—1917 гг. приобретают особо показательное значение, если вспомнить краткость предварительного заточения в бастионе.

Значение Трубецкого бастиона как подследственной тюрьмы выявляется с полной ясностью из следующей таблицы.

ТАБЛИЦА 2
ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТЬ ПРЕБЫВАНИЯ ЗАКЛЮЧЕННЫХ
В ТРУБЕЦКОМ БАСТИОНЕ

Срок	Число узников	Срок	Число узников
До 4 дней включительно . . .	24 ¹	От семи месяцев до восьми	29
От 5 до 7 дней включительно	5 ²	От восьми месяцев до девяти	18
От 8 до 10 » »	5	От девяти месяцев до десяти	26
От 11 до 15 » »	7	От десяти месяцев до одиннадцати	16
От 16 до 20 » »	22	От одиннадцати месяцев до двенадцати	15
От 21 до 30 » »	42	От одного года до двух лет	40
От одного месяца до двух . . .	77	От двух лет до трех лет . . .	6
От двух месяцев до трех . . .	53	От трех лет и выше . . .	2
От трех месяцев до четырех . . .	60		
От четырех месяцев до пяти . . .	53		
От пяти месяцев до шести . . .	41		
От шести месяцев до семи . . .	32		

¹ Из них выбыли для казни — 17 человек, пробывали в крепости: двое — по 2 дня, 7 человек — по 3 дня, 8 человек — по 4 дня.

² Из них двое выбыли на казнь.

В приведенной таблице привлекают к себе внимание прежде всего поражающие своей неожиданностью краткие сроки содержания в крепости: до четырех дней — двадцать четыре человека и от пяти до семи дней — пять заключенных.

Трудно было предположить направление департаментом полиции арестованных в крепость лишь на срок в несколько дней и не больше одной недели, т. е. на период производства расследования. Казалось бы, завершение дознания или предварительного следствия в такой кратчайший срок невозможно по тягчайшим делам, обвиняемые по которым и отбирались для заключения их в казематы бастиона. Однако молниеносная быстрота расследования здесь действительно имела место. Конечно, такая быстрота действий розыскных и следственных органов не удовлетворяла требованиям полноты и беспристрастия. Этого и не требовалось: царский суд был «скорым», очень «скорым», но совсем не «правым» и совсем не «милостивым». В указанной таблице в краткие сроки заканчивалось не только жандармское дознание, но и заседание военно-полевых судов. Для быстроты действий эти так называемые «суды», как мы увидим далее, устраивали свои смертоносные заседания в самом бастионе. Таким образом, из 24 обвиняемых, проведенных в крепости не более четырех дней, 17 были переданы палачам на казнь. Точно так же из пяти узников, пробывших в одиночных камерах Трубецкого бастиона от пяти до семи дней, — двое также пали жертвой военно-полевой юстиции.

Привлекают к себе внимание не только эти кратчайшие сроки пребывания в крепости, но и чрезмерно длительные сроки заточения. От одного года и до двух лет пробыли в крепости сорок человек. По отношению к общему числу поступлений это составит почти семь процентов. Такой процент следует признать высоким. Он является тем более высоким, что лишение свободы по распоряжению органов дознания и следствия, если оно длилось месяц, требовало соответствующего разрешения от прокуратуры на продление заточения.

Сроки заточения в крепости на время от двух до трех лет (шесть человек) и даже свыше трех лет (два человека) были редким исключением, но тем не менее были.

Срок, узаконенный для завершения дознания лиц, заключенных в крепость, не был соблюден в отношении 81 процента всех поступивших: мертвыми строчками на бумаге оставалось требование закона о гарантиях личной свободы — ограничивать срок ее лишения одним месяцем. Из каждой сотни заключенных, поступивших в крепость, одна треть пробыла в ней более полугода.

Было бы ошибочным предположить, что выбытие из Петропавловской крепости означало окончание следствия и суда.

В огромном большинстве случаев такого окончания следствия и суда не было. Чаще всего освобождение из Петропавловской крепости сопровождалось переводом заключенных в Дом предварительного заключения и в другие тюрьмы и притом не в качестве осужденных, как это выяснялось при ознакомлении с личными делами узников, а чаще всего в качестве подследственных или подсудимых. Так к месяцам заключения в крепости прибавлялись еще месяцы лишения свободы. На основании собранных нами архивных материалов мы составили таблицу 3.

ТАБЛИЦА 3
МЕСТО ВЫБЫТИЯ ИЛИ ОСНОВАНИЕ ВЫБЫТИЯ УЗНИКОВ
ИЗ ТРУБЕЦКОГО БАСТИОНА В 1900—1916 ГОДЫ¹

Место выбытия или его основание	Количество выбывших
В Дом предварительного заключения (ДПЗ)	201
В Петербургскую одиночную тюрьму	83
В пересыльную тюрьму	62
Освобождены	61
В больницу	60
Выбыли на казнь	38
В тюрьмы других городов	37
В Шлиссельбургскую крепость	7
В С.-Петербургское охранное отделение	5
В Петербургское комендантское управление	5
Сосланные и высланные под надзор полиции	5
В военную тюрьму	4
Место выбытия неизвестно	3
Покончили самоубийством	2

В этой таблице число переведенных в Дом предварительного заключения занимает по своей высоте первое место

¹ Как нами указано ранее, некоторые заключенные поступали в Трубецкой бастион неоднократно, а потому и выбывали из него также неоднократно. В некоторых случаях одни и те же заключенные выбывали в разные места (например, в больницу, в одиночную тюрьму и др.). Причем иногда один и тот же заключенный выбывал не один раз в одно и то же место.

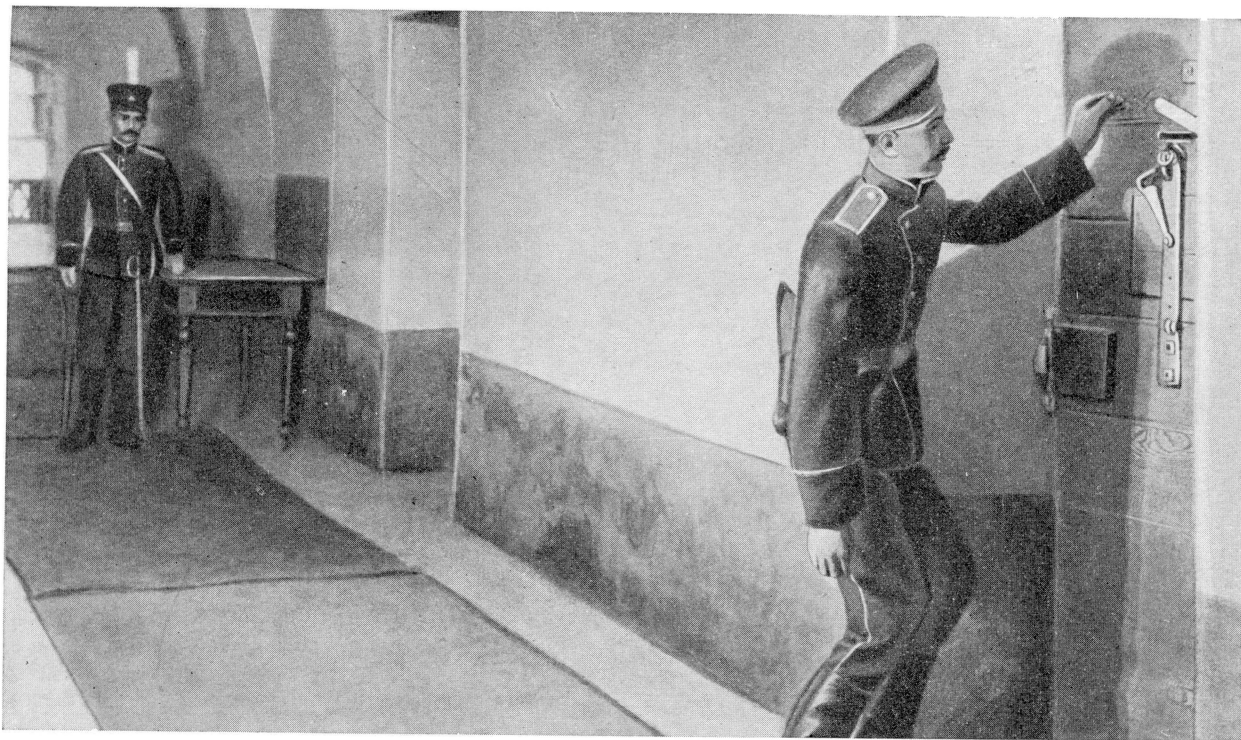

(201 поступление). Кроме этой тюрьмы, узники Петропавловской крепости переводились в Петербургскую одиночную тюрьму (83), в пересыльную тюрьму (62), в тюрьмы других городов (37), в тюремную больницу (60), в Шлиссельбургскую крепость (7). Так, из Трубецкого бастиона было произведено 450 переводов в другие места лишения свободы. Петропавловская крепость являлась суровой переходной тюрьмой в другие тюрьмы, а 38 человек ушли из нее на виселицу.

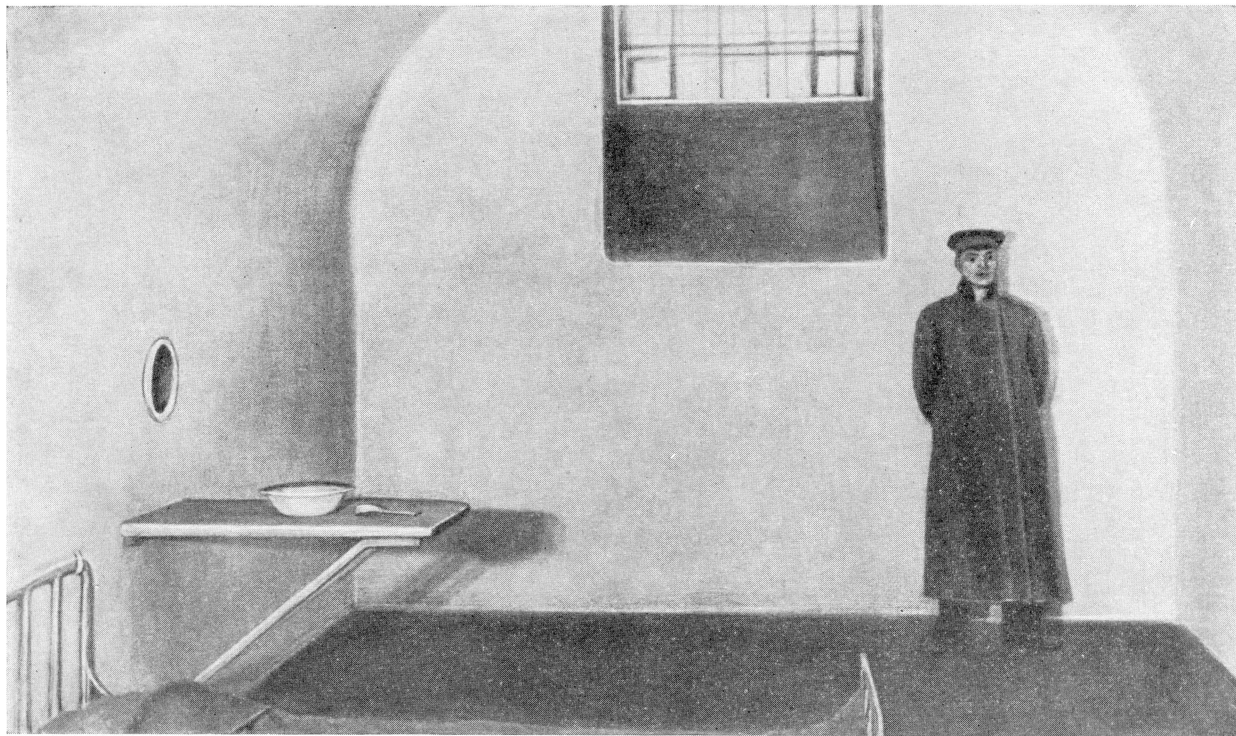
Редко раскрывались двери Трубецкого бастиона для выпуска заключенных на свободу. За последние семнадцать лет существования Петропавловской крепости только 61 человек переступил за порог тюрьмы и вышел из ворот крепости на свободу. Эта маленькая цифра представляется совсем крохотной при ее сопоставлении с числом 450 переведенных из бастиона в другие тюрьмы. В самом деле, если вспомнить, что за семнадцать лет был освобожден всего 61 человек, то в среднем за год выходило на свободу только три-четыре человека. К сожалению, у нас не было возможности проследить судьбу тех четырех с половиною сотен человек, которые были переведены из крепости в другие тюрьмы и в тюремную больницу. Мы лишь знаем, что узники Петропавловской крепости, переведенные как каторжные арестанты в Шлиссельбургскую крепость, были после ее закрытия сосланы на каторжные работы в Сибирь. Мы знаем также, что пять человек были сосланы и высланы под надзор полиции. Нам известна кровавая расправа царизма с 38 смертниками Петропавловской крепости. Этим исчерпываются наши сведения о судьбе тех, кто вышел из крепости, будучи переведен в другие тюрьмы. Однако несомненно, что отсутствие надлежащих доказательств виновности для судебного приговора над привлеченными не исключало расправы с ними в административном порядке.

Казалось, что должны были бы быть исчерпывающими в списках заключенных сведения о социальном составе узников Петропавловской крепости в ежемесячных докладах коменданта крепости царю. Такое предположение оказалось совсем ошибочным. Почти о половине узников в списках не сделано никаких указаний на их сословие или профессию. Не нашлось таких материалов о половине заключенных также и в использованном нами «Алфавитном списке секретным арестантам, содержащимся в С.-Петербургской крепости с 1900—1916 гг.»¹ Мы ограничились

¹ Конечно, сведения о социальной принадлежности заключенных в Петропавловскую крепость имеются в более значительном объеме в их индивидуальных делах, но отыскание этих дел в архивах представляет значительные трудности: архив управления комендатуры Петропавловской крепости

Тюрьма Трубецкого бастиона. Макет жандарма, подсматривающего через «глазок» в камеру.
Переснимок с фотографии Музея Революции РСФСР.

Тюрьма Трубецкого бастиона. Макет перестукивающегося узника.
Переснимок с фотографии Музея Революции РСФСР.

извлечением сведений из архивов индивидуальных дел о тех заключенных, имена которых представляли интерес для истории революционного движения или для характеристики режима крепости. Так, например, дело о содержании в крепости бывшего германского консула из г. Ковно в 1914—1915 гг. по обвинению его в военном шпионаже не представляет никакого интереса для истории революционного движения в России, но оно дало нам очень богатый материал для характеристики исключительно заботливого отношения правительственных сфер к немцу-шпиону, подданному вражеской страны.

Приходится сожалеть, что на статистические карточки не представилось возможным занести сведения, которые дали бы в результате их разработки ясную картину классово-принадлежности заключенных крепости. Пришлось заносить на карточки указания на сословие заключенного или его профессию. В материалах давались указания не на то и другое, а лишь на что-либо одно. Ежемесячные «всеподданнейшие доклады» коменданта крепости царю и использованный нами «Алфавит секретным арестантам» не выделяли принадлежность заключенных к рабочему классу. Между тем борцы рабочего движения еще с конца XIX века становились узниками крепости. Уже в первые годы XX века рабочее движение было таким врагом всего строя царской России, сила которого быстро и безостановочно росла. Царизм походил на страуса, прячущего при преследовании голову в песок, когда он в своих отчетах рабочих помещал в рубрику мещан, крестьян, матросов, солдат и т. п.

Эти замечания следует иметь в виду при рассмотрении таблицы 4 «Сословие или профессия заключенных в Трубечкой бастион в 1900—1916 гг.».

К сожалению, мне не удалось составить таблицу о партийной принадлежности узников Петропавловской крепости. Тюремное ведомство и отчеты министерства юстиции не содержат никаких сведений о принадлежности обвиняемых к той или иной политической партии. Статья 102 Уголовного уложения не содержала никакого различия между принадлежностью обвиняемого к какой-либо партии. Ежемесячные «всеподданнейшие доклады» коменданта крепости, сообщая сведения о поступивших в крепость арестантах, не отмечали их партийную принадлежность и даже профессию.

не дает интересующих нас сведений, а в архиве департамента полиции дела об узниках Петропавловской крепости не выделены в какую-либо особую группу и рассеяны по различным отделениям этого департамента; описи дел этих отделений за различные годы не дают указаний на содержание обвиняемых в Петропавловской крепости.

ТАБЛИЦА 4
СОСЛОВИЕ ИЛИ ПРОФЕССИЯ ЗАКЛЮЧЕННЫХ
В ТРУБЕЦКОЙ БАСТИОН В 1900—1916 ГОДЫ

Крестьян	41
Мещан	55
Матросов, солдат, писарей, нижних чинов	68
Студентов и учащихся	20
Лиц интеллигентного труда	37
Потомственных почетных граж- дан	9
Дворян	32
Служащих государственных и общественных учреждений или членов их семей	24
Офицеров	19
Духовного звания	8
Купеческого звания	6
Неизвестного звания	244

В том числе: матросов — 33 человека, рядовых — 5, военных писарей — 17, машинистов, минных машинистов, штурманов, механиков — 8 человек, унтер-офицеров — 3, одна дочь унтер-офицера и один вольноопределяющийся.

В том числе: адвокатов — 6, медиков — 5, литераторов — 4, ученых — 4, инженеров — 3 и др.

Хотя в этой таблице крестьяне, мещане, матросы и выделены в три группы, но в действительности они могут быть объединены в одну группу, так как в наибольшей своей части сюда входили рабочие. В отношении матросов имеются прямые указания на то, что до зачисления их на военную службу они были рабочими на заводах и фабриках. Так, например, начальство военно-морского флота объясняло волнение во флоте и успехи противоправительственной пропаганды среди матросов наличием в их среде бывших заводских и фабричных рабочих. Общее число заключенных из названных нами трех групп достигло 164 человек.

Учащиеся высших учебных заведений (студенты) всегда давали высокий процент обвиняемых в политических преступлениях. С течением времени, при демократизации революционного движения, этот процент постепенно понижался, но и в таблице 4 количество студентов (20 человек) продолжает обращать на себя внимание своими размерами.

В списки заключенных Трубецкого бастиона занесено 32 дворянина. Следует предполагать, что представители этого сословия были также среди занятых интеллигентным трудом, среди офи-

церов и среди служащих государственных и общественных учреждений.

В трудах В. И. Ленина за различные периоды XIX и XX веков, начиная с 1827—1846 гг. и кончая 1905—1908 гг., были приведены процентные вычисления об участии в революционном движении различных сословий. За XX век проценты были даны за 1901—1903 гг. и за 1905—1908 гг. В таблицах было определено процентное участие в совершении государственных преступлений дворян, мещан и крестьян, духовенства и купечества.

ТАБЛИЦА 5
ПРОЦЕНТ ПРИВЛЕЧЕННЫХ К ОБВИНЕНИЮ
ЗА ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Э по х а	Дворян	Мещан и крестьян	Духовенства	Купечества
1827—1846	76	23	?	?
1884—1890	30,6	46,6	6,4	12,1
1901—1903	10,7	80,9	1,6	4,1
1905—1908	9,1	87,7	?	?

«Отсюда ясно видно, как быстро демократизировалось освободительное движение в XIX веке и как резко менялся классовый состав его. Эпоха крепостная (1827—1846) — полное преобладание дворянства. Это — эпоха от декабристов до Герцена. Крепостная Россия забита и неподвижна. Протестует ничтожное меньшинство дворян, бессильных без поддержки народа. Но лучшие люди из дворян помогли *разбудить* народ.

Эпоха разночинца или буржуазно-либеральная (1884—1890) — дворяне уже составляют меньшую часть среди участников освободительного движения. Но, если прибавить к ним духовенство и купечество, то получаем 49%, т. е. почти половину. Движение еще наполовину остается движением привилегированных классов: дворян и верхов буржуазии. Отсюда — бессилие движения, несмотря на героизм одиночек.

Третья (1901—1903) и четвертая (1905—1908) эпохи — эпохи крестьянской и пролетарской демократии. Роль дворянства совсем малая. Мещане и крестьяне дают $\frac{8}{10}$ перед революцией и $\frac{9}{10}$ во время революции. Проснулись массы. Отсюда два итога: 1) возможность добиваться кое-чего серьезного и 2) ненависть либералов к движению (появление контрреволюционного либерализма)»¹.

¹ Ленин, Соч., т. 19, стр. 294—295.

Подтверждение выводов В. И. Ленина о том, что третья эпоха (1901—1903 гг.) и четвертая (1905—1908 гг.) являются эпохами «крестьянской и пролетарской демократии», находим и в нашей таблице 5 о сословии заключенных в Трубецкой бастион. Из 543 человек, прошедших через Трубецкой бастион, социальный состав 244 человек остался для нас неизвестным, а из 300 узников с определившейся социальной принадлежностью более половины (164 узника — крестьяне, мещане, матросы) принадлежали к «крестьянской и пролетарской демократии».

В алфавитном списке заключенных в Трубецком бастионе за 1900—1916 гг. нет указаний на характер предъявленных к узникам обвинений. Их почти нет и в ежемесячных докладах коменданта крепости царю. В лучшем случае комендант ограничивался указанием о некоторых арестованных, что они заключены за «государственные преступления». Только изучение индивидуальных дел этой полутысячи узников Трубецкого бастиона дает материал для выяснения политического облика узника Петропавловской крепости. Однако и этот материал — не исчерпывающей полноты, и вполне понятно, почему в нем не находится ясного и точного ответа на интересующий нас вопрос. Сам департамент полиции с его жандармскими управлениями и охранными отделениями часто не знал за арестованными каких-либо преступлений. Нередко он даже и в Петропавловскую крепость заточал людей, не располагая сведениями об их противогосударственных преступлениях, а лишь подозревая их в политической неблагонадежности.

Девизом розыскной деятельности руководящего органа сыска было правило арестовывать возможно больше и уже потом разбираться в степени виновности. Этим и объясняется продолжительность во многих случаях пребывания подследственных арестованных в крепости.

При нашей работе в архивах над делами департамента полиции и при поисках в этих делах материалов о С.-Петербургской крепости и заключенных в ней через наши руки прошло очень большое число дел, а в просмотренных нами ежегодных описях число дел, поступивших в то или другое делопроизводство департамента полиции, исчислялось в несколько тысяч. Дела поступали со всех концов России. Конечно, они свидетельствовали не только о служебном рвении центральных и местных органов «охраны государственного и общественного порядка», но и о размерах и характере революционного движения. В Петропавловскую крепость доставлялись арестованные только из Петербурга и из Петербургского округа. Трубецкой бастион отражал из года в год в своих стенах ход всероссийской революции.

Рабочее движение дало в казематы организаторов тайных рабочих групп и кружков, пропагандистов, устроителей подпольных типографий, распространителей революционной печати и др.

Начало русской революции — «кровавое воскресенье» 1905 года — привело в камеры крепости Максима Горького. Откликнулось под сводами бастиона и московское восстание 1905 года. Под этими сводами Петербургский военно-окружной суд вынес смертный приговор за убийство усмирителя этого восстания командира Семеновского полка генерал-лейтенанта Мина.

В «эпопею» военно-полевых судов 1906—1907 гг. Петропавловская крепость предоставляла «кратковременный приют» в своих стенах многим жертвам царизма.

По коридорам обеих этажей крепостной тюрьмы твердым шагом прошли в одиночные камеры десятки матросов царского флота, делавших героические попытки заменить на своих кораблях царский флаг красным знаменем.

На темных стенах крепости и в ее мрачных и сырых казематах отражаются события великой борьбы народа с царизмом, капитализмом и бюрократией. Далеко не все то, что происходило внутри Петропавловской крепости, нам удалось вскрыть. В этом не наша вина: царская бюрократия старалась сохранять в тайне жизнь и смерть в ее твердыне — Трубецком бастионе. К счастью, это ей не всегда удавалось. Но если для нас осталось неизвестным многое из того, что переживали узники крепости, то значительно полнее нам удалось ознакомиться с тем, что приводило заключенных в крепость.

Из трех предшествующих томов «Истории царской тюрьмы» читателям уже известно, что в продолжение многих лет в Петропавловской крепости было несколько мест, куда царизм заточал своих политических врагов (равелины, бастионы, куртины и др.).

За последние семнадцать лет своего существования царское правительство для содержания заключенных в Петропавловской крепости отводило тюрьму Трубецкого бастиона и Екатерининскую куртину.

В то время как Трубецкой бастион предназначался для предварительного заключения обвиняемых в государственных преступлениях, Екатерининская куртина использовалась для содержания в ней некоторых осужденных военно-окружным и военно-морскими судами. Все эти осужденные за одним исключением были офицерами армии или флота. Не представляется возможным выяснить, чем руководствовались высшие центральные органы, направляя некоторых приговоренных к наказанию лишением свободы в крепостях именно в Петропавловскую крепость. Так

как в эту крепость были заключены лишь очень немногие из осужденных к такому наказанию, то можно предположить наличие каких-либо особых условий на стороне осужденных, которые открывали перед ними двери Екатерининской куртины.

В числе других сюда были направлены осужденные военно-морскими судами, занимавшие высшие командные посты в русском флоте: один контр-адмирал Небогатов, двое капитанов первого ранга Григорьев и Лишин. Сюда же был направлен генерал-лейтенант Стессель, бывший начальник Квантунского укрепленного района.

Эти четверо, из которых трое первых были осуждены за сдачу японцам без боя военных кораблей, а четвертый — за сдачу Порт-Артура, были приговорены вместо смертной казни «по монаршему милосердию» к заключению в крепость на 10 лет. На этом милость царя к его «героям», опозорившим своей сдачей в руки врага честь и славу русского оружия, не остановилась. Никто из осужденных назначенного десятилетнего срока лишения свободы не отбыл. Небогатов провел в Екатерининской куртине вместо 10 лет лишь 2 года 1 месяц, его соучастники по процессу еще менее, а именно: Григорьев — 1 год 11 месяцев 24 дня, Лишин — 1 год 9 месяцев. Что касается Стесселя, то царь простер на него свою милость еще больше, чем на остальных, повелев освободить его уже через 1 год и 2 месяца.

Кроме этих четырех офицеров, царь даровал свою милость еще шестерым заключенным Екатерининской куртины. Таким образом, без малого $\frac{1}{3}$ осужденных, направленных в Екатерининскую куртину, вышли из нее ранее назначенного судом срока. Это доказывает основательность предположений о направлении в названную куртину в целях облегчения положения приговоренных, а не для его отягощения.

Направление приговоренных к заключению в крепость в Екатерининскую куртину было редким явлением. В XX веке сюда поступило всего 37 человек. Так, например, наибольшее их поступление в течение целого года составляло пять человек (1912 г.), но были годы, когда число поступивших за год доходило даже до одного человека (1913, 1915 гг.).

Точно так же и количество выбывших из крепости ежегодно колебалось в пределах от одного до пяти.

В Екатерининской куртине заключенные долго не задерживались. На перечисленных нами четырех «героев» русско-японской войны пришлось наивысшие сроки содержания в крепости. В большинстве же случаев узниками Екатерининской куртины оказывались приговоренные военно-окружными и военно-мор-

скими судами на сроки в несколько месяцев и редко — на срок более одного года четырех месяцев¹.

По своему служебному положению осужденные принадлежали к различным чинам армии и флота, начиная с гардемарина и юнкера и кончая контр-адмиралом и генерал-лейтенантом. Было несколько капитанов (5), поручиков и прапорщиков (8), полковников (3) и пр.

В служебном положении осужденных было больше разнообразия, чем в их преступных деяниях. Заключение Екатерининской куртены совсем не походило по характеру предъявленных к ним обвинений на своих соседей по Петропавловской крепости, т. е. на узников Трубецкого бастиона. Среди тридцати семи чинов военного и военно-морского ведомства, прошедших через куртину, был только один осужденный за хранение прокламаций. Это был молодой прапорщик 8-го Московского гренадерского полка, осужденный за это в год революционного подъема в армии (1906 г.) на один год заключения. Крупные числа пришлось на осужденных за служебные подлоги и растраты, за бесчинство. Мы уже знаем осужденных за сдачу японцам кораблей Порт-Артура. Всего-навсего один осужден за побори нижних чинов. Едва ли этот «уникум» был надлежащим показателем распространения побоев офицерами нижних чинов.

Из всех 37 осужденных, прошедших через Екатерининскую куртину, более значительный политический и общественный интерес представили генерал-лейтенант Стессель, контр-адмирал Небогатов и два капитана первого ранга — Григорьев и Лишин, имена которых вписаны на позорной странице царизма, приведшего Россию к разгрому армии и флота японцами. На этих заключенных и на пребывании их в крепости мы остановимся позднее. Пребывание в куртине командиров армии и флота оказалось кратковременным и легким, но длительными и тяжкими были последствия нанесенного Японией царской России поражения, пока Великая Октябрьская социалистическая революция не смыла позора поражения и не освободила нашу Родину от наложенного на нее ярма русско-японского договора о мире.

* *
*

За исследованный нами период, кроме Трубецкого бастиона и Екатерининской куртены, как мы сказали выше, еще одно

¹ Были осуждены: на 2 месяца — 3 человека, на 3 месяца — 1 человек, на 4 месяца — 4 человека, на 7 — 1 человек, на 8 — 5 человек, на 1 год — 2 человека, на 1 год 4 месяца — 9 человек, на 2 года — 1 человек, на 10 лет — 4 человека и срок неизвестен — 7 человек.

здание в Петропавловской крепости было превращено во временную тюрьму. Это произошло в месяцы революционного подъема в России. Почти полторы сотни солдат электротехнической роты были превращены в узников Петропавловской крепости. Начальник электротехнической школы, препровождая 143 возмущившихся солдат в крепость, в официальной бумаге назвал место их заточения «помещением крепостной артиллерийской роты Петропавловской крепости», а сам комендант крепости назвал это место «манежем»¹. Надо предполагать, что последнее наименование является более правильным. Лишь исключительные обстоятельства превратили этот манеж в место заточения.

Уже почти сто лет за стены крепости не вступали в качестве узников одновременно целым отрядом солдаты царской армии. Но в революционный 1905 год 14 ноября целая электротехническая рота военно-электротехнической школы была доставлена сюда под комендом лейб-гвардии Павловского полка. Рота была почти в полном составе: 143 солдата стали узниками той самой крепости, в которой в 1820—1821 гг. в самых невыносимых условиях содержался в качестве узника весь лейб-гвардии Семеновский полк, а в 1825—1826 гг. сюда были заточены отдельные воинские части, принимавшие участие в восстании декабристов.

В нашем последующем изложении мы уделим специальное внимание возмущению электротехнической роты и ее пребыванию в крепости, а здесь ограничимся напоминанием о превращении в тюрьму «манежа» Петропавловской крепости и сообщением нескольких цифр о заключенных сюда солдатах.

Как было указано, сюда 14 ноября было заключено 143 солдата царской армии. Крайне неблагоприятные условия заточения, о чем будет сказано в другой главе, привели к необходимости сократить число этих заключенных в крепости: в декабре 1905 года начальник штаба полка предложил начальнику электротехнической школы 72 узников, из числа находившихся в здании «манежа», разместить у себя. В январе 1906 года 47 арестованных были освобождены по постановлению военного следователя. Ко времени суда 17 января 1906 г. в «манеже» крепости оставалось 55 заключенных из электротехнической роты. После приговора 20 января 1906 г. в крепость было временно возвращено 11 человек, приговоренных к наиболее суровым на-

¹ Филиал ЦГВИА в Ленинграде. Фонд 545, 1905, дело 847, т. 1, «Предварительное следствие, произведенное военным следователем по 2-му участку Петербургского военного округа. О 143 нижних чинах электротехнической школы». Донесение коменданта С.-Петербургской крепости председателю петербургского военно-окружного суда (л. 167).

казаниям, для последующего перевода в другие места лишения свободы.

10 февраля 1906 г. комендант крепости обратился к главнокомандующему войсками гвардии и С.-Петербургского военного округа с просьбой взять от него из крепости этих солдат, приговоренных в дисциплинарные батальоны и остающихся в крепости ввиду полного отсутствия мест в этих батальонах. Это ходатайство было удовлетворено, и солдаты — узники Петропавловской крепости 15 февраля были переведены в С.-Петербургское комендантское управление. С выводом этих солдат из «манежа» прекратилась и его кратковременная роль в качестве тюрьмы внутри стен Петропавловской крепости¹. Но как ни кратковременна была эта роль, она не должна быть забыта в истории Петропавловской крепости.

В 1905—1906 гг. эти 143 человека электротехнической роты были первыми солдатами, которые под охраной штыков целого Павловского полка были введены в крепость в качестве ее узников, а 27 февраля 1917 г. в 5 час. 30 мин. утра в эту же самую Петропавловскую крепость, в ее Трубецкой бастион, были заточены 19 солдат этого же самого лейб-гвардии Павловского полка за их отказ стрелять в народ и за их стрельбу в жандармов-усмирителей. Через сутки, 28 февраля, ворвавшиеся в крепость толпы революционного народа и солдат освободили павловцев, этих последних узников Петропавловской крепости, и положили конец ее служению царизму.

Она продолжала свое служение буржуазному Временному правительству, стоявшему против народа, за продолжение войны. Также и другие столичные тюрьмы широко открывали свои двери для заточения в одиночных и общих камерах борцов за социалистическую революцию, и в том числе для ряда крупных деятелей большевистской партии. Только укрытие большевистской партией своего гениального вождя В. И. Ленина в глубоком подполье не дало возможности Временному правительству учинить свою расправу над великим вождем трудящихся.

¹ Филиал ЦГВИА в Ленинграде. Фонд 545, 1906, дело 847, ч. III, Петербургский окружной суд, «О 126 нижних чинах роты военной электротехнической школы» (л. 374).

Глава вторая

ВОЕННО-ПОЛЕВЫЕ СУДЫ И ТРУБЕЦКОЙ БАСТИОН

§ 4. ЖЕРТВЫ ВОЕННО-ПОЛЕВОЙ ЮСТИЦИИ В ТРУБЕЦКОМ БАСТИОНЕ

Введенная в России законом 19 августа 1906 г. и существовавшая до 20 апреля 1907 г. эпопея военно-полевых судов не могла не отразиться на истории Трубецкого бастиона.

В одиночные камеры этой тюрьмы были заключены также и жертвы военно-полевой юстиции. Их пребывание там было таким кратковременным, какого почти совсем не знает в других случаях история Петропавловской крепости. Оно исчислялось даже не неделями, а лишь двумя-четырьмя днями.

Эта краткость заточения в казематах бастиона отнюдь не говорит о том, что жертвам военно-полевой юстиции удалось избавиться от тех страданий, которые выпадали на долю узников крепости, проводивших в ней долгие месяцы и годы. Интенсивность этих страданий была как будто тем сильнее, чем короче было время заточения в бастионе, когда каждый день тянулся, как месяц, и каждый час, как сутки.

И не удивительно: каждый отданный на расправу военно-полевому суду знал, что у него из крепости нет другого выхода, кроме пути на виселицу. Мысль о неизбежной, ничем не отвратимой смерти в петле палача не оставляла ни на минуту этих обреченных. Недаром при одновременном приходе 18 октября 1906 г. тюремной администрации в камеры к восьми осужденным, чтобы взять их в глубокую полночь для передачи палачам, ни один из них не оказался спящим. Все они бодрствовали и ждали прихода за ними исполнителей последнего акта комедии того суда, который назывался военно-полевым судом, а в дей-

ствительности был актом самой бессудной расправы по указу «его величества».

Общая характеристика закона о военно-полевом суде, как акта безграничного произвола царизма, была дана в листовке Петербургского Комитета РСДРП «Ко всем рабочим города Петербурга», распространенная немедленно после опубликования закона о военно-полевом суде¹.

Первыми поступившими в Петропавловскую крепость 14—16 октября 1906 г. по делам военно-полевой юстиции были одиннадцать обвиняемых. Они не были, конечно, первыми в России подсудимыми военно-полевых судов: они были лишь первыми, но не последними узниками Трубецкого бастиона, предназначенными для расправы военно-полевой юстиции.

Здесь уместно отметить, что в архиве департамента полиции найден нами хронологический, остававшийся до сих пор неизвестным, список лиц, казненных по приговорам военно-полевых судов. Воспроизведем из него дни, когда в тех или других пунктах Российской империи военно-полевые суды творили свое черное дело.

Мы сознательно воспроизводим из этого официального списка подробно месяцы и числа казней по приговору военно-полевых судов. Короче было бы назвать те немногие дни, которые прошли без казни в период с 31 августа 1906 г. до 31 января 1907 г. включительно, за который дан департаментом полиции министру внутренних дел поименный список казненных. Если не было этой краткости в донесении министру внутренних дел, то тем более не должно быть ее в нашем «донесении» советским читателям. Итак, первая казнь была совершена 31 августа 1906 г. Последующие приговоры были вынесены:

- в сентябре 1, 3, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 1906 г.: 21, 22, 23, 25, 26, 27, 28, 29, 30;
- в октябре: 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 30, 31;
- в ноябре: 1, 2, 3, 4, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 22, 23, 24, 25, 27, 28, 29, 30;
- в декабре: 1, 2, 4, 5, 7, 8, 9, 11, 12, 13, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 26, 28, 30, 31;
- в январе 2, 3, 4, 5, 7, 9, 10, 12, 13, 14, 16, 17, 18, 19, 20, 23, 24, 1907 г.: 25, 29, 30, 31².

¹ Листовки петербургских большевиков, т. 1, 1902—1907 гг., Огиз, 1939.

² ЦГИА в Москве. Дело департамента полиции, 7 делопроизводство, фонд 102, № 8, т. IV, литер «А», «Списки лиц, казненных по приговорам военно-полевых судов» (лл. 3—6).

Итак, за пять месяцев, с 31 августа 1906 г. и по 31 января 1907 г., из общего количества 154 дней всего 31 день прошел без казней, а 123 дня с казнями, т. е. из каждых пяти дней четыре дня были с казнями и только один день проходил без казни.

Узники Петропавловской крепости, осужденные военно-полевым судом, были казнены частью близ Кронштадта, а потому сведения о них были даны в отчетах кронштадтских военных властей и кронштадтской полиции (таких казненных было 17 человек). Кроме того, по отчетам петербургских властей, местом казни для шести человек был назван Петербург. Как уже указано, нам удалось выяснить нахождение в Трубецком бастионе 17 человек, ставших жертвами военно-полевой юстиции.

Тюрьме Трубецкого бастиона выпала «честь» стать местом заседаний военно-полевого суда в Петербурге. Об этом свидетельствует следующее секретное письмо: «Секретное письмо временно командующего войсками гвардии и Петербургского военного округа М. А. Газенкампа коменданту Петербургской крепости А. В. Эллису, 11 сентября 1906 г.

Препровождая при сем секретный отзыв штаба округа от 18 сентября за № 1678, уведомляю ваше высокопревосходительство, что военно-полевой суд в городе Петербурге будет заседать в Трубецком бастионе вверенной вам крепости, как единственном месте, вполне обеспечивающем безопасность заседания.

Приведение же смертных приговоров в исполнение будет производиться в местах по соглашению с С.-Петербургским губернатором вне столицы.

Сообщая об изложенном для зависящих распоряжений, прошу уведомить, какие еще меры желательно принять для безопасности заседания суда и помещения подсудимых.

Прошу принять уверение в совершенном почтении и преданности. Генерал от инфантерии Газенкамф»¹.

В этом секретном письме обращает на себя внимание мотивировка выбора местом заседания суда Трубецкого бастиона «как единственного места, вполне обеспечивающего безопасность заседания». Только за стенами Петропавловской крепости, за стенами Трубецкого бастиона, в твердыне государственной тюрьмы, было признано безопасным творить самые черные дела из всех черных дел царского «правосудия». Мне не удалось установить, было ли выполнено предположение совершать все казни по приговору военно-полевого суда «вне столицы». В противоречии с этим распоряжением стоит список казненных по приговору

---

¹ Ленинградское отделение Центрального исторического архива, Царизм в борьбе с революцией 1905—1907 гг., М., 1936, стр. 83.

военно-полевого суда. Он был составлен на основании сведений, сообщенных высшими гражданскими или военными чинами местной администрации. В нем были перечислены шесть казней, совершенных в Петербурге.

§ 5. НОВЫЕ ДОКУМЕНТЫ О ВОЕННО-ПОЛЕВЫХ СУДАХ

По истории кратковременного, но страшного существования военно-полевой юстиции в России нам удалось найти новые документы, оставшиеся до настоящего времени неизвестными. Одному из этих документов, несомненно, принадлежит особенно важное значение. Если писать историю «скорострельной юстиции» в царской России, то надо начинать ее именно с этого документа.

В Ленинградском филиале Центрального Государственного военно-исторического архива хранится дело 1906 года под названием «Об установлении правил о военно-полевом суде»¹. Оно начинается с бумаги, адресованной от имени главного военно-судного управления 8 июля 1906 г. военному министру. В ней приводится дословно собственноручная надпись Николая II, сделанная им 6 июля 1906 г.

Царь наложил такую пространную резолюцию, какой не приходилось встречать в подобных случаях. Необходимо привести ее всю целиком потому, что она раскрывает перед нами, кто был настоящим инициатором издания закона о бессудной расправе, о суде скором, но совсем не милостивом.

Николай II выразил свою волю в следующих словах: «Напоминаю Главному военно-судному управлению мое мнение относительно смертных приговоров. Я их признаю правильными, когда они приводятся в исполнение через 48 часов после совершения преступления — иначе они являются актами мести и холодной жестокости».

До этого времени в практике военно-окружных судов не было случаев приведения в исполнение смертных приговоров через 48 часов после совершения преступления. На дознание, на предварительное следствие, на процедуру суда и на приведение приговора в исполнение всегда требовалось более продолжительное время, исчислявшееся не часами, а неделями и месяцами. Таким образом, все эти казни оказывались, по квалификации самого Николая II, «актами мести и холодной жестокости». Он мирился с этим двенадцать лет своего царствования и, наконец, нашел

¹ ЦГВИА в Ленинграде. Главное военно-судное управление, дело 54 за 1906—1907 гг., «Об установлении правил о военно-полевом суде».

выход избежать «жестокости» при исполнении казни и превращения смертного приговора в «акт мести». Всероссийский самодержец руководствовался отнюдь не чувством милосердия. Имеются прямые указания на то, что он преследовал иную цель. Военный министр сообщал 29 июля председателю совета министров Столыпину о воле царя совершать казни не позже 48 часов после совершения преступления. Царь выразил это желание во время доклада ему министра. При этом, как писал министр, царь мотивировал свою волю указанием, «что такое быстрое исполнение наказания будет больше устрашать»¹.

Об этой цели «наибольшего устрашения» царь в своей письменной резолюции предпочел умолчать.

Потребовав небывалой чрезвычайной быстроты от военной юстиции в решениях дел, исходом которых была смертная казнь, царь далеко не проявил какого-либо недомыслия. Он не признавал в своем суждении никакой ошибочности. Он продолжал стоять на своей точке зрения даже и тогда, когда министрами было указано на ее неправильность.

Даже прославившийся своей жестокостью главный военный прокурор Павлов набрался смелости и указал в своем обращении к военному министру на трудности осуществления «монаршей воли». Он прежде всего поторопился указать, что «осуществление упомянутой монаршей воли совершенно не зависит от Главного военно-судного управления, так как:

1) Дела о гражданских лицах, предаваемых военному суду на основании военного положения или постановления об охране, по каковым только делам почти исключительно и постановляются смертные приговоры, передаются в военно-прокурорский надзор, а затем в военный суд лишь по окончании дознаний, производимых жандармской и общей полицией, и следствий, производимых судебными следователями, и по рассмотрении таковых генерал-губернаторами, причем на ускорение означенных актов военно-судебные органы не могут оказывать никакого влияния.

2) При всей обширности пространства Российской империи в ней имеется всего 12 военно-окружных судов. Поэтому в случаях совершения преступлений вне места нахождения суда приходится или командировать туда временный суд, или же доставлять преступника в суд. Как то, так и другое при больших расстояниях требует иногда значительного времени.

3) Рассмотрение дела в военно-прокурорском надзоре и в суде, как бы энергично ни действовали чины их, требует обязательного соблюдения некоторых, установленных законом, сроков,

¹ ЦГВИА в Ленинграде. Главное военно-судное управление, дело 54 за 1906—1907 гг., «Об установлении правил о военно-полевом суде» (л. 37).

вследствие чего при наибольшей возможной, без нарушения правил военно-судного устава, быстроте приговор может быть приведен в исполнение не раньше как на шестые или седьмые сутки после передачи дела военному прокурору».

Набрался смелости и министр юстиции Щегловитов. В своей бумаге от 9 августа 1906 г. он высказался отрицательно о проекте создания военно-полевых судов и о казнях через 48 часов после совершения преступления. В осторожных выражениях министр юстиции писал, что практически было бы весьма затруднительно выявить «те случаи, когда до постановления судебного приговора надлежит считать по делу вполне безусловно доказанным состав преступления, а равно и виновность в оном обвиняемого и когда, следовательно, на упомянутое дело надлежало бы распространить проектируемый порядок».

Правил, подобных проектируемым, нет ни в одном государстве. На этом основании Щегловитов предлагал обсудить предположение об издании нового закона в совете министров и представить результаты такого обсуждения государю для дальнейших его указаний.

Неизвестно, вспомнил ли когда-нибудь еще эти слова министр юстиции, или, написав их, он счел свой долг выполненным. Во всяком случае, через десять дней, а именно 19—20 августа 1906 г., «монаршая воля» о милосердном повешении осужденных через сорок восемь часов после совершения преступления стала законом, принятым советом министров, членом которого был и министр юстиции.

Через шесть дней после издания закона, а именно 26 августа, Николай II повелел военному министру объявить командующим войсками его требование о безусловном применении закона о военно-полевых судах. Вместе с этим командующие войсками и генерал-губернаторы предупреждались, что они будут лично ответственны перед «его величеством» за отступления от этого закона. Так, Николай II с особой настойчивостью проводил в жизнь свой закон о смертной казни.

Прошло две недели со времени издания закона, а в Петербурге и в Петербургской губернии еще не было случаев назначения военно-полевого суда. Это очень не понравилось великому князю, родному дядюшке царя, главнокомандующему Петербургским военным округом. Главное военно-судное управление и довело об этом до сведения министра внутренних дел с указанием, что, по мнению «его высочества», были «вполне подходящие случаи» для назначения такого суда¹.

¹ Если высшая петербургская администрация вызвала недовольство великого князя своим замедлением введения в действие военно-полевых судов,

Из секретной переписки о введении в действие нового закона отметим не лишние интереса донесения председателя Московского военно-окружного суда от 25 августа 1906 г. военному министру. Автор этого письма доносил, что на происходившем 25 августа в Москве совещании генерал-губернатор заявил, «что он все же будет назначать военных судей председателями военно-полевых судов»¹. Перспектива нести такие обязанности не была для военных юристов приятной и безопасной. Правительство же не было расположено вносить, хотя бы в слабой степени, элемент законности в деятельность новых органов своей расправы. Между тем наличие лица с высшим юридическим образованием в составе судилища могло повлиять на деятельность военно-полевых судов в нежелательном для правительства направлении. Вот почему военный министр поспешил разъяснить, что председатели военно-полевых судов должны быть «офицеры от войск, а не чины военно-судебного ведомства».

Центральная власть и высшие местные власти без труда поняли, в чем именно состояла «монаршая воля» Николая II. Они старались внушить кадровым офицерам военно-полевых судов не стремление к законности, а проведение наибольшей суровости приговора. Так, например, Прибалтийский генерал-губернатор 14 декабря 1906 г. писал: «В настоящее трудное время от всех без исключения офицеров надлежит требовать проявления мужественного сознания необходимости действовать решительно в постановлении приговоров, суровость коих нужно признать необходимою для пресечения преступной деятельности отбросов населения, стремящихся поколебать основы государственного строя»².

В программу действий военно-полевых судов входило применение смертной казни. Надлежало провести ряд распоряжений о порядке приведения приговора в исполнение. Это и было сделано 19 октября 1906 г. помощником главнокомандующего Петербургским военным округом, издавшим распоряжение о выполнении смертных приговоров по этому округу.

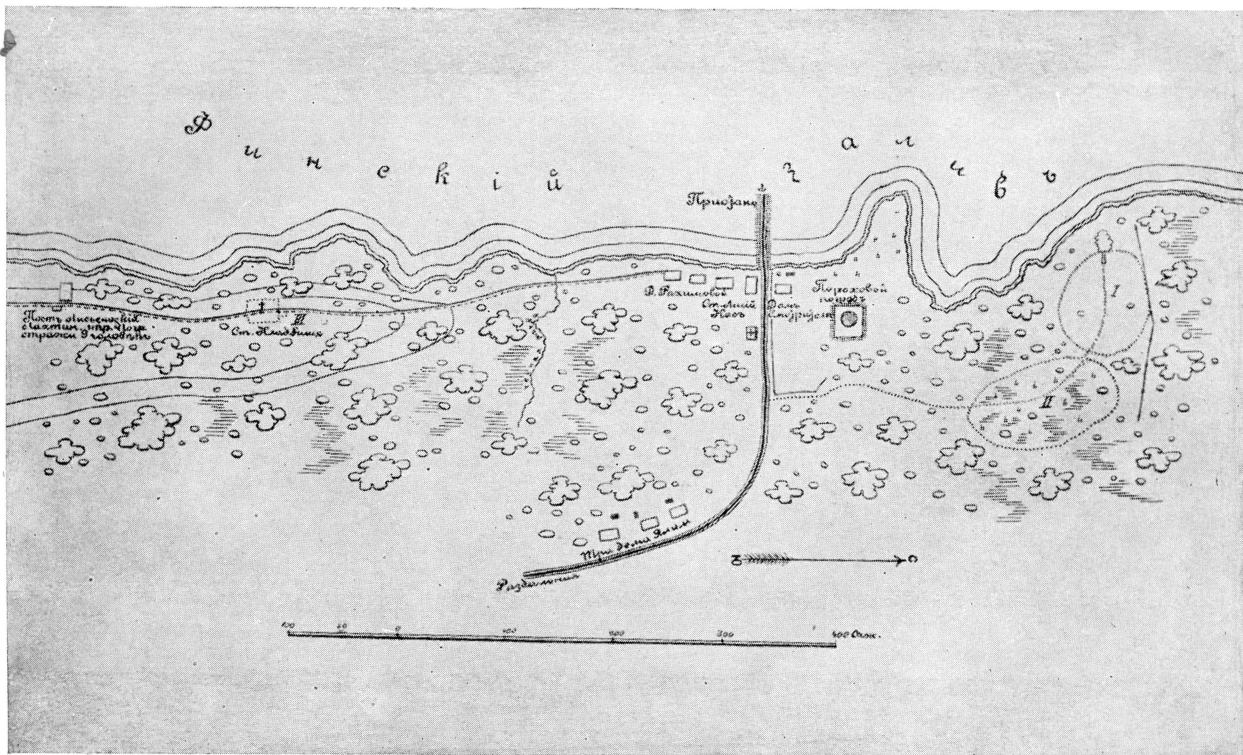
то Одесский генерал-губернатор Каульбарс сгорал от нетерпения начать поскорее свою расправу. Он ходатайствовал ускорить опубликование нового закона или издать «высочайшее повеление» применять новый закон до получения на местах соответствующего номера «Собрания узаконений и распоряжений правительства».

¹ ЦГВИА в Ленинграде. Главное военно-судное управление, дело 54 за 1906—1907 гг., «Об установлении правил о военно-полевом суде» (л. 52, оборот).

² ЦГВИА в Москве. Штаба войск гвардии и Петербургского военного округа, 1906, № 8626, фонд 11, опись 1, «О военно-полевых судах и суждениях по законам военного времени» (л. 16, оборот).

Невская куртина и площадка, с которой увозили приговоренных к казни на Лисий Нос.
Переснимок с фотографии Музея Революции РСФСР.

Лисий Нос. План местности, где производились казни осужденных.
ЦГВИА в Москве, 1906.

Было предписано доставлять пароход по заранее условленной телеграмме к Николаевскому мосту в указанный час. Здесь его должен ожидать конвой, назначенный воинской частью. Этот пароход следует с осужденным в Кронштадт к форту № 6. С конвоем следует священник, врач, чиновник от градоначальства, палач и чины корпуса жандармов. Эшафот для казни со всеми его приспособлениями должен быть разборный и храниться на форте № 6 вместе с 20 столбами на случай казни через расстрел. По выполнении казни и погребении трупа конвой и участники выполнения казни возвращаются на том же пароходе в Петербург.

Этот распорядок казни был установлен на время навигации. В архивных документах найдено также предписание о выработке специального плана для доставки приговоренных к казни после закрытия навигации, т. е. не водным путем.

В этом же архивном деле штаба гвардии и Петербургского военного округа оказался воспроизводимый нами план местности Лисий Нос. Здесь, за пороховыми складами, было произведено большинство казней.

В приведенном распоряжении об исполнении смертных приговоров упоминалась разборная виселица. Предшествующая история царизма за все время использования им казни через повешение не знала разборных виселиц. Не известно, чем руководствовался ее «изобретатель». Может быть, здесь играло роль соображение экономического характера, а именно, сокращение расходования леса на устои и перекладину с кольцами, на оплату работы плотников. Может быть, стремились избежать трудностей уничтожения после каждой казни столбов виселицы. Это не известно. Использование нового сооружения вызвало ряд затруднений и нечто вроде протеста со стороны временного кронштадтского генерал-губернатора. На четвертом месяце действия этого сооружения он писал (23 декабря 1906 г.) С.-Петербургскому градоначальнику, что при каждой казни на Лисьем Носу приходится собирать, а потом разбирать виселицу и проделывать это руками нижних чинов караула военно-пороховых погребов. «Так как караул постоянно меняется, то сборке и разборке виселицы приходится обучать все новых людей». Он считал это несовместимым с воинским званием, а потому и просил высылать каждый раз «особо обученных вольных рабочих». Вместе с тем он просил удалить место казни «в лесок», чтобы ее не видел часовой при пороховых погребах.

Этот небольшой документ полон глубокого значения. Надо предполагать, что если сам кронштадтский генерал заговорил о неудобствах обучения все новых и новых кадров нижних чинов мастерству сборки и разборки виселицы, то он делал это в результате

протестов солдат, которых превращал в соучастников выполнения казни. Недаром он же просил скрыть совершение казни подальше в лес, чтобы солдаты охраны порохового погреба не видели отвратительного зрелища повешения, а может быть и не слышали предсмертных призывов к борьбе за свободу, за революцию¹.

Подтверждением правильности такого нашего предположения явилась зашифрованная телеграмма одесского генерал-губернатора Каульбарса к военному министру. Он доносил 20 сентября 1906 г., что по приговору военно-полевого суда уже расстреляны 25 осужденных. Он был вынужден признать, что частые казни «через расстрел производят неблагоприятное впечатление на войска». Конечно, выражение «неблагоприятное впечатление» было слишком деликатным в генеральских устах. В действительности здесь было кое-что посильнее. На этом основании одесский сатрап просил отпустить ему аванс на оплату палачей для совершения казней через повешение вместо расстрела. Против удовлетворения этой просьбы высказался уже известный нам прокурор Павлов, и это мнение разделил военный министр. В авансе было отказано. Казни должны были и впредь совершаться бесплатно солдатами². Впрочем, этот ретивый поборник военно-полевой юстиции был в меньшинстве среди прочих генерал-губернаторов и командующих войсками, которые большей частью предпочитали вешать, нежели расстреливать.

Так начала свою кровавую историю военно-полевая юстиция. Проходил один месяц за другим. В столичных и провинциальных газетах изо дня в день печатались телеграммы о приведении в исполнение смертных приговоров. Сообщались не только одни голые факты, но иногда и некоторые подробности. Если сухие сведения об исполненной казни возмущали общественную совесть небывало большими цифрами повешенных и расстрелянных, то все больше росло негодование широких кругов населения, когда они узнавали о бессудности этих казней.

Шел шестой месяц со времени введения военно-полевых судов. Приближалось время созыва второй сессии Государственной думы. Правительство не сомневалось, что и эта дума второго созыва не одобрит закона о военно-полевых судах. Между тем по действующему законодательству положение о военно-полевых судах, принятое советом министров после разгона первой думы,

¹ ЦГВИА в Москве. Штаба войск гвардии и Петербургского военного округа, 1906, № 8626, фонд 11, опись 1, «О военно-полевых судах и суждениях по законам военного времени» (л. 15).

² В. Н. Нечаев, Расстреливать или вешать, «Красный Архив», т. 17, 1926, стр. 222—225.

должно было быть внесено на утверждение во вторую думу в течение первых двух месяцев ее существования. Неисполнение этого требования означало отказ правительства от продления действия закона. Правительство решило избежать неминуемого провала и поэтому не обращаться к думе за утверждением закона о военно-полевых судах и отказаться от них.

Совет министров 9 февраля 1907 г. посвятил свое специальное заседание вопросу «о сокращении применения закона о военно-полевых судах». Результаты этого совещания были доложены 15 февраля государю. На соответствующем докладе имеется за подписью помощника управляющего делами совета министров Плева пометка об ознакомлении царя с этой бумагой.

Едва ли Николай II испытывал удовольствие при прочтении протокола заседания совета министров от 9 февраля 1907 г. Закон о военно-полевых судах, детище его державной воли, явно проваливался. Правда, за шесть месяцев своего действия это положение о военно-полевой юстиции отняло множество жизней в порядке внесудебной расправы, но все же царь не рассчитывал на такую кратковременность существования спроектированного им закона.

Совет министров в пространной записке царю докладывал в очень сдержанных выражениях о необходимости отступления военно-полевой юстиции по всей линии фронта. Он говорил о вынужденности издания закона 19—20 августа 1906 г. ввиду роста в «небывалых размерах преступной деятельности революционных организаций».

Министры находили, что более чем пятимесячное действие военно-полевых судов «привело ныне к некоторому, по сравнению с недавним прошлым, успокоению». Поэтому «обстоятельства, вызвавшие применение столь чрезвычайной меры, как военно-полевые суды, если не исчезли, то в значительной степени утратили свою остроту..., продолжение же деятельности военно-полевых судов, вызывая в некоторых кругах общества резкое недовольство, может неблагоприятно отразиться на совместной работе правительства с законодательными учреждениями...».

Совет министров заканчивал свой доклад предложением не вносить закон 19—20 августа 1906 г. в Государственную думу с тем, чтобы он прекратил свое действие 20 апреля 1907 г. Для того же, чтобы подготовить переход от чрезвычайной юстиции к обычной, министры предлагали «преподать генерал-губернаторам и главнокомандующим циркулярные указания о необходимости по возможности воздерживаться на будущее время от применения военно-полевых судов». В качестве обоснования этого своего отступления министры указывали, что каждый случай

применения этого закона за время действия Государственной думы приведет к ее вмешательству в действия исполнительной власти.

Потребовалось почти шесть месяцев самой упорной борьбы передовой русской общественности, чтобы заставить правительство признать в своем секретном заседании необходимость отказать от военно-полевой юстиции.

§ 6. ЗАСЕДАНИЯ ВОЕННО-ПОЛЕВОГО СУДА В ТРУБЕЦКОМ БАСТИОНЕ

Мы уже знаем, что по распоряжению главнокомандующего С.-Петербургского военного округа заседания военно-полевого суда должны были происходить в здании тюрьмы Трубецкого бастиона. Они происходили там в квартире заведующего тюрьмой, которая находилась во втором этаже тюрьмы в непосредственной близости с камерами этого этажа¹.

Нет никакого сомнения, что выбор Трубецкого бастиона местом заседания военно-полевого суда гарантировал полную безопасность для членов этого судилища. Но богато обставленная квартира начальника государственной тюрьмы мало оправдывала название этого суда «военно-полевым», которое давало основание предполагать какую-то связь этого судилища с полем.

Военно-полевой суд не был стеснен в своей деятельности процессуальными формами. Он являлся прямым отрицанием всего того, что носило название «гарантии правосудия». Вместо публичности заседания была введена исключительная замкнутость всего процесса разбирательства при недопущении на заседание даже и тех немногих лиц (например, родных подсудимых), с присутствием которых мирилось рассмотрение дела при закрытых дверях в обычном суде. Отменялось объявление приговора в присутствии публики. Вместо обвинительного акта представлялось краткое распоряжение генерал-губернатора о предании военно-полевому суду. Не было судоговорения, так как исключалось присутствие на заседании как прокурора, так и защитника. О независимости судей из числа офицеров, назначенных по усмотрению начальства, не могло быть и речи. Они были связаны требованием политики царизма выносить приговоры к смертной казни.

---

¹ Надо предполагать, что для заседания суда была избрана комната, занятая после превращения тюрьмы в музей экспозициями портретов и картин по делу декабристов, так как она больше всех комнат подходила по своим размерам для заседания.

Известно, что попытки не подчиняться этим требованиям влекли за собой репрессии для некоторых членов военно-полевого суда.

Первым процессом военно-полевой юстиции в С.-Петербурге было «Дело о нападении 14 октября 1906 г. на помощника казначая С.-Петербургской портовой таможни».

Со времени издания 19—20 августа 1906 г. закона о военно-полевых судах прошло более полутора месяцев и даже приближался уже двухмесячный юбилей действия в империи этого исключительного закона. За это время, как видно из официального списка казненных, смертные приговоры были приведены в исполнение уже над 201 осужденным в 35 различных пунктах империи. Столица же этой империи все еще не занесла на страницы летописи своего существования ни одного смертного приговора. Мне уже пришлось отметить в предшествующем параграфе недовольство великого князя, главнокомандующего С.-Петербургским военным округом, таким отставанием места пребывания инициатора нового закона от других городов и даже местечек в деле расправы с врагами государственного строя. Наконец, 14 октября настал день, который принес полное удовлетворение и великому князю и всем жаждущим показать свою решимость и беспощадную суровость в борьбе с так называемыми нарушителями общественного строя.

По делу нападения на помощника казначая С.-Петербургской портовой таможни было предано военно-полевому суду сразу одиннадцать человек, а затем много позднее еще один. Из этих двенадцати человек — восемь были повешены. Все они были узниками Трубецкого бастиона.

Вооруженное нападение на казначая портовой таможни было использовано С.-Петербургским охранным отделением для расправы с заподозренными в принадлежности к партии «максималистов».

Из сообщения начальника С.-Петербургского охранного отделения видно, что по этому делу дознание было закончено производством уже 22 октября, что число обвиняемых, находившихся под стражей, достигло 42 человек. Кроме того, разыскивались семь и умер во время производства дознания один. Такая быстрота расследования уже сама по себе свидетельствовала, что оно никак не могло быть исчерпывающе полным и подтверждать правильность обвинения в преступлениях, за которые грозили самые тяжкие наказания.

Как ни была стремительна эта быстрота, она была недостаточна для немедленной расправы в порядке военно-полевой юстиции со всеми арестованными. Поэтому жандармы выхватили из

общей массы арестованных одиннадцать человек¹. Из них восемь человек уже 18 октября были повешены, а в отношении троих военно-полевой суд передал дело на рассмотрение военно-окружного суда. К восьми осужденным 16 октября полевой суд присоединил 1 декабря еще одного.

Указанные нами главнейшие черты военно-полевой юстиции сказались и на рассмотрении в Трубецком бастионе всех других дел. Необходимо отметить, что царизму не удалось скрыть от истории свои преступления, совершенные им под прикрытием термина «приговора по указу его величества» за стенами Петропавловской крепости. Приговор по одному делу, рассмотренному 14 октября 1906 г., — один из очень немногих, делопроизводство по которым дошло до нас.

Трудно решить, что в этом «судебном деле» наиболее отступало от общепринятых процессуальных форм и от элементарных юридических требований. Это дело началось с бумажонки о предании одиннадцати человек военно-полевому суду, в которой даже не назывались фамилии этих обреченных на смерть, а лишь делалось указание, что они поименованы в протоколе жандармского дознания. Все же дело завершилось приговором к смертной казни восьми человек. Характерно, что в одной из последних бумаг этого дела имеется перечень фамилий «обвиняемых», в котором слово «обвиняемые» зачеркнуто и сверху карандашом заменено словом «приговоренные». В этой упрощенности выразилась вся сущность военно-полевой юстиции. Казалось бы, что дальше этого упрощения идти некуда. Однако служители военно-полевой юстиции пошли еще дальше. Коменданту крепости было дано приказание выдать для казни восьмерых осужденных военно-полевым судом, но фамилии их не были названы. Лишь по требованию коменданта был представлен ему их поименный перечень.

В деле имеются всего два документа, проливающих свет на то, как происходило «судебное» заседание. Один из этих документов без всяких подписей представляет собой какой-то бесвязный набросок отдельных слов против фамилии каждого обвиняемого. Вероятно, эти заметки играли роль памятки при решении судьбы обвиняемых.

Такой же характер носил и второй документ. Хотя он и носил название «Журнал судебного заседания военно-полевого суда», но его содержание мало отвечало форме журнальной записи. Его автор был несомненным сторонником краткости изложения, но не

---

¹ ЦГИА в Москве. Департамент полиции, 7 делопроизводство, 1906, № 106475, «О вооруженном нападении 14 октября 1906 г. на помощника казначея С.-Петербургской портовой таможни».

сторонником ясности и даже понятности. Однако и эти краткие записи дали нам основание судить о работе военно-полевого суда. В заседании суда было опрошено тридцать семь свидетелей. Их показания, повидимому, касались различных подсудимых, установления связи их между собою и пр. Одни из свидетелей отказывались давать показания, уличавшие подсудимых, сославшись на невозможность признать в обвиняемых кого-либо из участников государственного преступления. Таких свидетелей оказалось тринадцать человек, т. е. почти треть общего числа вызванных. Другие свидетели, среди которых было много агентов охранного отделения и полицейских, опознавали тех или других из подсудимых. Сами же обвиняемые не только не признали себя виновными, но и заявили о полном незнании причины их ареста. Напрасны были бы поиски в смертном приговоре какого-либо его обоснования, выяснения, в чем состояла вина каждого из осужденных, подтверждения окончательных выводов ссылками на свидетельские показания и т. п. «Суд» после совещания объявил приговор.

§ 7. КАЗНЬ ОСУЖДЕННЫХ ПО ПРИГОВОРАМ ВОЕННО-ПОЛЕВЫХ СУДОВ

Мы располагаем официальными материалами о приведении в исполнение приговоров военно-полевых судов, осуждавших на смертную казнь. Эти материалы касаются восьми осужденных на смерть.

Восемь человек, приговоренных к казни, провели наступивший после приговора день в крепости.

О перевозке осужденных на казнь водным путем на Лисий Нос имеются и официальные сведения, найденные Д. Венедиктовым. Следует предположить, что такие препровождения к месту казни совершались во всех случаях одинаково, независимо от того, были ли вынесены приговоры военно-полевым или военно-окружным судом. Пароход «Пожарный» и миноносец «Шлем», приняв как осужденных на смерть, так и чинов, назначенных для присутствия при казни, отчалили от пристани в 12 час. 30 мин. ночи в местность Лисий Нос. В густом тумане оба судна прибыли к месту назначения лишь поздно ночью. В рапорте было отмечено, что во время следования по Неве и морем не было судов, «следовавших или следивших» за флотилией. Ко времени прибытия названных парохода и миноносца к месту назначения там, на дамбе, уже находились чины для исполнения казни. Авторы рапорта доносили С.-Петербургскому градоначальнику:

«Пристань «Лисий Нос» представляет из себя дамбу, выдающуюся в море на протяжении 730 шагов. Пройдя дамбу и вступив на берег, на котором не было ни одного постороннего человека, мы тотчас повернули налево, в деревянную калитку, имеющуюся у казарм, занимаемых караулом 2-го Кронштадтского крепостного полка, охраняющим пороховые погреба.

Весь дальнейший путь, следовавший к месту казни, пролегал по лесистой местности, совершенно пустынной и удаленной от жилья.

Место, избранное для казни, отстоит от пристани «Лисий Нос» на расстоянии не более версты, находится в лесу, близ берега моря, в совершенно безлюдной местности, оцепленной к тому же часовыми от 2-го Кронштадтского крепостного пехотного полка, охраняющими пороховые погреба, имеющиеся в районе этой местности, и никого не допускающими без приказа своего непосредственного начальства.

Ближайшая местность, имеющая жилье, — станция «Раздельная», до которой десять минут езды по железной дороге.

По прибытии на место казни был приведен в исполнение приговор суда в присутствии лиц, командированных для этой цели. Во время производства казни ни на самом месте приведения приговора в исполнение, ни в прилегающей к нему местности никого из посторонних не находилось.

По окончании казни чины, командированные для этой цели, тем же путем возвратились на пристань, не встретив на своем пути посторонних лиц, и в 5³/₄ часа утра отплыли в Петербург»¹.

Кроме описанного водного пути, на место казни был еще и другой путь, сухопутный, которым пользовались преимущественно зимою. Приговоренных вывозили из Петропавловской крепости в каретах под усиленным жандармским конвоем. По Камсноостровскому проспекту их везли до железнодорожной станции в Новой деревне и доставляли в поезде специального назначения на станцию Лисий Нос.

О порядке исполнения казни над заключенными Трубецкого бастиона, вывезенными на Лисий Нос, мы встретили в архивном деле официальное донесение, оставшееся совсем неизвестным до настоящего времени. Сообщая об одновременной казни через

---

¹ Этот рапорт имеет следующие подписи: «Чинovníк особых поручений при СПБ градоначальнике титулярный советник Муре. Пом. Упр. Речной полицией подполковник Свешников. Старший пом. пристава СПБ столичной полиции Михайлов. Нахожу, что все вышеизложенное совершенно сходно с действительностью. Отдельного корпуса жандармов подполковник Совещанский». Д. Венедиктов, «Лисий Нос» — лобное место российской революции, М., 1929, стр. 29.

повешение девяти осужденных (к восьми осужденным за экспроприацию был присоединен еще один, осужденный по другому делу), рапорт добавлял, что трупы казненных были «погружены в воду». Можно предположить, что утопление таких трупов представлялось более легким делом, чем зарытие их в землю. Погружение трупов в воду, может быть, применялось в целях более надежного сокрытия тех, кто стал жертвами военной юстиции. Обнаружение же могил могло привести к проявлению чьих-либо симпатий к погибшим¹.

Утопление трупов казненных, отмеченное в архивном деле о казни осужденных военно-полевым судом, не было, повидимому, единичным случаем.

Очевидно, для администрации такой способ сокрытия следов ее преступной расправы с жертвами юстиции представлялся наиболее удобным, независимо от того, принадлежали осужденные к морякам или не принадлежали. Морская стихия поглощала на дне моря и тех, кто проводил на воде свою жизнь до осуждения и кто был чужд ей².

§ 8. СТАТИСТИКА ВОЕННО-ПОЛЕВЫХ СУДОВ

Несмотря на протекшие более чем четыре десятилетия со времени действия военно-полевых судов, в печати до сих пор не было опубликовано официальных архивных материалов о деятельности этих судов.

При моих розысках в архивах сведений об узниках Трубцевого бастиона из числа жертв военно-полевой юстиции мне попалось дело департамента полиции довольно обширного объема под названием «Списки лиц, казненных по приговорам военно-полевых судов». Оно явилось попыткой министерства внутренних дел собрать со всей империи наиболее исчерпывающий материал о приговорах военно-полевых судов.

Попытка правительства систематизировать цифровой материал военно-полевой юстиции в общей сводке и вести наблюдения за проведением в жизнь смертоносной «скорострельной» юстиции вполне понятна. Без этого получалось такое положение,

---

¹ ЦГИА в Москве. Дело департамента полиции, 7 делопроизводство, 1906, № 10475. «О вооруженном нападении 14 октября 1906 г. на помощника казначея С.-Петербургской портовой таможни» (л. 39).

² Несмотря на запрещение цензуры давать в печати всякие сведения об исполнении смертных приговоров, описание исполнения приговора военно-полевого суда все же проникло в печать («Биржевые ведомости» 31 октября 1906 г.).

при котором «правая рука не знала, что творила левая». Совету министров оставалось неизвестным, кто из генерал-губернаторов проявлял достойное похвалы усердие и кто из них не был достаточно ретив в борьбе с крамолой, с нарушителями государственной, общественной и частной собственности.

Мысль собирать (конечно, совершенно секретно) сведения о приговорах военно-полевых судов пришла в голову министру внутренних дел не сразу, не одновременно с введением этих судов. Лишь 22 января 1907 г., т. е. через пять месяцев после начала «эпопеи» военно-полевой юстиции, министр внутренних дел предписал департаменту полиции «составить в течение двух недель полный список лиц, казненных по приговорам военно-полевых судов со времени учреждения таковых»¹.

За пять протекших месяцев русская общественность была свидетелицей неистовства вновь созданных учреждений. Изо дня в день органы столичной и провинциальной печати приносили читателям известия о казнях по приговорам этих судилищ. В некоторых органах стали появляться периодические сводки с именами казненных, с указанием места казни, иногда также и с перечнем вмененных им в вину преступлений. Русское общество читало эти известия и реагировало на них, поскольку это позволяли цензурные и вообще политические условия того момента. Но правительство, не обращая на это внимания, продолжало идти по намеченному им пути.

Подведенные в департаменте полиции итоги оказались менее значительными, чем итоги, подведенные в неофициальной печати. Так, например, профессор Фалеев составил список лиц, прошедших через военно-полевые суды со времени введения этих судов и до 1 февраля 1907 г. В списке значится 950 казненных². Автор допускает наличие в этом списке некоторого числа осужденных не военно-полевыми, а военно-окружными судами. Он же допускает и неполноту сведений, сообщенных телеграфными агентствами.

В официальный список казненных военно-полевыми судами, составленный за тот же период, внесено 629 человек. Получилась очень значительная разница с преуменьшением числа казненных по официальному списку. Сам департамент полиции признал в своем рапорте министру внутренних дел неполноту полученных от генерал-губернаторов сведений.

¹ ЦГИА в Москве. Фонд 102, 7 делопроизводство, 1906, № 8, т. IV, литер «А». Списки лиц, казненных по приговорам военно-полевых судов (л. 1).

² Фалеев, Шесть месяцев военно-полевой юстиции, «Былое» 1907 г. № 2.

Департаменту пришлось оправдываться перед министром после того, как последний, получив поименный список казенных военно-полевыми судами, остался им недоволен и в наложенной резолюции резко запрашивал, почему в списке казенных отсутствуют многие всем известные по газетам фамилии. Он требовал представить ему письменное объяснение чиновников, давших неполные сведения. Делопроизводитель департамента переносил ответственность за неполноту сведения с департамента на местные власти. Он писал: «Список казенных по приговорам военно-полевых судов был составлен гг. заведующими районами по сведениям, поступающим в 7 делопроизводство от местных властей. За полноту этих сведений, как уже докладывал вашему превосходительству, ручаться нельзя, напротив, судя по печатавшимся в газетах известиям, есть полное основание предположить, что о приведенных в исполнение смертных приговорах военно-полевых судов местные власти не всегда сообщают департаменту»¹.

Во всей этой истории с выражением недовольства «его превосходительства господина министра» характерно то, что сам департамент, видя неполноту донесений с мест о казнях, не принимал никаких мер к восполнению пробелов. Для него было безразлично, если официальные цифры оказывались ниже действительных. Интересно, что в разосланных по областям и губерниям секретных шифрованных телеграммах о представлении сводного материала за пять месяцев, департамент не ставил вопроса: «за что последовала казнь»? Между тем выяснение вопроса о причинах присуждения к смерти имело большое значение. Тогда бы выяснилось, что смертные приговоры выносились и за такие действия, которые не были преступлением даже по царским законам. Может быть, именно поэтому такой вопрос и не был поставлен. Лишь в очень немногих донесениях с мест были даны указания и на вмененные в вину действия осужденных.

Нам кажется, что ознакомление с официальными, секретными списками казенных по приговору военно-полевых судов представляет известный интерес. Получается возможность выяснить, по крайней мере, тот минимум легальных убийств, в совершении которых признались главнокомандующие, генерал-губернаторы и прочие охранители государственного строя и общественного порядка агонизировавшего царизма.

Одинаковые телеграфные запросы были посланы департаментом полиции во все области и губернии 8 февраля 1907 г.

¹ ЦГИА в Москве. Фонд 102, 7 делопроизводство, 1906, № 8, т. IV, литер «А». Списки лиц, казенных по приговорам военно-полевых судов (л. 25).

с предложением сообщить, были или не были в данной местности казни по приговорам военно-полевых судов, и если они были, то сколько человек было казнено за время со дня введения военно-полевой юстиции.

Ответы были получены от 50 запрошенных высших представителей местной власти. Из них лишь 12 ответили, что в подчиненной им местности по приговорам военно-полевых судов не было совершено ни одной казни. Почти в три раза более, а именно 38 генерал-губернаторов, губернаторов и пр. ответили на поставленный вопрос утвердительно¹.

Подвергнув обработке список казненных, мы выяснили сведения о пунктах, где были произведены казни по приговорам военно-полевых судов, составили таблицу с перечнем в алфавитном порядке этих пунктов и с указанием числа казненных в каждом из них за время с 31 августа 1906 г. и до 31 января 1907 г. Выяснилось, что число таких пунктов достигло 94. Здесь были города областные, губернские и уездные, а также местечки в различных уездах. В составленный нами список вошли следующие пункты.

ТАБЛИЦА 6

С НАИМЕНОВАНИЕМ ПУНКТОВ, ГДЕ БЫЛИ ПРОИЗВЕДЕНЫ КАЗНИ
ПО ПРИГОВОРУ ВОЕННО-ПОЛЕВЫХ СУДОВ СО ВРЕМЕНИ
31 АВГУСТА 1906 ГОДА ПО 31 ЯНВАРЯ 1907 ГОДА
И С УКАЗАНИЕМ ЧИСЛА ПРОИЗВЕДЕННЫХ ТАМ КАЗНЕЙ

Александровск	2	Ведено-Дышноведенец, Тифлис-	
Альтенвог, Рижского уезда	4	ской губернии	2
Андижан	3	Венденский уезд	13
Армавир	3	Венден	4
Ашхабад	1	Владивосток	2
Батум	4	Верро, Лифляндской губернии	2
Бахмут	13	Гарволин	5
Бендин	7	Гольдингенский уезд	4
Варшава	59	Гори	3

¹ Из полученных ответов видно, что военно-полевые суды были введены в следующих губерниях, областях и городах: Сувальская, г. Ашхабад, Радомская, Московская, Ломжинская, Курляндская, г. Севастополь, Оренбургская, Петербургская, Минская, Ферганская, Киевская, Херсонская, Омская, г. Ростов-на-Дону, Гродненская, Седлецкая, Лифляндская, Таврическая, Варшавская, Эстляндская, Кавказское наместничество, Кронштадтская, Иркутская, Челябинская, Петроковская, Енисейская, Владивостокская, Приамурская, Келецкая, Горно-Заводской южный район.

Из полученных ответов видно, что военно-полевые суды не были введены в следующих губерниях и областях: Новочеркасская, Харьковская, Тобольская, Читинская, Сыр-Дарьянская, Могилевская, Семиречинская, Полтавская, Николаевская, Нижне-Новгородская, Томская, Полоцкая.

Гродно	2	Одесса	13
Грозный	1	Омск	1
Даданген, Курляндской губернии	1	Пернов	3
Зугиды	1	Перновский уезд	2
Екатеринослав	28	Петербург	6
Екатеринославская губерния	39	Петроковская	4
Екатеринодар	6	Приамурский край	6
Елизаветопольская губерния	1	Радомская губерния	3
Елизаветполь	1	Ревель	2
Елизаветград	2	Рига	57
Иркутск	18	Рижский уезд	4
Калиш	11	Ростов-Дон	8
Квирилы	1	Севастополь	3
Кельцы	28	Седлец	9
Киев	2	Сенакский уезд	1
Коканд	2	Сосновицы	5
Кокенгаузен, Рижского уезда	2	Сочи, Черноморской губернии	3
Красноярск	7	Сухум	2
Кронштадт	17	Таврическая губерния	7
Кутаисская губерния	5	Таганрог	9
Кутаис	7	Телав	3
Ленневарден, Рижского уезда	2	Тверская область	4
Либава	2	Тифлис	13
Липовец, Киевской губернии	6	Тифлисская губерния	6
Лифляндская губерния	7	Томашев	2
Ладзь	1	Томск	2
Лодзь	10	Херсон	6
Луганск	2	Холм, Люблинской губернии	1
Люблин	3	Челябинск	4
Местдаден, Рижского уезда	2	Ченстохов	16
Миневарден, Рижского уезда	3	Щучин, Ломжинского уезда	1
Минск	1	Феликский уезд	5
Митава	11	Феодосия	1
Могилев	2	Фридрихштадтский уезд	7
Москва	19	Эривань	2
Ново-Александрия	6	Эриванская губерния	4
Новый Маргелан	1	Юзовка, Екатеринославской губернии	6
Новороссийск	4	Якобштадт	3

Наибольшие цифры казенных дали г. Варшава (59 человек), Рижский уезд (57 человек), Екатеринославская губерния (39 человек), г. Екатеринослав (28 человек) и др.

Самое большое количество совершенных казней падает на сентябрь (156 человек).

В нашей таблице не могли быть включены сведения по Кавказскому краю, так как они были даны наместником по иной форме. В своем отчете он совсем не дал сведений о каждом казенном, а дал их суммарно за указанный период 1906—1907 гг. Он не указал фамилии, ограничившись указанием лишь количества казенных (73 человека).

Повторяем, что несмотря на несомненную неполноту приведенных цифр, они представляют тот интерес, что во всяком случае фиксируют хотя бы минимум казней, в совершении которых, так сказать, признались сами виновники их исполнения в лице генерал-губернаторов и главнокомандующих¹.

¹ В периодической печати за период действия военно-полевых судов делались попытки вести именные списки казненных, как, например, в газете «Новые силы» 18 февраля 1907 г., в той же газете 23 сентября, «Столичная почта» 14 марта. К. И. Солнцев в статье «Воинская преступность в царской армии», помещенной в журнале «Советское государство и право» 1936 г. № 6, привел цифры, собранные по газетным сведениям Вентиним: за восемь месяцев были приговорены к смерти военно-полевыми судами 1102 человека. Возможно, что сюда были ошибочно причислены казненные по приговору военно-окружных судов, но также возможно, что сюда не вошли полностью все осужденные военно-полевыми судами.

Глава третья

ВОЕННО-ОКРУЖНЫЕ СУДЫ И ТРУБЕЦКОЙ БАСТИОН

§ 9. СЕКРЕТНЫЕ МАТЕРИАЛЫ ЦАРИЗМА О СМЕРТНОЙ КАЗНИ ПО ПРИГОВОРАМ ВОЕННЫХ СУДОВ

Аже после формальной отмены военно-полевых судов правительство оставляло в своих руках в полной неприкосновенности все законоположения об исключительных мерах к сохранению «государственного порядка» в империи. Законы об усиленной и чрезвычайной охране, об объявлении местностей на военном положении давали царизму возможность расправы по его произволу со всеми теми, кого главнокомандующие, генерал-губернаторы, министры внутренних дел, военный министр, департамент полиции и др. желали «изъять из обращения». Поэтому этим представителям власти не приходилось особенно сожалеть о прекращении существования военно-полевых судов. Военно-окружные суды продолжали свое служение беспощадной и бесстыдной классовой юстиции царизма.

Однако эпопея военно-полевых судов не осталась без влияния на военную юстицию. «Скорострельные» суды привлекли к делу расправы с обвиняемыми за государственные и общеуголовные преступления много сот воинских чинов командного состава армии и флота. Через руки местных и центральных сатрапов прошли многочисленные дела о конфирмации приговоров над осужденными. Всем им было прекрасно известно настроение правительства, для которого понятие «твердой власти» было неразрывно связано с лозунгом «неправда и жестокость да царствует в судах». Поэтому неудивительно, что военная юстиция и все причастные к ней представители власти усилили свой кровавый террор.

Безудержный террор отразился и на составе заключенных в Петропавловской крепости. В ней за последние семнадцать лет царизма перебивало очень много привлеченных к ответственности перед военно-окружными судами. В результате такой политики в одиночных камерах Трубецкого бастиона оказалось столько приговоренных военно-окружными судами к смертной казни, как никогда прежде. Не считая казненных по приговорам военно-полевых судов и не учитывая тех смертников, которые перед казнью были переведены в другие тюрьмы, я определил, что тридцать узников пошли из Трубецкого бастиона на казнь, под расстрел или на виселицу по приговорам военно-окружных судов.

Наличие в Петропавловской крепости за последние семнадцать лет царизма смертников, осужденных военно-окружными судами, вызывает особый интерес к деятельности военно-окружных судов и к применению ими смертной казни по пресловутой ст. 279 воинского устава о наказаниях.

Никогда за все время существования царской власти не было такого интенсивного внимания представителей высшей центральной и местной администрации к наказанию смертью, как за годы после первой революции. В огромном большинстве случаев производившаяся по этому вопросу «совершенно секретно» и даже шифрованная переписка не сделалась достоянием гласности. Поэтому тем более значительный интерес представляет ознакомление с найденными нами такими документами архива департамента полиции.

Сущность содержания секретных документов по вопросам объема назначения смертных приговоров и их исполнения сводится к стремлению министерства внутренних дел и генерал-губернаторов расширить свои права в вопросах жизни и смерти осужденных. Впрочем, из архивного дела стало известным и одно исключение, которое я назвал бы «исключением до некоторой степени». Такое исключение составил в 1908 году помощник главнокомандующего войсками гвардии Петербургского военного округа генерал Газенкампф. Между ним и Столыпиным, председателем совета министров, произошли разногласия по вопросу об объеме власти главнокомандующего и министра внутренних дел при конфирмации приговоров к смертной казни и замене ее другими наказаниями. Разногласия заслуживают того, чтобы на них остановиться, но мы предварительно остановимся на более ранних фактах.

В секретной переписке министров военного, юстиции и внутренних дел бросается в глаза, что история отношения высших правительственных органов к наказанию смертью шла в направлении все более и более широкого истолкования соответствующей

щих повелений и циркуляров о смертной казни. Однако в такие моменты, когда чрезвычайное усиление революционного движения грозило снести трон, как, например, весна и лето 1906 года, императорское правительство делало некоторые уступки. Такие уступки царизма и буржуазии сменялись вновь самым энергичным поиском своего спасения с помощью палачей. Недаром со второго полугодия 1906 года наступила эпопея беспощадных военно-полевых судов.

Наиболее ранний документ о смертной казни по приговорам военно-окружных судов приводится департаментом полиции в его деле 1906 года «О порядке утверждения и смягчения приговоров военных судов о лицах гражданского ведомства»¹.

Обширное дело начинается «Высочайше утвержденным 24 марта 1880 года циркуляром генерал-губернаторам о предоставлении им прав предания военному суду лиц гражданского ведомства». Наступало время усиленной борьбы с народовольцами. Циркуляр, предоставлявший генерал-губернаторам право предавать лиц гражданского ведомства военному суду, давал им также и право утверждения смертных приговоров. Однако, если генерал-губернатор находил возможным заменить смертную казнь другим наказанием, он самостоятельно не мог этого сделать. Казнить он мог, но не мог миловать. Император доверял генерал-губернаторам право отнимать жизнь у осужденного, но не даровать ее. В последнем случае высший представитель местной власти обязывался испрашивать через министра внутренних дел у самого царя помилования осужденного. Таким образом, устанавливался в лице министра внутренних дел и самого царя контроль за генерал-губернаторами в целях недопущения «излишнего» снисхождения к осужденным.

Циркуляр 24 марта 1880 г. был подтвержден 23 ноября 1903 г. министром внутренних дел в бумаге на имя степного генерал-губернатора.

В том же 1903 году министерство внутренних дел передало в военное министерство для рассмотрения в военно-окружном суде дела по обвинению в государственных преступлениях Гершуни и других, не произведя предварительного следствия и ограничившись лишь полицейско-жандармским дознанием. Между тем обвиняемым грозила смертная казнь. Военное министерство обратилось к министру юстиции, к тому самому Муравьеву, который «заработал» министерский пост виселицами, с запросом

¹ ЦГИА в Москве. Фонд департамента полиции, 1906, № 8, т. 1, «О порядке утверждения и смягчения приговоров военных судов о лицах гражданского ведомства» (л. 109).

о возможности суда лишь по материалам дознания. Муравьев без всяких колебаний поспешил 24 декабря 1903 г. ответить, что дело может быть и без высочайшего разрешения рассмотрено лишь по результатам дознания без предварительного следствия.

После такого прецедента министерство внутренних дел вошло во вкус судить по материалам, собранным его послушными агентами, жандармами и полицейскими. Оно обратилось в министерство юстиции за разрешением теперь уже не по какому-нибудь отдельному процессу, а в общей форме предавать военному суду обвиняемых лишь на основании материалов дознания ввиду исключительных обстоятельств того времени.

Министерство юстиции 28 июня 1905 г. дало свое полное согласие¹. Для высшего блюстителя юстиции в Российской империи правосудие было несколько не дороже, чем для министерства внутренних дел.

Наиболее значительное отступление царизма от политики виселиц и расстрелов совершилось через месяц после пресловутого манифеста 17 октября 1905 г. В. И. Ленин назвал этот манифест отступлением царизма², а вместе с тем ловушкой и провокацией³.

Министерство юстиции коренным образом изменило изложенную нами выше свою точку зрения на возможность военного суда без предварительного следствия. Оно перевернуло фронт под влиянием высоко поднявшейся волны революционного движения в середине 1906 года. 7 июня 1906 г. министр юстиции препроводил в министерство внутренних дел немалых размеров отношение. В нем он обосновывал необходимость вернуться к законному порядку при рассмотрении дел в военных судах и возражал против отказа производить по таким делам предварительные следствия, ограничиваясь актами полицейского дознания.

Поскольку в указанном отношении министр юстиции и сам сечет себя, я воспроизвожу здесь строки либеральничания руководителя судебного ведомства, но либеральничания на очень короткое время, до нового усиления реакции. Министр писал по вопросу о передаче дел, изъятых из общего порядка подсудности на рассмотрение военных судов по данным одного лишь полицейского дознания: «Передача на военный суд отдельных дел по актам одного дознания не могла бы быть оправдана и интересами

¹ ЦГИА в Москве. Фонд департамента полиции, 1906, № 8, т. 1, «О порядке утверждения и смягчения приговоров военных судов о лицах гражданского ведомства» (лл. 42—44).

² См. Ленин, Соч., т. 9, стр. 416.

³ См. там же, стр. 406.

ускорения репрессии ввиду того, что по делам более или менее сложным, как уже было отмечено ранее, полицейское дознание не устранит необходимости производства предварительного следствия, по делам даже простым и ясным для производства следствия, или формального дознания, в порядке ст. 1035 Устава уголовного судопроизводства потребуются такой краткий срок, который едва ли может оказать существенное влияние на скорейшее развитие дела.

Ввиду всего изложенного, я нахожу, что передача дел, изъятых из общего порядка подсудности на основании ст. 17 и ст. 31 Положения об охране или Правил о местностях, объявленных на военном положении, на рассмотрение военных судов по данным одного лишь полицейского дознания, как не отвечающие требованиям закона, представляется безусловно нежелательною.

Об изложенном имею честь сообщить вашему превосходительству в следствии отношения за № 4044, покорнейше прося о последующем меня уведомить». Министр юстиции (подпись) ¹.

Напомню, что через полтора месяца после того, как министр юстиции написал эти «золотые слова» в защиту законности, Совет министров 18 августа 1906 г., т. е. накануне закона о военно-полевых судах, единогласно при участии того же министра юстиции принял законопроект «Об усилении ответственности за распространение среди войск противоправительственных учений и суждений и о передаче в ведомство военных и военно-морских судов дел по означенным преступным деяниям». Этим самым расширялось применение смертной казни по ст. 279 воинского устава о наказаниях.

Министр внутренних дел, получив приведенное нами отношение министра юстиции от 7 июня 1906 г., не подумал сдаваться или итти на уступки. В своем ответе 10 июля 1906 г. он указывал на практику военно-окружных судов, которые, по его словам, за последнее время «почти никогда не приступают к судебному следствию иначе, как на основании данных, проверенных предварительным следствием или дознанием в порядке ст. 1035 Устава уголовного судопроизводства». Поэтому министр оправдывал передачу военным судам дел без предварительного следствия «чрезвычайными обстоятельствами преступных посягательств, учиненных на почве политического движения».

За две недели до московского декабрьского восстания 1905 года, когда Семеновский полк под руководством Мина и Римана

---

¹ ЦГИА в Москве. Фонд департамента полиции, 1906, № 8, т. 1, «О порядке утверждения и смягчения приговоров военных судов о лицах гражданского ведомства» (лл. 50—52).

производил бессудные массовые расстрелы, секретное «высочайшее» повеление 26 ноября 1905 г. рекомендовало военному министру предавать гражданских лиц военному суду в крайних случаях. Это «высочайшее» повеление фактически не осуществилось, так как усмирение декабрьского восстания в Москве в 1905 году подняло настроение реакции. Вместо сокращения деятельности военно-окружных судов по приказу Мина последовали многочисленные бессудные казни участников этого восстания.

Военный министр Редигер напомнил 15 февраля 1907 г. министру внутренних дел указанное нами секретное повеление от 26 ноября 1905 г. о сокращении деятельности военно-окружных судов в расправе с обвиняемыми гражданского ведомства. Военный министр отмечал, что это повеление не всегда соблюдается. Напомним, что эта секретная бумага военного министра к министру внутренних дел была отправлена на шестом месяце неистовства военно-полевых судов. Было бы ошибочно думать, что военное министерство насытилось пролитой кровью. Оно не думало об ограничении расстрелов гражданских лиц военно-полевыми судами. Его озабочивала одновременно увеличившаяся нагрузка военно-окружных судов делами о смертниках.

У членов военно-окружных судов уже опускались руки от усталости по изготовлению и подписыванию смертных приговоров. Военный министр писал, например, министру внутренних дел: «при малочисленности личного состава военно-судебных учреждений является непосильное их обременение и замедление их деятельности» и просил министра внутренних дел предписать генерал-губернаторам «избегать чрезмерного расширения военной подсудности»¹.

Военный министр писал это письмо министру внутренних дел в то время, когда особенно усердствовал в борьбе с крамолой прибалтийский генерал-губернатор, в сатрапии которого одновременно действовали по его приказу военно-полевые и военно-окружные суды. Может быть, именно поэтому министр внутренних дел ограничился соответствующим распоряжением лишь этому генерал-губернатору. Он и сообщил об этом 27 февраля 1907 г. Редигеру, указав в рекомендации прибалтийскому генерал-губернатору обратить «к военной подсудности лишь дела исключительной важности и только при условии крайней в том необходимости».

---

¹ ЦГИА в Москве. Фонд департамента полиции, 1906, № 8, т. 1, «О порядке утверждения и смягчения приговоров военных судов о лицах гражданского ведомства» (л. 110, оборот).

Самым рьяным защитником кровавого террора, даже без суда, явился еще летом 1906 года варшавский генерал-губернатор Скалон. Он выступал по вопросу о терроре и в качестве, так сказать, «теоретика». Настоящей апологией виселицы был его «совершенно секретный» доклад министру внутренних дел 6 июля 1906 г.

Скалон писал в своем рапорте, что случаи смертных приговоров вызвали со стороны революционной организации желание мстить за казненного убийствами полицейских и жандармских чинов. Так, после повешения Папая («убийцы» комиссара по крестьянским делам Борка) жертвами мести революционеров в Варшаве были семнадцать человек.

По словам генерал-губернатора, революционный террор в Польше продолжался уже второй год. Он отражался на деятельности чинов полиции, ряды которой редели. «Желающих занять вакантные места почти нет». Скалон выдвинул предложение бороться против террористических актов еще более сильным террором, т. е. «путем осуществления в полном объеме ст. 12 военного положения до применения смертной казни без суда включительно».

Генерал-губернатор в своем всеподданнейшем усердии и в стремлении защитить «верных царских слуг», учитывая изменившиеся обстоятельства, упоминает довольно критически отмену по высочайшему повелению в феврале 1906 года расстрелов без суда. Он поясняет, что «орудием репрессии» в борьбе с революцией осталось лишь предание военному суду. Но такой порядок, по утверждению Скалона, «не останавливает террористический деятельность революционных сообществ, вызывая с их стороны лишь жестокую месть». Чины полиции «подавлены своей беззащитностью». Если расправа с ними не приостановится, то Варшава и весь край (где террор ширится) «рискует вскоре остаться без полиции, и никто в полицию служить не пойдет». Генерал-губернатор Скалон добавлял, что революционеры находят себе новую поддержку в отмене смертной казни Государственной думой, что при обсуждении заявления председателя совета министров Столыпина о числе павших полицейских чинов раздавшийся возглас — «Мало!» — открывает террористов.

В заключительной части своего рапорта генерал-губернатор Варшавы ставил вопрос: «достигает ли теперь смертная казнь желаемой цели, т. е. устрашения революционеров?». Он сам отвечал на этот вопрос отрицательно: смертная казнь в настоящее время революционеров больше не устрашает. Она — источник все большей ожесточенности боевых организаций, а в результате — убийства чинов полиции. Из создавшегося положения, по мнению Скалона, два выхода: или усиление меры устрашения,

«или, наоборот, приостановление всех без изъятия смертных приговоров».

Варшавский палач, создавший себе славу одного из самых жестоких генерал-губернаторов, скромно отказывается считать себя компетентным разрешить поставленную им дилемму, которую на практике давным-давно разрешил. Он просит представить поставленный им вопрос на «уважение совета министров», а ввиду предстоящей «целой серии» смертных приговоров просит сообщить о последующем по телеграфу¹.

В самой тесной связи с расширением объема применения смертной казни стал вопрос о месте ее исполнения. Когда приговоры к смертной казни градом посыпались не только на столицу, но и на небольшие города, исполнение этих приговоров встретило ряд затруднений. Большие трудности возникали не только при отыскании палачей, но и при выборе места для казни. Выход из трудного положения проектировался самим министром внутренних дел. Он задался мыслью в известной степени организовать центры мест казни и в этих целях выбрать на пространстве империи определенные пункты, куда и свозить осужденных на казнь. Предполагалось устройство в этих центрах всех удобств для приведения в исполнение приговоров, т. е. и надежных, скрытых от народа, укромных мест для казни и содержания в этих городах палачей, готовых всегда по первому требованию за выговоренную плату привести в исполнение повешение.

Заместитель директора департамента полиции Рачковский рапортовал министру внутренних дел. Он напомнил содержание ст. 963 Устава уголовного судопроизводства об исполнении смертных приговоров в пределах тюремной ограды, а при невозможности этого — в другом месте по указанию полицейского начальства. Но Главное тюремное управление на обращенный к нему запрос ответило, что не только в тюрьмах мелких городов, но и в некоторых больших, например в Москве, выполнение смертной казни «совершенно невозможно». Главное тюремное управление предложило обратиться к министру юстиции с просьбой указать, где в военных округах или округах судебных палат по устройству самих тюрем (достаточное количество полиции и войск) можно было бы приводить в исполнение приговоры над осужденными к смертной казни без опасения беспорядков как со стороны арестантов, так и со стороны лиц, находящихся на свободе².

¹ ЦГИА в Москве. Фонд департамента полиции, 1906, № 8, т. 1, «О порядке утверждения и смягчения приговоров военных судов о лицах гражданского ведомства» (лл. 56, 58, оборот).

² Тот же архив, то же дело (лл. 64, оборот, и 65).

Министр юстиции Манухин писал товарищу министра внутренних дел, заведовавшему полицией, что выполнение смертных приговоров при тюрьмах очень затруднительно ввиду опасения протестов заключенных: «не следует упускать из виду того крайне напряженного состояния, в котором ныне вообще находится тюремное население, в зависимости от обнаруживающегося в разных местностях империи брожения...». Он указывал на большие трудности доставки осужденных на казнь в другие тюрьмы и на необходимость усиления штата таких тюрем и военного караула, а также на опасность возбуждения народа, особенно, если казни будут совершаться через короткие промежутки времени.

При таких неудобствах исполнения казни внутри тюрем министр юстиции высказывал свое пожелание, что было бы удобнее, если бы полиция выбирала другие места для казни. Несомненно, за этими словами скрывалось желание руководителя ведомства избавить чинов своего ведомства от всех тех «неприятностей», с которыми было связано выполнение казни. Так, министерство внутренних дел с его департаментом полиции пыталось переложить «труд» по выполнению казней на министерство юстиции с его тюремным управлением, а это последнее всячески старалось себя от этого избавить. Получалось довольно своеобразное пререкание ведомств. Впрочем, министр юстиции не решился категорически отказаться от выполнения «патриотической» обязанности приведения в исполнение приговоров, вынесенных по указу его величества о спасении царя и всего царского строя. На крайний случай он находил возможным избрать местом выполнения казни в московском судебном округе одну из двух тюрем в самой Москве, а именно Московскую пересыльную, или исправительную, и Вологодскую; в казанском судебном округе — тюрьму в Казани; в виленском судебном округе — Трокскую; в киевском — Луцкую; в одесском — тюрьму в самой Одессе; в харьковском — Харьковскую или Полтавскую; в новочеркасском — Новочеркасскую, в саратовском — Саратовскую и т. п. Министр заканчивал свой ответ указанием на два округа, в которых особенно часто могли быть случаи вынесения смертных приговоров — С.-Петербургский и Варшавский, где, по установленному порядку, для цели, о которой идет речь, служат: в первом — особая Шлиссельбургская тюрьма, а во втором — Александровская цитадель¹.

¹ ЦГИА в Москве. Фонд департамента полиции, 1906, № 8, т. 1, «О порядке утверждения и смягчения приговоров военных судов о лицах гражданского ведомства» (лл. 89—90),

Из нашего предшествующего очерка о военно-полевых судах в Трубецком бастионе мы уже знаем, что местом казни по Петербургскому судебному округу стал Лисий Нос близ Кронштадта.

Среди защитников неуклонного выполнения смертных приговоров особенно выделяется генерал Павлов. Еще в 1905 году, будучи начальником главного судного управления военного ведомства, он принимал решительные меры к расширению исполнений смертных приговоров. Соответствующий секретный документ за подписью этого жестокого служителя военной юстиции заслуживает того, чтобы быть отмеченным. Он писал 25 августа 1905 г. в министерство внутренних дел, что главнокомандующие и другие имеют право не давать хода кассационным жалобам, но «почти никогда не пользуются этим правом, несмотря на то, что жалобы, как показывает практика, в огромном большинстве случаев оказываются не заслуживающими уважения, а потому и рассмотрение их Главным военным судом представляется совершенно бесцельным». Поэтому военное министерство напоминало главнокомандующим о предоставленном им праве не давать хода кассационным жалобам и просило министерство внутренних дел дать соответствующие разъяснения генерал-губернаторам.

Так, генерал Павлов не хотел утруждать себя и членов высшего военного суда рассмотрением и проверкой тех жалоб, в которых поднимался вопрос о неправильности приговоров к смерти.

Под предлогом бесцельности таких жалоб бесстыдно рекомендовалось генерал-губернаторам и главнокомандующим попросту не давать дальнейшего хода этим просьбам смертников.

Но революционные силы в России крепили, и в мае 1906 года совет министров вынужден был высказать мнение, совершенно противоположное мнению Павлова. Министр внутренних дел Столыпин, прикрывая отступление правительства, разослал «совершенно доверительно» шифрованную телеграмму начальникам губерний: «Совет министров вопрос о применении ст. 1401 Устава воен. судебн. о лицах гражданского состояния, дела которых переданы на рассмотрение военного суда, нашел, «что стеснение лиц в праве кассационного обжалования... не вызывается какой-либо существенною потребностью или выгодой в смысле ускорения репрессии, а с другой стороны, такая мера представляется бесспорно нежелательною... как могущая возбудить сомнения в правильности приговора и подать повод к несправедливым нареканиям». На этом основании Столыпин предлагал направ-

лять поданные кассационные жалобы по принадлежности, а военному министру принимать меры к скорейшему их разрешению.

Некоторые из губернаторов увидели в этом обращении, хотя бы и в самой скромной форме законности, умаление их власти и ослабление борьбы с революционным движением. Так, например, временный прибалтийский генерал-губернатор, получив приведенную нами выше телеграмму Столыпина, писал ему о необходимости подойти к вопросу о производстве кассационных жалоб с точки зрения «соответствия постановления совета министров местной обстановке и местным политическим интересам». В качестве примера благодетельного влияния немедленной казни, игнорируя все жалобы на неправильность приговора, он указывал на конфирмацию им приговора военного суда в Усть-Двинске восьми человекам за убийство трех полицейских Риги. После этой казни на революционеров, по его словам, «был наведен страх, и две недели не было покушений на представителей власти». Он совсем недвусмысленно обратился к запугиванию самого правительства, отказываясь сказать, «как сложится обстановка ко времени исполнения военным судом приговора о тридцати пяти обвиняемых» в Рижской губернии. Очевидно, тогда шел спор, пропускать или не пропускать жалобы этих тридцати пяти человек.

Такая угроза возымела свое действие. Столыпин поспешил пояснить, что о смягчении репрессии не может быть и речи. Его ответ гласил: «Ответное письмо Ваше на мою телеграмму о порядке направления кассационных жалоб свидетельствует о неправильном толковании моей телеграммы, могушем иметь последствия весьма нежелательные. Считаю необходимым подтвердить, что сообщенное в означенной телеграмме мнение совета министров отнюдь не должно быть изъясняемо в смысле ослабления правительственной деятельности или недопустимого предположения о подчинении ее посторонним влияниям. Повторяю, что от представителей власти на местах равным образом требуется более, чем какой-либо, самый решительный образ действий в сознании лежащей на них ответственности. Всякое послабление будет признано за недостаточную твердость в пользовании вверенными им полномочиями»¹.

После этого временный прибалтийский генерал-губернатор мог спокойно продолжать свою прежнюю политику не пропускать

---

¹ ЦГИА в Москве. Фонд департамента полиции, 1906, № 8, т. 1, «О порядке утверждения и смягчения приговоров военных судов о лицах гражданского ведомства» (л. 34).

кассационных жалоб осужденных военными судами и продолжать их расстреливать и вешать целыми десятками.

Из приведенной нами телеграммы Столыпина от 30 мая 1905 г. нельзя не усмотреть, что влиятельнейший член правительства не смотрел серьезно на постановление совета министров не ставить особых препятствий для подачи кассационных жалоб приговоренными к смерти. Не прошло и четырех месяцев, как на другом конце России, далеко от Прибалтики, на Кавказе, где не угасало революционное движение, было получено распоряжение правительства не пропускать кассационных жалоб. Мы узнали об этом из секретного архивного дела и из обширного обращения заместителя Кавказа генерал-адъютанта Воронцова-Дашкова в центр. Оказывается, известный генерал Трепов, исполнявший в 1905 году обязанности товарища министра внутренних дел, 16 сентября в особой бумаге обратил внимание заместителя на важное упущение генерал-губернаторов и командующих войсками по их службе. Им предоставлено право не пропускать кассационных жалоб, но они не пользуются этим правом, «когда интересы общественной безопасности вызывают необходимость немедленного исполнения над осужденным наказания». На этом основании министерство внутренних дел и военное министерство напоминали заместителю Кавказа, что использование генерал-губернаторами их права не пропускать кассационных жалоб является «весьма желательным».

Повидимому, Воронцов-Дашков принял к своему руководству это предложение двух министерств и лишь через два с половиной года (28 февраля 1908 г.) возбудил перед министром внутренних дел вопрос о тех затруднениях, которые создаются для населения и для высших представителей местной администрации при запрещении обжалования смертных приговоров.

Слабая и в очень нерешительных выражениях сделанная Воронцовым-Дашковым попытка не стеснять смертников в подаче кассационных жалоб не имела никакого успеха. Министр внутренних дел ответил ему, что «порядок направления кассационных жалоб на приговоры военных судов, предложенный военным ведомством и поддержанный министерством внутренних дел в 1905 году, в полном объеме представлялось бы желательным сохранить и в настоящее время ввиду наблюдаемого в пределах Кавказского края развития преступности».

Вообще министерство внутренних дел непоколебимо стояло на страже сохранения виселицы. Оно считало своей прямой обязанностью не допускать никаких послаблений в борьбе с государственными преступлениями. Оно цепко держалось за смертную казнь,

§ 10. КАРАТЕЛЬНЫЕ ЭКСПЕДИЦИИ ЦАРСКИХ ПАЛАЧЕЙ В 1905 ГОДУ И ДЕЛО ОБ УБИЙСТВЕ ПОЛКОВНИКА МИНА, РАССМОТРЕННОЕ ВОЕННО-ОКРУЖНЫМ СУДОМ В ТРУБЕЦКОМ БАСТИОНЕ

Для подавления декабрьского восстания 1905 года в Москве царское правительство, не довольствуясь безудержной судебной репрессией, создало для расправы с рабочими специальные карательные экспедиции. Особо «отличилась» в этом отношении экспедиция, возглавленная полковником Мином, названного В. И. Лениным дикой собакой.

В результате действий командира лейб-гвардии Семеновского полка полковника Мина по усмирению московского восстания в декабре 1905 года пролилась кровь рабочих в Москве и на пространстве ста с лишним верст по линии Московско-Казанской железной дороги. В самой Москве главным местом сражения войск под командой Мина с восставшими рабочими была Пресня. Здесь сосредоточились лучшие боевые дружины, которыми руководили большевики. Пресня, переименованная после Великой Октябрьской социалистической революции в «Красную Пресню», «...была подавлена огнем и мечом, залита кровью, пылала в зареве пожаров, зажженных артиллерией»¹.

Для расправы с рабочими вне Москвы полковник Мин выделил из своего полка шесть рот под командой восемнадцати офицеров и под начальством полковника Римана. Этот отряд был направлен в рабочие поселки, заводы и фабрики по линии Московско-Казанской железной дороги. Отправляя эту часть полка в кровавый поход, полковник Мин отдал приказ, в котором предписывалось буквально следующее: «арестованных не иметь и действовать беспощадно. Каждый дом, из которого будет произведен выстрел, уничтожить огнем или артиллериею». В нашей литературе тогда же появились в повседневной печати сначала статьи, а потом и отдельные издания с подробным описанием зверств, совершенных этой карательной экспедицией. Ее жертвами стали расстрелянные без следствия и суда более ста пятидесяти человек. Автором этих описаний был публицист, лично произведший обследование деятельности карательных отрядов. Не были преувеличением его слова, которыми он характеризовал исполнение в точности приказа полковника Мина: «и все это вселило ужас, который кровавым призраком гнался вслед за

¹ История ВКП(б), Краткий курс, стр. 79,

уходящим поездом, где жестокие мстители праздновали свою кровавую победу под стоны умирающих, избитых, израненных людей».

Собрав многочисленные и вопиющие факты расправы карательной экспедиции по линии Московско-Казанской железной дороги, автор сделал из них совершенно правильный вывод: «Карательной экспедиции нужно было отомстить народу, безразлично в лице кого. Отомстить сильно, жестоко; несущественно — только отомстить в лице ли истинных виновников революционного движения, или в лице случайно встретившихся невинных людей. Те и другие одинаково дороги народу, одинаково им любимы, а потому в том или в другом виде свое дело сделает. Важна для экспедиции была быстрота действий, которая порождала ужас, решительность и неуклонность военачальников, не останавливавшихся хотя бы на одну минуту раздумья перед совершением величайших преступлений»¹.

Что касается действий полковника Мина в самой Москве, то они начались 16 декабря. Прибытию Семеновского полка для расправы с крамольной «первопрестольной столицей» предшествовали настоящие мольбы об этом генерал-губернатора Дубасова. Уже 7 декабря он, объявив Москву и всю губернию на положении чрезвычайной охраны, телеграммой 8 декабря просил военного министра командировать в помощь ему часть военной железнодорожной команды. Почти одновременно он обратился с просьбой в Петербург и к великому князю Николаю Николаевичу. Повидимому, само правительство в Петербурге не было уверено в своей безопасности и не хотело рисковать своим положением, а потому в присылке войск из Петербурга было отказано. Такой ответ мотивировался отсутствием в Петербурге свободных войск для отправки их в Москву. Этот ответ обескуражил Дубасова, и он уже 11 декабря отправил три телеграммы — военному министру, министру внутренних дел и председателю совета министров Витте. Каждому из адресатов он сообщал о том, что положение становится «очень серьезным», а войск для противодействия восстанию недостаточно. Однако и на этот раз, несмотря на вопль генерал-губернатора о спасении, Петербург отказал ему выдлить свои войска, пообещав прислать их из района Тула — Смоленск.

---

¹ В. Владимиров, Карательная экспедиция отряда лейб-гвардии Семеновского полка в декабрьские дни на Московско-Казанской железной дороге, М., 1906, стр. 6. В книге полностью приведен приказ полковника Мина от 15 декабря 1905 г. № 349 полковнику Риману. Обследование автора изобилует фактами кровавой расправы. Частично эти факты описаны тем же автором в статье «Современные казни» в сборнике «Против смертной казни», под ред. Гернета и др., М., 1906.

Между тем революционное выступление московского пролетариата разрасталось. Уже 7 декабря началась всеобщая политическая забастовка. В первом номере газеты «Известия Советов рабочих депутатов» появился манифест революционных организаций. Утром 8 декабря в саду театра «Аквариум» полиция арестовала десятки человек. Вечером 9 декабря произошла осада войсками училища Фидлера и пушечная стрельба по нему, при этом девять человек было убито и шестнадцать ранено. В ночь на 10 декабря в различных местах воздвигались баррикады. Утром 10 числа происходил обстрел из пушек со Страстной площади по бульварам и в направлении к Триумфальным воротам, было много убитых и раненых. По Страстному бульвару число убитых определено цифрой 11, а по Тверскому — 18. На Тверской улице, у церкви Василия Кессарийского, гранатами были убиты люди из находившейся тут толпы народа. Пушки были применены 11 декабря на Сухаревской площади, в Каретном ряду, на Страстной площади, Неглинном проезде, у Николаевского вокзала и в других местах. На Пименовской улице подобрано 18 раненых. В тот же день, 11 числа, при обстреле Сухаревской площади и Садовой улицы было много раненых и убитых. Приказы высшего начальства жандармам, казакам и драгунам действовать беспощадно приводили к убийству даже детей и безоружных¹. При обстреле дома Шугаевой близ Петровских линий было ранено до 30 человек. С 12 декабря происходили бои на Пресне и обстрел Прохоровской мануфактуры, и тогда же велась пальба из пушек на вокзальной площади.

С первых же дней московского восстания центральная власть в лице министра внутренних дел Дурново подстегивала генерал-губернатора Дубасова скорее расстреливать арестованных пленных, хотя он и не нуждался в таком подстегивании. Уже 10 декабря Дурново запрашивал Дубасова: «Предполагаете ли предавать арестованных бунтовщиков военному суду для непрямого и быстрого применения статьи двести семьдесят девятой воинского устава. Благоволите ответить».

Повидимому, после обстрела училища Фидлера и ареста там дружинников Дурново докладывал об этом царю и получил

¹ Приведенные нами сведения взяты из газеты «Русские ведомости» 19 декабря 1905 г. № 324, «Революция в Москве». В газете приведено большое число фактов, в том числе таких, как убийство жандармом 14-летнего мальчика, оскорбившего его и спрятавшегося за колонной Екатерининской больницы, убийство спешившимся драгуном мужчины, которого он заколол штыком в подъезде дома Омана, и пр. См. различные документы о московском восстании в статье В. Сторожева «Ф. В. Дубасов и Г. А. Мин на Пресне в 1905 г.» (по данным секретного отделения канцелярии московского генерал-губернатора), «Голос минувшего» 1918 г. № 4—6.

благословение расстреливать задержанных на месте без суда. В зашифрованной телеграмме от 16 декабря министр внутренних дел уведомлял Дубасова, что он докладывал (в телеграмме не указано, кому докладывал) свой разговор с генерал-губернатором, и «требуется в отношении фидлеровцев быстрое решение и исполнение». Телеграмма заканчивалась многозначительными словами: «в общем принято одобренное вами решение кончать бесповоротно и окончательно в каждом случае на месте»¹.

Эта зашифрованная переписка по телеграфу между министром внутренних дел и московским генерал-губернатором указывает на полную согласованность их действий по усмирению московского восстания и на предварительное одобрение свыше расстреливать на месте. Трудно подыскать более решительные выражения для этого приказа, чем слова телеграммы от 16 декабря: «кончать бесповоротно и окончательно в каждом случае на месте». Итак, царь, министр внутренних дел и генерал-губернатор в один голос говорили об одном и том же.

Послушными и охотными исполнителями этих приказов и были непосредственные усмирители московского восстания, начиная от окружного генерала Шейдемана, полковника Мина и кончая жандармами, казаками, солдатами-семеновцами, развращенными так называемой воинской дисциплиной. Окружной московский генерал Шейдеман в своем приказе от 18 декабря предписывал: «Если будет оказано вооруженное сопротивление, то истреблять всех, не арестовывая никого»².

Из донесений Мина и других участников усмирения восстания вырисовывается картина его подавления. Войска разбивали устроенные на улице баррикады, задерживали заподозренных в стрельбе и постройке баррикад, проходили сильными кавалерийскими разъездами весь Пресненский район. Пустили в ход не отдельные пушки, а целые батареи. Начальник артиллерии гренадерского корпуса доносил его командиру, что стрельба производилась из всех трех батарей. Объектом стрельбы были крыши и стены Прохоровской мануфактуры и фабрики Мамонтова и промежутки между фабричными корпусами, где можно было предположить дружинников. В 2 час. 30 мин. стрельба прекратилась, но одна батарея продолжала стрелять по людям, переносившим

---

¹ ЦГИА в Москве. Дело департамента полиции, 7 делопроизводство, 1906, № 8, ч. 34, «О вооруженных нападениях и грабежах, о посягательстве на жизнь должностных и частных лиц, об изготовлении и хранении бомб в Московской губернии» (лл. 4, 8).

² В. Сторожев, Ф. В. Дубасов и Г. А. Мин на Пресне в 1905 г. (по данным секретного отделения канцелярии московского генерал-губернатора), «Голос минувшего» 1918 г. № 4—6, стр. 144.

ящики с огнестрельными припасами. «Всего тремя батареями за время их действия было выпущено 400 снарядов, из коих 80 батарейных гранат, при прицеле 18—20 линий. Результаты стрельбы были следующие: разрушена столовая и совсем сожжена спальня рабочих, сожжен каменный флигель, который, как потом оказалось, служил складом материалов, произведен двукратный пожар в большом здании Прохоровской мануфактуры, потушенный затем своими фабричными средствами; это здание служило местом заседания революционного комитета. Наконец, был зажжен и выгорел весь корпус фабрики Мамонтова»¹.

Происходила стрельба и по отдельным домам на Пресне. Очевидец этой стрельбы З. сообщал в своем заявлении, как вспыхивали пожары на Пресне, как 17 декабря солдаты производили эти поджоги, не позволяя жильцам выносить имущество, а 18 декабря жгли дома, разрешая предварительно вынести имущество. На Пресне за два дня было не менее 11—12 пожаров. Одновременно производилась стрельба из таких мест, откуда менее всего могли ожидать ее обитатели домов на Пресне. Стреляли из ружей с каланчи пресненской части и с церкви Покрова. Стреляли во всех показывавшихся на улице.

Беспощадность расправы с заподозренными в прикосновенности к восстанию была понята командирами в самом широком смысле. Она выразилась не только в применении к ним оружия, но и в жестоких избиениях арестованных по полицейским участкам. Для характеристики кровавого разгула, воцарившегося в совершенно открытой форме в учреждениях московской полиции, можно привести обращение 19 декабря рабочих и служащих городских предприятий и учреждений к московскому городскому главе Гучкову. Они писали: «Рабочее правление доводит до сведения вашего, что в полицейских частях производится бесчеловечное избиение всех задержанных и арестованных. Избиение производится при участии городских и пожарных. В депо Пречистенской части пожарные после двухдневного избиения отказались от участия в таковом, так как даже они находят истязания арестованных ужасными. Рабочее правление просит вас принять все зависящие от вас меры, чтобы помочь арестованным и прекратить истязания. Председатель Красников. Секретарь Тимофеев»². Городской голова переслал копию этого заявления гене-

¹ В. М., Штурм Пресни, «Красный Архив», т. XI—XII, 1925, стр. 389—390. В сообщении использованы документы, находящиеся в деле штаба Московского военного округа № 5 за 1906 год «Мятеж в г. Москве», на лл. 1467—1472.

² В. Сторожев, Ф. В. Дубасов и Г. А. Мин на Пресне в 1905 г. (по данным секретного отделения канцелярии московского генерал-губернатора), «Голос минувшего» 1918 г. № 4—6, стр. 133, 144.

рал-губернатору. Стоит ли говорить, что практических результатов такое обращение к генерал-губернатору не имело. Он в это же самое время получал официальные известия о производившихся расстрелах без суда.

Следует предполагать, что полицейские и воинские чины не считали себя обязанными, по общему правилу, доносить по начальству об этих бессудных расстрелах, совершенных ими. Они не жалели патронов, но жалели чернила. На это нехватало и времени. Тем большее значение имеют для истории подавления московского восстания случаи документального подтверждения о расстрелах без суда в декабре 1905 года. К числу их принадлежит, например, донесение из отряда полковника Мина на сахарном заводе. Капитан генерального штаба Колосов сообщил московскому генерал-губернатору 19 декабря в 11 час. 45 мин. «об убийстве главаря движения Михаила Афанасьева и об аресте Ивана Волкова и Федора Мантулина» (все они бывали на митингах перед восстанием рабочих как делегаты). В тот же день, в три часа этот же капитан доносил генерал-губернатору: «Сейчас расстреляны бывшие делегатами рабочие Волков и Мантулин»¹.

О расстрелах без суда были сделаны и официальные заявления свидетелей. Так, например, один из очевидцев сообщал в московскую городскую управу о расстреле на льду Москвы-реки около фабрики Прохорова студента. На этом же месте накануне, 17 декабря, свидетели видели три лежавших тела. Один из этих расстрелянных, но не убитый, через несколько часов встал и ушел. Часто также ворочался и другой, но не был в состоянии встать или ползти, а когда к нему подходили желавшие помочь ему, то по ним начиналась стрельба, и они разбегались. Оба трупа пролежали всю ночь и следующее утро до 12 часов дня.

В архивном деле департамента полиции мною был обнаружен интересный документ, связанный с именем Шмидта, владельца той фабрики, рабочие которой явились деятельными участниками восстания. Начальник московского охранного отделения доносил директору департамента полиции об аресте им 17 декабря фабриканта Шмидта, заподозренного в сочувствии восставшим, и о передаче его тогда же в распоряжение командира лейб-гвардии Семеновского полка. В этом деле имеются и показания арестованного. На этих первых допросах он под влиянием угроз немедленного расстрела оговорил несколько неучастных к вос-

---

¹ В. Сторожев, Ф. В. Дубасов и Г. А. Мин на Пресне в 1905 г. (по данным секретного отделения канцелярии московского генерал-губернатора), «Голос минувшего» 1918 г. № 4—5, стр. 120—121.

станию лиц и в том числе Максима Горького. Позднее (15 января 1906 г.) на допросе у судебного следователя он показал: «Показание, данное мною 21 декабря у начальника охранного отделения, было дано под влиянием угроз немедленного расстрела, заявленных мне еще офицером в Пресненской части, который повез меня к градоначальнику только под тем условием, что я буду обвинять и других в том, что они участвовали в организации, которую я признаю вымыслом»¹.

Шмидт пояснял, что после ареста его повезли в солдатском фургоне на Даниловский завод. Здесь арестованный был окружен солдатами, называвшими его начальником дружины. Ему грозил немедленный расстрел, но офицер обещал оставить его в живых, если будут выданы другие участники восстания. Под влиянием таких угроз Шмидт и назвал несколько лиц и в том числе Максима Горького «для того, чтобы таким громким именем затянуть дело». Все это было чистейшим вымыслом².

Так, Шмидту грозили расстрелом в охранном отделении, в полицейском участке, офицер и солдаты полковника Мина на дворе фабрики. Сам Мин ничем не брезговал для достижения успеха подавления восстания. Сторожев воспроизвел в своей статье целиком донесение полковника Мина от 21 декабря за номером 28 московскому генерал-губернатору. Он начал свое донесение словами: «Ваше превосходительство! Мне пришло в голову испробовать обнаружить дружину Шмидта следующим образом». Далее он подробно изложил свой план: заставить Шмидта угрозами написать письма главарям восстания, положить штемпеля на почтовые конверты и доставить их агентами полиции, переодетыми почтальонами, адресатам; в письмах же заставить Шмидта просить адресатов об его освобождении, когда его повезут будто бы на вечное заключение или казнь, и при этом

¹ ЦГИА в Москве. Дело департамента полиции, 7 делопроизводство, 1906, № 8, ч. 34, «О вооруженных нападениях и грабежах, о посягательстве на жизнь должностных и частных лиц, об изготовлении и хранении бомб в Московской губернии» (л. 28).

² В использованном нами архивном деле имеются газетные вырезки о смерти Шмидта. Он найден мертвым в своей одиночной камере с горлом, перерезанным осколком стекла из тюремного окна. Накануне он говорил родным, что его намереваются резать. Родные обратились к властям с просьбой об исследовании причин загадочной смерти (газета «Современная речь» 14 февраля 1907 г.). Имеется в деле также вырезка из газеты «Русские ведомости» 21 февраля 1907 г. с указанием на появление в английской газете «Times» статьи Максима Горького о том, чему подвергался арестованный Шмидт. В газете «Утро» — сообщение о расстреле рабочих на глазах Шмидта, о лишении его сна, пищи, питья, о признании у него врачами душевной болезни (тот же архив, то же дело, лл. 252, 254).

сообщить, что конвой им уже будто подкуплен. Мин предполагал таким образом захватить дружину Шмидта¹. «Доблестный» полководец кончал свое подлое предложение выражением надежды на успех своего коварного плана.

Еще до окончательного подавления московского восстания командующий войсками московского военного округа генерал Малахов писал генерал-губернатору Дубасову, что «сердечное спасибо его императорского величества, «объявленное войскам за безупречное поведение, усугубило рвение войск по подавлению мятежа». Героем победы признавался командир лейб-гвардии Семеновского полка Мин, хотя его лавры хотели бы оспорить и другие генералы во главе с самим Дубасовым.

Все действия полковника Мина по усмирению московского восстания дали основание В. И. Ленину причислить его наряду с такими генералами, как Дубасов, Дурново и другими подобными представителями отмиравшего строя к «диким собакам». Недаром из псарни этих служителей царизма В. И. Ленин особо выделил Мина.

Прошло восемь месяцев со времени московских расстрелов и высочайшей благодарности усмирителю восстания и награждения его царем. Еще жива была память о расстрелянных участниках восстания и о тех, кто никакого отношения к этому восстанию не имел. И вот 13 августа 1906 г. генерал-майор свиты его величества Мин был убит.

В архивном деле об убийстве Мина содержится ряд документов, оставшихся до настоящего времени неизвестными.

Убийство московского палача было совершено учительницей Зинаидой Коноплянниковой в то время, когда он находился на платформе Петергофской железнодорожной станции в ожидании поезда.

Военный суд по делу Коноплянниковой состоялся 26 августа 1906 г. Накануне суда, 25 августа, департамент полиции уведомлял начальника петербургского губернского жандармского управления о предстоящем 26 августа заседании военного суда в С.-Петербургской крепости в здании Трубецкого бастиона. Вместе с тем предлагалось принять меры во избежание могущих возникнуть при этом уличных беспорядков. Такое опасение уличных беспорядков было более чем странно, если принять во внимание, что суд происходил в Трубецком бастионе, за семью дверями и семью замками. Впрочем, может быть, департамент по-

---

¹ В. Сторожев, Ф. В. Дубасов и Г. А. Мин на Пресне в 1905 г. (по данным отделения канцелярии московского генерал-губернатора), «Голос минувшего» 1918 г. № 4—6, стр. 128.

лиции опасался каких-либо демонстраций в столице по случаю суда по делу убийства усмирителя московского восстания.

Очевидно, петербургский военно-окружной суд перекочевал для разбора дела Коноплянниковой из своего здания в Трубецкой бастион в целях своей безопасности. Неизвестно, в каком именно помещении этого бастиона происходило это заседание.

Чиновник, командированный для присутствия на разборе дела, секретно доносил начальству, что суд «производился в помещении Трубецкого бастиона».

Состав суда был «генеральским»: председательствовал генерал-лейтенант барон Остен-Сакен, обвинял военный прокурор генерал-майор Корейво. От защитника обвиняемая отказалась, хотя он и был назначен ей в лице капитана Сыртланова.

Сообщая о ходе судебного заседания, автор рапорта докладывал: «На вопрос о виновности подсудимая заявила, что, не отрицая правильности внесенных в обвинительный приговор фактических данных дела, она, однако, не может признать себя виновною, так как, по ее мнению, с сознанием своей виновности должно быть сопряжено чувство раскаяния, чего у нее совершенно нет и в данном случае быть не может».

Ввиду такого заявления суд нашел возможным сократить судебное следствие, ограничившись из числа вызванных свидетелей лишь допросом жандарма и трех офицеров, присутствовавших при выстреле Коноплянниковой.

Речь прокурора была краткой. Подсудимая в своем последнем слове, по словам рапорта, «излагала, видимо, заученными фразами языка подпольных листов, свои революционные убеждения». Она привела уже известные нам объяснения мотивов убийства генерала Мина за совершенные им действия при усмирении московского восстания.

Коноплянникова коснулась и своей биографии и говорила, что, «лишившись места народной учительницы по несправедливому, по ее мнению, распоряжению начальства, она стала революционеркой, а затем, побывав в тюрьмах, где в ней окреп революционный дух, сделалась террористкой»¹.

Заседание суда, открытое в начале двенадцатого часа дня, уже закончилось в половине первого дня, а к двум часам дня был объявлен приговор и притом в окончательной форме. Зинаида Коноплянникова была приговорена к смертной казни через повешение. 29 августа приговор был приведен в исполнение.

---

¹ ЦГИА в Москве. Дело департамента полиции, 7 делопроизводство, 1906, № 7934, «Об убийстве свиты его величества генерал-майора Мина» (лл. 54—55).

Коноплянникова погибла преждевременно и вместе с тем без всякой пользы для дела революции. Террористические акты против отдельных представителей власти, как доказала история, никогда не приводили к смягчению реакционной политики господствующего класса и даже приводили к ее усилению. Обращение к индивидуальному террору направляло на неверный путь таких людей, которые могли бы быть полезными революции. Большевики, верные марксизму-ленинизму, видели возможность победы революции лишь в торжестве пролетариата и отвергали индивидуальный террор как средство политической борьбы. Это подчеркивал В. И. Ленин, постоянно резко осуждавший индивидуальный террор. Так, например, он писал в 1905 году: «Русский террор был и остается специфически-интеллигентским способом борьбы. И что бы ни говорили нам о важности террора не вместо народного движения, а вместе с ним, факты свидетельствуют неопровержимо, что у нас индивидуальные политические убийства не имеют ничего общего с насильственными действиями народной революции. Массовое движение в капиталистическом обществе возможно лишь как классовое рабочее движение»¹. Через год после этого, выясняя положительные стороны партизанских выступлений, В. И. Ленин проводил резкое различие между ними и террористическими актами. Террористические акты, как говорил Ленин, были мстью отдельным лицам, а партизанские выступления боевых дружин, уже давно образованных социал-демократами, являлись не актами мести, а военными действиями. Террор был заговором интеллигентских групп, а партизанские боевые дружины включали в себя главным образом рабочих. Террор не был связан ни с каким настроением масс, а партизанские боевые дружины были «...несомненно связаны с настроением масс самым явным, самым непосредственным образом»². Террор не подготовлял никаких боевых руководителей масс, а партизанские действия боевых дружин готовили боевых руководителей масс. Террор показывал неверие в восстание, а партизанские действия являлись необходимой составной частью восстания.

¹ Ленин, Соч., т. 8, стр. 6—7.

² Ленин, Соч., т. 10, стр. 99.

Глава четвертая

БОРЦЫ РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ В ТРУБЕЦКОМ БАСТИОНЕ

§ 11. УЗНИКИ ТРУБЕЦКОГО БАСТИОНА В ПЕРВЫЕ ГОДЫ XX ВЕКА

Начало истории Петропавловской крепости в XX веке совпало с огромным событием в истории революционного движения в России. В 1900—1901 гг. появились в печати первые выпуски основанной В. И. Лениным газеты «Искра». Начался переход к новому периоду образования «...из разрозненных групп и кружков единой Российской социал-демократической рабочей партии»¹.

К этому же времени относится и грандиозное выступление петербургского пролетариата. На военном Обуховском заводе произошло кровавое вооруженное столкновение рабочих, отмечавших день первомайского праздника, с царскими войсками. До 800 рабочих было арестовано. Тюремны заполнились участниками обуховской обороны.

В следующем году произошли организованные батумским социал-демократическим комитетом забастовки и демонстрации батумских рабочих, отразившиеся волнениями рабочих и крестьян на пространстве всего Закавказья. В том же 1902 году в Ростове-на-Дону разразилась по почину железнодорожников стачка десятков тысяч рабочих под руководством Донского комитета РСДРП.

1903 год вошел в историю рабочего движения в России, как год создания большевистской партии, как год массовых политических стачек рабочих на юге, в Закавказье (Баку, Тифлис, Батум) и на Украине (Одесса, Киев, Екатеринослав). Эти стачки

---

¹ История ВКП(б), Краткий курс, стр. 26.

под руководством социал-демократических комитетов по сравнению с прежними стали более организованными и более длительными. Так рабочий класс выступил на арену борьбы с царской властью.

Это происходило в годы промышленного кризиса, захватившего Россию, повлекшего за собою массовую безработицу среди рабочих. Вследствие таких экономических и политических условий царская Россия в начале XX столетия стала узлом противоречий империализма и центром мирового революционного движения.

В третьем томе «Истории царской тюрьмы» мне приходилось приводить различные сведения, характеризующие рост рабочего движения в конце XIX века. В частности, нами были приведены цифры и различные сообщения из секретных «Обзоров важнейших дознаний, производившихся в жандармских управлениях» за 90-е годы XIX века. Цифры свидетельствовали о неуклонном возрастании числа арестованных борцов за рабочее дело, о распространении деятельности «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», о расширении революционной агитации, о создании подпольных типографий и о быстро увеличивавшемся выпуске нелегальной политической литературы.

Сам департамент полиции признавал безуспешность произведенных им арестов в конце 1895 и начале 1896 года, а затем и в августе 1896 года. Он отмсчал лишь временный перерыв в деятельности «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». К началу 1897 года она, по словам жандармского отчета, «вновь оживилась». За Невской заставой делаются попытки вновь восстановить разбитые рабочие кружки. Были произведены (20—22 марта 1897 г.) новые многочисленные обыски, в том числе у Николая Баумана, заключенного вслед за тем в Трубецкой бастион¹. У пятнадцати человек, обысканных одновременно с Бауманом, была отобрана различная нелегальная литература.

Эти аресты также оказались бессильными остановить движение петербургских рабочих и агитацию среди них борцов за рабочее дело. В архиве охранного отделения были собраны обширные сведения на эту тему с упоминанием и того самого Обуховского завода, на котором произошли события 1901 года. Охранное отделение сообщало в департамент полиции о появлении в ноябре

---

¹ ЦГИА в Москве. Департамент полиции, 4 делопроизводство, 1897, № 96, т. 1, опись 138, «О лицах, обвиняемых в принадлежности к преступной организации, именуемой «Союзом борьбы за освобождение рабочего класса» (л. 12).

При обыске у Баумана были отобраны работа Карла Маркса «Теория ценности и денег» и тетрадь под заглавием «Прибавочная стоимость».

1898 года среди рабочих Шлиссельбургского района в Петербурге «преступных воззваний, воспроизведенных посредством пишущей машины и мимеографа» и подписанных «Союзом борьбы за освобождение рабочего класса» и С.-Петербургским комитетом Российской социал-демократической партии» с датой «Октябрь 1898 г.»¹ и озаглавленных: «К рабочим Обуховского завода».

Как доносило охранное отделение, вслед за тем подобные же прокламации были распространены и на других заводах со специальным обращением «К рабочим товарищества Александроневской мануфактуры К. Я. Паль» и «К рабочим Спасской и Петровской фабрики Губерта (Максвеля)». Под воззваниями стояли те же подписи: «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» и «С.-Петербургский комитет Российской социал-демократической партии».

С.-Петербургское охранное отделение, производя слежку за агитаторами, раскрыло в декабре того же года организационное собрание нескольких участников рабочих кружков, рассматривавших вопрос о возобновлении издания газеты «Рабочее знамя», выход в свет которой был прерван в июле того же года. Среди выслеженных участников этого совещания оказался Сергей Андропов, ставший позднее узником Трубецкого бастиона.

При декабрьских обысках и арестах в 1898 году по Шлиссельбургскому району Петербурга произошли события, явившиеся в известной степени предтечей Обуховской обороны 1901 года в том же районе. Полиция явилась в общежитие в доме № 63 по Шлиссельбургскому проспекту, где жило до 900 рабочих. Она встретила такое энергичное сопротивление рабочих, что потребовался вызов не только значительных полицейских сил, но и жандармского дивизиона.

Повторявшиеся в Петербурге по несколько раз в году погромы и политические сыски среди борцов за рабочее дело и в особенности среди членов «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» сопровождались жандармскими погромами и в других городах. Так, например, 27 ноября 1898 г. начальник Киевского губернского жандармского управления доносил департаменту полиции, что «кроме 120 лиц, о которых подробно сообщалось, привлечены к допросу еще 19 лиц»². Грандиозные обыски

¹ ЦГИА в Москве. Департамент полиции, 4 делопроизводство, 1899, № 13, т. 1, «О преступном обществе, присвоившем себе наименование «Группа рабочего знамени» (лл. 1—2).

² Эти сведения взяты нами из архивного дела «О тайном сообществе, именуемом себя «Киевский Союз борьбы за освобождение рабочего класса» (ЦГИА в Москве. Департамент полиции, 4 делопроизводство, 1898, № 120, т. III).

и аресты 11 марта 1898 г., произведенные среди членов «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», вырвали из пролетарской среды большое число борцов за рабочее дело.

Многочисленные аресты были произведены (13 марта 1900 г.) в Петербурге, а именно, как видно из жандармского обзора, были арестованы «лица, принадлежавшие к составу противоправительственных организаций — «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» и др.¹.

Одновременно массовые обыски по делу «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» были произведены в нескольких городах (Вильно, Ковно, Гродно и др.). В марте 1901 года аресты были произведены среди членов различных рабочих организаций.

Жандармерия самого Петербурга, очевидно в предвидении выступления петербургского пролетариата в день рабочего праздника Первое мая, усилила свою розыскную деятельность. Охранное отделение донесло 15 февраля 1901 г. начальнику Петербургского губернского жандармского управления, что разбитые последовательными ликвидациями 27, 28 и 29 апреля минувшего года остатки известного «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» начинают вновь организовываться в иной форме².

Предположение охраны об «иной форме» организации «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» не отвечало действительности. В своем донесении охранное отделение даст сводку обнаружений его агентами прокламаций и листовок с точными указаниями времени, когда они были найдены, и места, где они были обнаружены, но это была та же форма агитации, которая имела место и ранее. «На революционный опыт петербургского «Союза борьбы» опирался Ленин в своей дальнейшей работе по созданию марксистской социал-демократической партии в России»³.

Представляет интерес привести из отчета охранного отделения сведения об обнаруженных прокламациях хотя бы за короткое время и лишь по одному району Петербурга из тех нескольких районов, по которым сделаны сводки в докладе жандармскому управлению. Это покажет нам, до какой степени была интенсивна агитационная деятельность в виде распространения

¹ «Обзор важнейших дознаний, производившихся в жандармских управлениях за 1900 год», СПб, 1902, т. XXIV, стр. 111.

² ЦГИА в Москве. Департамент полиции, 4 делопроизводство, 1901, № 82, т. 1, «О союзе борьбы за освобождение рабочего класса» (л. 159 и оборот).

³ История ВКП(б), Краткий курс, стр. 20.

воззваний среди рабочих. При этом следует иметь в виду, что, конечно, не всегда полиции и ее явным и тайным агентам удавалось обнаруживать распространение нелегальной литературы.

Мы выписали сведения по Шлиссельбургскому району о прокламациях под названием «К рабочим фабрики Торнтон», найденных 16 октября — на Охте, 19 октября — на фабрике Чешера и К^о, 13 ноября — на фабрике Торнтон, 22 ноября — на фабрике Северной ткацкой мануфактуры Гука. В первых числах декабря полиция обнаруживает распространение «Рабочего листка», а также «Рабочей мысли» и др. на фабриках Воронина и Чешера, на заводе Ретшке, на заводе Франко-русского товарищества. С 1901 года агитационная литература была обнаружена 5 января 1901 г. на Керсенской фабрике, 10—16 января — на заводе Леснера, 18 января — на заводе «Феникс», 20 января — на Путиловском заводе. Следует предположить, что обнаружение прокламаций на заводах вело за собою обыски и аресты, но сведений об этом нет. Однако имеется указание, что в ночь на 30 января 1901 г. были произведены многочисленные обыски и аресты, и в соответствующем списке было перечислено 92 человека, обысканных и арестованных по делам «Комитета рабочей организации», «Рабочего Знамени».

К концу XIX века и к первым годам XX века относится заключение в петербургские места лишения свободы многих борцов за дело рабочего класса. Большая часть их была помещена в Дом предварительного заключения. Среди них были и такие революционные деятели, которые являлись членами партии большевиков.

Некоторые, пробыв в различных провинциальных тюрьмах и петербургском Доме предварительного заключения, стали впоследствии узниками Трубецкого бастиона Петропавловской крепости. В числе последних оказались Н. Э. Бауман¹, а также В. П. Ногин (с 3 октября 1901 г. по 29 августа 1902 г.), П. Н. Лепешинский (с 20 ноября 1902 г. по 20 февраля 1903 г.), С. Андропов (с 22 июля 1903 г. по 3 мая 1904 г.).

Из перечисленных нами революционных деятелей рабочего класса ранее других стал узником Трубецкого бастиона в XX веке В. П. Ногин. Он был заключен в крепость через четыре месяца после Обуховской обороны и провел в одиночной камере Трубецкого бастиона десять месяцев. Но еще за два года до этого он пробыл год в Доме предварительного заключения, куда был посажен 16 декабря 1898 г. Во время своего пребывания в Доме

---

¹ О пребывании Н. Э. Баумана в Трубецком бастионе подробнее см. М. Н. Гернет, История царской тюрьмы, т. 3, 1952, стр. 165—170.

предварительного заключения он написал агитационную брошюру «Фабрика Паля». Высланный в Полтаву, он эмигрировал в Англию. В том же году он примкнул к группе «искровцев» и вернулся в Россию «с революционными целями», как сообщалось об этом в жандармском «Обзоре важнейших дознаний». Ногину удалось провезти в Москву в чемодане с двойным дном первые номера «Искры» и «Зари» и другую нелегальную литературу. В Петербурге он провел объединение «искровцев» и «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». Прослеженный агентами политического сыска, Ногин был арестован и заключен в Петропавловскую крепость. Сведений о пребывании Ногина в Трубецком бастионе не имеется, но об условиях его заточения там можно судить по воспоминаниям его товарища по партии П. Н. Лепешинского (на них мы остановимся позднее).

С 1903 года началась полоса побегов Ногина из Сибири, куда он ссылался шесть раз. После Великой Октябрьской социалистической революции он отдался творческой работе. Но пребывание в тюрьмах и в ссылке сократило его жизнь. Он умер на сорок шестом году жизни. Менее чем через три месяца после освобождения Ногина из Трубецкого бастиона туда был заключен его товарищ по партии — П. Н. Лепешинский. Последний провел в крепости ровно три месяца, так что срок его заключения был чуть не в четыре раза менее продолжительным, чем время пребывания Ногина в казематах бастиона. Лепешинский оставил воспоминания о своем пребывании в петербургском Доме предварительного заключения и в Петропавловской крепости. Три месяца пребывания в казематах бастиона тяжело отразились на его здоровье.

Лепешинский описал здание тюрьмы, тюремную камеру и двор для прогулок. В третьем томе «Истории царской тюрьмы» было приведено несколько описаний тюремной камеры Трубецкого бастиона, сделанные заключенными в различные годы их пребывания в крепости. Описание Лепешинского было первым по времени в XX веке. Три десятка лет, протекавшие со времени постройки этой государственной тюрьмы, не внесли сколько-нибудь существенных изменений во внешний вид тюрьмы и ее внутреннее устройство. Тридцать лет — небольшой период в жизни каменного здания, истекшее время, казалось бы еще не могло оказать своего разрушающего влияния. При этом высокие крепостные стены защищали со всех сторон тюрьму от действия ветров. Но стены же не допускали к тюрьме и солнечных лучей. Поэтому разрушение шло изнутри: сырость пропитывала тюремные стены. Насколько было много сырости, настолько же оказывалось мало тепла и света. Это отмечал Лепешинский так же, как

на это жаловались все его предшественники, узники одиночных камер Трубецкого бастиона в XIX веке. Но пусть сам Лепешинский даст свое описание. Он не знал, что повторяет описание своих предшественников за первые тридцать лет существования Трубецкого бастиона.

«Представьте себе, — говорит Лепешинский, — двухэтажное здание, расположенное замкнутым пятиугольным кольцом. Внутри здания — небольшой дворик, имеющий в диаметре саженей 12—15. По периферии дворика — дорожка для прогулок. Внутри его расположено небольшое деревянное строение — баня. Несколько торчащих деревьев придают дворнику вид садика. К внутренней стене здания идут по двум этажам коридоры. К внешней стене примыкают камеры, 10 или 11 шагов в длину и 6 шагов в ширину».

Обращаясь к описанию камер, Лепешинский, как и все его предшественники, отмечал отсутствие в камере сколько-нибудь достаточного дневного света, доступ которого в камеры через окна заслонялся высокими крепостными стенами, расположенными на очень близком расстоянии от тюремных стен.

«Благодаря этому обстоятельству нижние, вечно полутемные камеры напоминали сырые подвальные помещения или погреба. Редкий из узников выживал в них несколько месяцев, не получивши чахотку и не расстроивши окончательно своего здоровья». Но и в камерах верхнего этажа дневного света так мало, что в зимние месяцы Лепешинскому удавалось «только в течение не более часа около полудня разбирать печатные строки книги».

При таком антисанитарном состоянии камер заключенный особенно дорожил прогулками, несмотря на всю их 15-минутную краткость. Характерно, что у него не хватало решимости назвать место прогулки определенно «садиком». Он называл его то садиком, то двориком, на котором торчало несколько деревьев. Интересно отметить, что за тридцать лет существования в крепости места для прогулок на нем не разрослось сада, а торчали лишь несколько деревьев. Крепостные стены не давали и им солнца и воздуха, и они чахли, как чахли узники тюрьмы.

Всего за три месяца своего заключения познал Лепешинский тяжелый режим Трубецкого бастиона. Впрочем, он должен был ощущаться и за более короткое время, а тягости такого ощущения должны были расти с каждым новым днем и с каждой новой ночью заточения.

Он познал тяжесть своей полнейшей изолированности, отсутствия всякого общения. На попытку перестукивания последовало полное молчание со стороны соседних камер, а со стороны

тюремщиков — угроза наказанием. Сами тюремщики были немые, как рыбы, и на обращенный к ним вопрос следовал холодный ответ: «разговаривать не полагается».

Бичом заточения в Петропавловской крепости для всех заключенных была невозможность каких-либо занятий в одиночных камерах. От такой бездеятельности страдали люди и физического и умственного труда. Тюрьма Трубецкого бастиона просуществовала почти полвека. За эти почти 50 лет ни на один час никому из заключенных не была дана возможность занять свои руки каким-либо трудом.

Тяжесть такого лишения была особенно велика для того, кто переходил в Трубецкой бастион от станка фабрики или завода, а таких было немало среди узников крепости конца XIX века, т. е. с начала роста рабочего движения.

Не менее тяжело было лишение возможности занятия привычным умственным трудом и вообще ограничение возможности удовлетворять свои умственные запросы. Если за период 1870—1917 гг. история Трубецкого бастиона знает примеры разрешения узникам занятия научной или литературной работой, то это были редчайшие случаи. Несколько иначе обстояло дело с чтением. Мы уже отмечали в первой главе, что тюремная администрация не затратила ни копейки на крепостную библиотеку, созданную самими заключенными из их собственных книг. Лепешинский, этот узник начала XX века, рассказывает об его попытках пользоваться этой библиотекой. Оказывается, что такое право предоставлялось не всякому. Еще труднее было получить для занятий бумагу, перо и чернила.

Лепешинский, отмечая «могильную тишину» и «однообразие тюремной жизни» в бастионе, вложил в уста своих читателей вопрос: «Как так, — а книги? а бумага, перо и чернила, — разве это не спасительные средства пережить тяжесть тюремного одиночного заключения, разве это не истинные друзья всякого узника? Вот в том-то и штука, что этих благ я был долгое время лишен. Когда я потребовал себе книг из библиотеки, мне сказали, что я могу получить только евангелие. Я запротестовал и гордо отказался».

С иронией, прикрывающей несомненную тяжесть прошлых переживаний, вспоминал Лепешинский отказ в выдаче ему для занятий бумаги, чернила и пера. Вместо этого ему обещали выдать позднее грифельную доску, если он будет себя хорошо вести. «Я опять зашумел, — пишет далее Лепешинский, — и стал заявлять, что на такой режим моего согласия нет и что я буду тревожить жалобами высшее начальство. В ответ на это мне было заявлено, что я не получу и грифельной доски».

У этого же автора мы нашли указание на то, какой высокой степени может достичь страдание от лишения возможности вести умственную работу. В попытках занять свой мозг Лепешинский остановился на решениях математических задач. Он начал решать какую-то задачу по дифференциальному исчислению. Но не хватало сил проделать в уме сложное преобразование от начала до конца. Задача «гвоздем засела в мозгу, и не удавалось, несмотря на все старания, выкинуть ее из головы». Узник начал опасаться «какой-нибудь катастрофы: или кровоизлияния в мозг, или сумасшествия».

Так прошло несколько мучительных дней. Автор вспоминал, что он готов был бы отдать за обладание на один вечер грифельной доской весь остаток своей жизни. Он сам спас себя, заполучив обманом и хитростью от жандарма перышко и использовав клочки клзетной бумаги. Он сделал чернильницу из огарка стеариновой свечи и отлил в нее чернил из чернильницы, принесенной к нему для написания письма жене. Разрешив ночью свою математическую проблему, автор почувствовал некоторое ослабление своего напряженно-нервного состояния.

Мне хочется остановиться еще на нескольких строках из мемуаров Лепешинского, а именно на его воспоминаниях о переписке из крепости с женою. Эти строки имеют не какой-нибудь частный, а общий интерес, так как относятся ко многим заключенным Трубецкого бастиона. Все письма от узников на волю проходили через строгую полицейскую цензуру. Чрезвычайно подозрительная, она видела нарушение пределов дозволенного в переписке и там, где никаких посягательств на обход цензурных правил совсем не было. Заподозренные письма не отправлялись по назначению. Увеличивалось беспокойство заключенных за родных и близких, вместе с тем росло раздражение против тюремной администрации. Лепешинский вспоминал, что в этих условиях он «в бешеной злобе бегал по камере, как раненый зверь». В своем новом очередном письме под видом обращения к жене он в действительности адресовался к самой администрации, издеваясь над нею и раздражая ее. Конечно, это приносило лишь самоудовлетворение и еще крепче запирало выход письма на свободу.

Я несколько подробнее остановился на воспоминаниях Лепешинского не только потому, что они знакомят нас с тюремными переживаниями этого борца за рабочее дело, но и потому, что они в той или иной степени отражают переживания многих заключенных Петропавловской крепости. Подчеркнем еще раз, что они охватывают короткий период в три месяца, а между тем огромное большинство заключений в крепости занимало более

продолжительное время, а именно в 338 случаях — от трех месяцев до трех лет и более.

Заключению Лепешинского в Трубечком бастионе предшествовало короткое пребывание его в петербургском Доме предварительного заключения, где он находился и ранее, а именно одновременно с В. И. Лениным в декабре 1895 года. Его арест 4 ноября 1902 г. был произведен в Пскове по делу организации «Искры». В 1902 году департамент полиции завел специальное дело «О комитете Петербургской группы революционной организации «Искра».

Аресту Лепешинского жандармы придавали большое значение. «Обзор важнейших дознаний» за 1902 год назвал его «видным членом» организации «Искры» и отметил на своих страницах составление им программы съезда «искровцев»¹. Департамент же полиции, выясняя результаты произведенного у Лепешинского обыска, отметил, что обнаруженные у арестованного документы имеют первостепенное значение. Были забраны: реферат о съезде революционных фракций, о программе съезда и обсуждавшихся на нем вопросах революционной политики, написанный рукой его жены, рукописи и стихотворения противоположительного содержания².

На допросах Лепешинский держался тактики, выработанной революционерами-борцами за рабочее дело, — не давать агентам политического сыска материалов для расследования на дознании и следствии. Поэтому он «совершенно не признал себя виновным» в принадлежности к тайному революционному сообществу, именуемому «Искра». Он лишь заявил, что, будучи за границей, видел в витринах книжных магазинов газету «Искра», но не знает, имеет ли она отношение к тому сообществу, в принадлежности к которому он обвиняется. Категорически отказался отвечать на вопросы о его знакомствах.

Для разрешения дела об «искровцах» не в судебном, а в установленном административном порядке департамент полиции сообщил сведения об арестованном из его прошлой деятельности: о привлечении его в 1895 году к дознанию по делу с.-петербургских социал-демократических кружков, о печатании им преступных сочинений, о связях с рабочими, которых он собирал у себя на квартире, о произнесении речи в 1895 году на пароходе «Тулон», поднимающей рабочих против правительства, и о по-

¹ Обзор важнейших дознаний, производившихся в жандармских управлениях за 1902 год, СПб, 1902, стр. 33, 35.

² ЦГИА в Москве. Департамент полиции, 7 делопроизводство, 1902, № 1655, «О комитете Петербургской группы революционной организации «Искра» (начато 16 ноября 1902 г. — кончено 2 ноября 1904 г.).

следовавшей затем высылке его в Восточную Сибирь. Туда же он был отправлен и по новому делу «искровцев» и уже оттуда бежал за границу.

Наступило то время, о котором в Кратком курсе истории ВКП(б) сказано: «Видя, как все более грозным потоком разливается по стране рабочее и крестьянское движение, царизм принимает все меры к тому, чтобы остановить революционное движение. Все чаще и чаще против рабочих стачек и демонстраций применяется военная сила, пуля и нагайка становятся обычным ответом царского правительства на выступления рабочих и крестьян, тюрьмы и ссылки переполняются»¹.

Именно в эти годы началось резкое увеличение числа заключенных и в Петропавловской крепости. Хотя число поступлений в эту важнейшую государственную тюрьму с ее 72 одиночными камерами не могло быть крупным, однако начиная с 1902 года оно быстро растет и увеличивается к 1904 году более чем в четыре раза. К этим годам относится и заключение в Трубецкой бастион Петропавловской крепости арестованных по делу «Искры». Число привлеченных по этому делу в Петербурге достигло 27 человек, из которых Ногин, Андропов и Флегонтов были заключены в крепость.

Современником Ногина и Лепешинского по пребыванию в Трубецком бастионе был «искровец» Флегонтов (с 10 июня 1902 г. по 26 октября 1902 г.). Он был на примете у полиции еще со времени студенчества, когда принимал участие в демонстрации учащейся молодежи по случаю смерти Марии Ветровой. Позднее, в 1899 году, он был арестован за участие в нелегальной студенческой организации и исключен из университета. Ему было зачтено пребывание в Доме предварительного заключения. Он выехал за границу, где жандармерия установила его принадлежность к «Искре». При возвращении в Россию его подвергли на границе обыску и обнаружили в чемодане с двойным дном нелегальную литературу, преимущественно издания «Искры». Будучи арестован, он провел в крепости шесть с половиной месяцев².

В одиночной камере Трубецкого бастиона в борьбе за рабочее дело был также заключен Сергей Андропов. Двери камеры Трубецкого бастиона захлопнулись за ним позднее, чем за названными его товарищами «искровцами» (с 22 июля 1903 г. по 3 мая

¹ История ВКП(б), Краткий курс, стр. 29.

² ЦГИА в Москве. Департамент полиции, бывшее 4 делопроизводство, а позднее 7, 1901, № 891, т. 1. По делу Сергея Андропова, Виктора Ногина и других лиц, участвовавших в заграничной организации «Искра» (л. 156, оборот).

1904 г.). Как и Флегонтов, он был исключен из Петербургского университета. Его фамилия как участника группы «Рабочего Знамени» встречается в отчетах охранного отделения.

В «Обзоре» жандармских дознаний за 1901 год Андропову уделено довольно много внимания и, между прочим, отмечено: «В 1901 году после небольшого перерыва социал-демократы проявили свою деятельность среди рабочего населения. Руководство приняла на себя группа «Рабочее Знамя». Новые представители, преимущественно студенты, устроили ряд тайных кружков. Весной 1900 года существовало уже 18 подобных кружков». К этому времени у Андропова была тесная связь с «Рабочим Знаменем». Дело Андропова и других было разрешено административно, и по повелению царя от 28 июня 1900 г. ему была назначена высылка в Восточную Сибирь на восемь лет. Будучи в ссылке, он не прерывал своей связи с «Рабочим Знаменем» и в марте 1901 года бежал в Лондон, где принял участие в издании газеты «Свободное слово», не разрешенных сочинений Л. Толстого и др. Издавал брошюры и уже «по собственной инициативе напечатал сочинение Карла Маркса «Революция и контрреволюция в Германии»¹.

Из протокола допроса Андропова по делу издания «Искры» после его возвращения в Россию видно, что он признал опубликование им за границей, кроме названной брошюры Маркса, так же и других брошюр. Что же касается его отношения к программам «Рабочего Знамени» и «Искры», то, по его словам, экономизм «Рабочей мысли» его не удовлетворял и он был на стороне «Искры» по вопросу о способах политической борьбы².

§ 12. БОРЬБА ЦАРИЗМА С РАБОЧИМ ДВИЖЕНИЕМ В ПЕТЕРБУРГЕ В 1905—1917 ГОДАХ

Начиная с 1905 года царское правительство усиливает свою борьбу против борцов за победу пролетариата. В самом Петербурге из года в год производились массовые обыски и аресты. Обычным местом заключения избирался Дом предварительного заключения. Так, например, 12 и 13 декабря 1905 г. было аресто-

¹ «Обзор важнейших дознаний, производившихся в жандармских управлениях за 1901 год», СПб, 1901, стр. 26 и 31.

² ЦГИА в Москве. Показания департамента полиции, 1901, № 871, т. 1, Указанное дело Андропова 9 ноября 1901 г. (л. 63, оборот) и 23 января 1902 г. (л. 89, оборот). Андропов показал, что вернулся в Россию по собственному желанию, а не в качестве какого-нибудь делегата и что его симпатии перешли на сторону «Искры».

вано несколько десятков человек, 77 человек привлечены к дознанию. Эти мероприятия мотивировались, по словам официального документа, необходимостью «ослабить деятельность местной организации РСДРП, которая в связи с прочими революционными организациями подготавливает вооруженное восстание»¹.

Петербургский градоначальник с видом победителя заявлял о ликвидации «технической», «организаторской» и «агитаторской» групп и явочных квартир работников партии. Революционное движение 1905—1906 гг. не позволило правительству размахнуться при нанесении удара по арестованным так, как оно хотело бы. Суду были преданы лишь 23 обвиняемых по ч. 1 ст. 126 Уголовного уложения, и притом они были преданы в руки не военной юстиции, а гражданской. Судебная палата с участием сословных представителей 12 декабря 1906 г. вынесла оправдательный приговор 17 подсудимым, а шестерым обвиняемым было назначено заключение в крепость на сроки до полутора лет с учетом предварительного заключения.

Однако не оставались «без работы» в 1906 году также и военные следственные власти. 26 мая были произведены обыски и аресты членов «С.-Петербургской военной организации при объединенном комитете РСДРП». В объяснениях о начале этого дела, между прочим, сообщалось: «Эта организация, желая втянуть армию в водоворот политической борьбы и склонить ее к измене долгу и присяге, внести в ряды войск фермент брожения и микроб политики», занялась устной пропагандой среди солдат, а также распространением революционных изданий².

Если жандармы употребили в своих донесениях совсем необычные для них термины из области химии и биологии, то для борьбы с этими «микробами» и «ферментами» они видели спасение попрежнему в казематах тюрем и виселицах палача.

Через полтора месяца после возбуждения описанного дела и вслед за опубликованием «Манифеста к армии и флоту» от

---

¹ ЦГИА в Москве. Департамент полиции, 7 делопроизводство, 1905, № 7367. Дело по наблюдению за формальным дознанием о боевой дружине РСДРП (л. 42). См. подробности о боевой организации большевиков в книге «Первая боевая организация большевиков 1905—1907 гг.», составила С. М. Познер, изд. «Старый Большевик», М., 1934 (с предисловием М. Горького). Здесь напечатаны статьи, воспоминания и документы, которые очень обстоятельно знакомят с историей «Первой боевой организации большевиков».

² ЦГИА в Москве. Фонд № 545, 1906, дело № 341, т. 4, Дознание, произведенное при С.-Петербургском губернском жандармском управлении, «О военной организации и объединенном комитете РСДРП» (ст. 102 Уголовного уложения) (в деле шесть томов, или 15 переплетенных книг).

имени трудовой группы и социал-демократической фракции I Государственной думы последовали многочисленные аресты. Следственными военными органами было начато дело о членах военной организации при Петербургском комитете РСДРП и о военной организации при Объединенном комитете РСДРП¹. Следственные власти связывали восстание в Свеаборге и в Кронштадте с деятельностью названных военных организаций. В обвинительном заключении отмечались устная пропаганда, распространение противоправительственной литературы, собрания агитаторов с солдатами и подчеркивалось, что воинские части столицы были распределены в целях пропаганды среди них между отдельными агитаторами.

Пропаганда, между прочим, велась среди солдат кавалергардского полка, 18-го саперного батальона, гвардейского экипажа, лейб-гвардии Семеновского полка, лейб-гвардии Павловского полка, лейб-гвардии Финляндского полка и др. Военному суду были преданы тридцать четыре обвиняемых. В сентябре 1907 года Петербургский военно-окружной суд признал виновными семнадцать человек. Они были признаны виновными по ст. 100 и по ч. 1 ст. 102 Уголовного уложения в том, что в «Петербурге в 1906 году они одновременно вступили в тайное сообщество под названием «Военная организация при Петербургском комитете и при Объединенном комитете Российской социал-демократической рабочей партии», поставившее целью своей деятельности насильственное изменение посредством народного восстания и мятежей в частях армии и флота установленного в государстве монархического образа правления на республиканский, причем во исполнение этих задач и целей сообщество это стремилось уничтожить постоянную армию, заменив ее народной милицией; возбудить воинских чинов к нарушению присяги и долга службы; убедить их не только не стрелять по приказанию начальства, в случае вызова для подавления беспорядков политического характера, но и открыто, с оружием в руках, присоединиться к революционному движению и путем вооруженного восстания добиться указанного изменения политического строя в государстве, а равно и распределения на началах общей собственности всех средств производства, — для чего они вели устную пропаганду среди воинских чинов; устраивали недозволенные сходки; распространяли среди воинских чинов революционные издания, брошюры и прокламации, а также партийные органы повременной печати, и в частности, номера издаваемой этим сообществом

¹ ЦГВИА в Москве. Фонд 11, 1907. Дело штаба войск гвардии и Петербургского военного округа, опись 1, № 8627, «Заключения военно-прокурорского надзора и предание военно-окружному суду гражданских лиц».

газеты «Казарма», специально приспособленной для пропаганды среди войск упомянутых социалистических и революционных идей»¹.

Все осужденные были приговорены к каторжным работам, со смягчением этого наказания для некоторых из них ссылкой на поселение. Но и после этого сурового приговора «ферменты брожения» и «микробы политики» продолжали действовать. 5 июня 1907 г. были арестованы 18 человек «дружинников» РСДРП, а впоследствии число забранных в тюрьмы Петербурга достигло 51 человека, из них 25 человек были преданы военному суду за принадлежность к «боевой организации социал-демократической партии С.-Петербурга», и 13 ноября 1908 г. все они, кроме троих оправданных, были приговорены к каторжным работам на сроки от двух лет восьми месяцев до восьми лет или к ссылке на поселение².

Прошло еще девять месяцев после арестов (5 июня 1907 г.) в Петербурге «дружинников» РСДРП, — и «санитары» из охранного отделения и департамента полиции 16—17 марта 1908 г. вновь обнаружили в Петербурге десятки зараженных «микробом политики», изолировав их в места лишения свободы. Им было предъявлено обвинение в принадлежности к петербургской военной организации при ЦК РСДРП. В списке привлеченных к дознанию по этому делу стоит 48 фамилий, в том числе 27 из них были солдаты. В том же году, 15 сентября, началось рассмотрение этого дела в военно-окружном суде. На скамью подсудимых было посажено 37 обвиняемых. Приговором от 24 сентября 32 из них были признаны виновными и приговорены к наказаниям, начиная от дисциплинарного батальона и кончая каторжными работами. Однако по конфирмации эти наказания были всем смягчены³.

Уже перечисленные нами процессы говорили о том, что в ряды борцов за победу пролетариата становились все в большем и большем числе люди, готовые вести эту борьбу с оружием в руках.

В период 1910—1912 гг. четырнадцать одиночных камер Трубецкого бастиона были заняты матросами различных кораблей, арестованными за подготовку к вооруженному восстанию. Эти четырнадцать узников крепости предстали перед военно-морским

¹ ЦГВИА в Москве. Фонд 11, опись 1, дело № 8627 (л. 397, оборот, и л. 399, оборот).

² ЦГИА в Москве. Департамент полиции, 7 делопроизводство, 1907, «О ликвидации 1 июня членов боевой организации при С.-Петербургском комитете РСДРП».

³ ЦГИА в Москве. Департамент полиции, 7 делопроизводство, 1908, № 1713, «О членах местной Петербургской военной организации при ЦК РСДРП, арестованных 16—17 марта 1908 г. в Петербурге».

судом в общем числе 59 подсудимых в июне 1912 года. Они были приговорены к каторжным работам и к заключению в различные тюрьмы.

В следующем, 1913, году перед военно-морским судом предстало 52 матроса, в том числе 22 узника Трубецкого бастиона Петропавловской крепости. Они обвинялись в подготовке вооруженного восстания. Осужденные по этому процессу пошли в центральные каторжные тюрьмы, на каторгу в Сибирь и в тюрьмы Европейской России.

В следующем, 1914, году, 9 апреля, через десять месяцев после приговора военно-морского суда 15—22 июня 1913 г. по делу 52 матросов, охранное отделение Петербурга совершило новый налет на Петербургский комитет РСДРП. Результатом этого налета было привлечение к ответственности 22 человек и заключение части арестованных в Дом предварительного заключения. Среди арестованных был двадцатипятилетний рабочий, токарь по металлу, член Петербургского комитета РСДРП Н. М. Шверник. Уже тогда в биографию двадцатипятилетнего рабочего-большевика жандармы вписывали предшествующие аресты и обыски у него. Так, были отмечены его арест 8 апреля 1911 г., обыск 21 августа 1913 г., новый обыск 7 ноября 1913 г., новый арест 9 апреля 1914 г. «как члена большевистской организации».

Одними из последних узников Петропавловской крепости из числа участников революционного движения при царизме были пять матросов, заключенных в крепость 26—27 февраля 1916 г., осужденных в ноябре 1916 года и освобожденных народом в февральскую революцию 1917 года. Все девятнадцать матросов по этому процессу обвинялись как социал-демократы большевики (см. § 27). Пятеро из них провели в Петропавловской крепости в ожидании суда восемь месяцев. Приговоренные к каторжным работам на сроки от четырех до восьми лет, они оставались каторжными арестантами всего четыре месяца. Свержение царизма позволило снять им арестантские халаты и раскрыло перед ними возможность продолжать свою борьбу до конечной победы рабочего класса.

§ 13. СКЛАДЫ НЕЛЕГАЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ПОДПОЛЬНЫЕ ТИПОГРАФИИ

Участники революционного движения среди рабочих попадали в места лишения свободы, в том числе также и в Трубецкий бастион, по обвинению их в принадлежности к революционным организациям, в хранении и распространении противоправитель-

ственной литературы, за пропаганду и организацию подпольных типографий.

Прежде чем революционные организации в России получили возможность оборудовать свои собственные типографии, они занимались доставкой на родину произведений печатного станка из-за границы. Массовая доставка такой литературы восходит к половине XIX века, ко времени Герцена и Огарева, к этим же годам относится и начало борьбы царизма против этой литературы и заключение в Петропавловскую крепость обвиняемых и осужденных за доставку из-за рубежа в Россию «Колокола», «Полярной звезды» и пр. Эти первые издания были предназначены для узкого круга читателей и по своему тиражу были сравнительно ограничены. Рост революционного движения в широких народных массах, и в особенности среди рабочих, сопровождался и ростом пропагандистской, так называемой «нелегальной» литературы. Привоз ее в 90-е годы из-за границы в чемоданах с двойным дном, в переплетах книг, припрятанной в платье, багаже и посылках совсем не удовлетворял потребностей в ней и спроса на нее. Тогда дело доставки такой литературы в Россию потребовало значительного расширения. Этим занялись выделенные партией работники, с большим риском переносившие и перевозившие революционные издания контрабандным путем через границы Российской империи. Известно, что В. И. Ленин, организатор издания за рубежом нелегальной большевистской печати, сам принимал участие в руководстве доставкой такой печати в Россию¹.

Начиная с половины 90-х годов в различных промышленных центрах организуются подпольные издательства, действовавшие при помощи гектографов, мимеографов, типографского станка. Быстрое распространение этого издательского дела вызвало нужду в хранении такой литературы. Сосредоточив наше внимание в этом томе «Истории царской тюрьмы» на Петропавловской крепости, куда в целом ряде случаев попадали арестованные в Петербурге, мы встретили в бывших секретных архивах указания на отдельные случаи создания там тайных складов и хранилищ агитационной литературы.

Некоторые из складов нелегальной литературы хранили в своих стенах десятки пудов изданий, распространявшихся по всей империи.

---

¹ См., например, письмо В. И. Ленина к Н. Э. Бауману от 26 июня 1901 г., в котором Ленин сообщает о пересылке в Россию контрабандой литературы, четыре с половиной пуда которой уже находится в надежном месте, (Ленин, Соч., т. 34, стр. 52).

В 1907 году охранное отделение раскрыло такой склад в С.-Петербурге. Он принадлежал комитету социал-демократической партии и находился на хранении одного члена партии в подвальном помещении дома. Здесь он был скрыт в особом замурованном чулане. Полиция захватила здесь 25 пудов журнала «Вперед» и прибавление к нему «К 1 мая». Было выяснено, что с февраля по 5 мая 1907 г. на этот склад поступило 800 пудов нелегальной литературы, — вся она, за исключением 60 пудов, была разослана. На склад заграничные издания поступали большей частью через Финляндию, а также из тайных типографий Петербурга. Доставка и вывоз литературы проходили незамеченными благодаря тому, что на том же дворе помещался склад рогож и отсюда постоянно вывозились различные тюки. По показанию задержанного платного отправителя литературы, он сдавал с вокзала тюки весом обычно до двух пудов, направляя их в города: Москву, Харьков, Киев, Ригу, Саратов, Красноярск, Самару, Одессу, Минск, Белосток, Ростов-на-Дону, Уфу, Екатеринослав, Нижний-Новгород, Керчь, Баку, Казань.

В том же, 1907 году, охранное отделение получило богатый «улов» — около 125 пудов литературы при обыске (3—4 февраля) в столовой Петербургского университета. Были забраны различные нелегальные газеты, брошюры, воззвания, разные материалы в связи с выборами в Государственную думу, воззвание от блока левых партий, ящик с нелегальными открытками, печати РСДРП.

Охранное отделение обнаруживало в большом количестве нелегальную литературу и у отдельных лиц. Так, например, при обыске в одной квартире были обнаружены в количестве 200 экземпляров журнал «Пролетарий» № 11 и в количестве 800 экземпляров журнал «Вперед» № 7.

В апреле того же года на улице Петербурга полиция захватила подводу, перевозившую четырнадцать пудов социал-демократической литературы (журнал «Пролетарий» № 13).

В докладе начальника охранного отделения сообщалось о распространении агитационной литературы среди матросов и указывалось, что в состав революционных организаций вошли матросы с военных судов «Аврора» — 85 человек, «Рында» — 35 человек, «Минин» — 25 человек и т. д.¹

Характер нелегальной литературы, которую находили агенты охранного отделения при обысках в 900-х годах, резко изменился

¹ ЦГИА в Москве, 1907. Петербургское охранное отделение, «Доклады начальника Петербургского охранного отделения петербургскому градоначальнику о деятельности Петербургской социал-демократической и социал-революционной организации, об обысках и арестах членов названных организаций и о студенческом движении» (лл. 5, 25, оборот, лл. 49, 289).

сравнительно с содержанием книг и брошюр, забранных при обысках в 90-х годах. В 900-е годы жандармы находили при обысках большей частью номера нелегальных газет и журналов, листки воззваний и брошюры агитационного содержания, изданные массовым тиражом. В 90-е же годы полиция нередко обнаруживала при обысках различные переводные нелегальные брошюры. Тогда же начали появляться агитационные листовки «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», прокламации и листовки различных революционных организаций.

Говоря о нелегальной литературе, нельзя умолчать и о подпольных типографиях. Конечно, организация таких типографий требовала очень больших усилий. Громадные трудности представляло подыскание соответствующего помещения. Оно должно было удовлетворять требованиям величайшей конспирации. Это было почти невозможно, как свидетельствует вся история тайных типографий в России.

Тема о подпольных типографиях могла бы составить предмет специального и интересного исследования, но она выходит за пределы настоящей работы. Однако подпольные типографии сделали так много для победы рабочего движения, а работники этих типографий так часто становились узниками царских тюрем, каторги и ссылки, что мне хотелось бы уделить им хотя бы несколько строк.

В архивных делах департамента полиции имеется очень большой материал по раскрытию подпольных типографий. Жандармерия считала их деятельность для государственного и общественного строя царской России очень опасной. Маленькие листовочки нередко оказывались наделенными силой разрывных снарядов. Недаром высшее руководство политическим сыском направляло свои усилия на обнаружение нелегального печатного станка и награждало чинами, орденами и деньгами своих агентов за раскрытие всякой подпольной типографии. Это приводило к особому виду провокаций, а именно организации тайных типографий работниками охранного отделения¹.

Организация подпольной типографии представляла большие трудности не только при отыскании надлежащего для нее

---

¹ Роль провокации в организации подпольных типографий раскрыта во многих случаях. Близкая ко двору жена известного реакционного деятеля А. В. Богданович записала в своем дневнике 24 октября 1904 г.: «Бывший агент полиции Феофанов рассказывал сегодня, что охрана у нас поставлена из рук вон плохо. Начальники охранного учреждения сами, чтобы выслужиться перед начальством, устраивают тайные типографии, чтобы их затем якобы открыть и получить награду. Так поступили полковник Кременецкий, его помощники Модль и Коттен» (А. В. Богданович, Дневник «Три последних самодержца», 1924, стр. 300).

помещения. Здесь все было трудно. Наборный шрифт не находился в свободном обращении. Его можно было доставать лишь нелегальным путем. Чем больше была задумана типография, тем сложнее было ее оборудование. Типографским рабочим подполья приходилось становиться своего рода новаторами производства. Они измышляли замену одних подсобных при печатном деле приспособлений другими — менее сложными, наиболее упрощенными. Соображения экономии при частой недостаточности денежных средств приводили к необходимости наивозможного удешевления стоимости продукции. Здесь сказывалась правильность поговорки — «голь на выдумки хитра». В результате из самодельного печатного станка выходили и шли по фабрикам, заводам, в армию, флот и по деревням произведения революционной русской прессы.

Из многих дел департамента полиции видно, как в большинстве случаев было примитивно устройство тех подпольных типографий, которые, например, печатали социал-демократическую литературу. Как примитивны и мизерны были средства печатания и как могущественно было влияние выпущенного ими печатного слова!

Так, например, была обнаружена типография Петербургского комитета РСДРП в 1913 году. По этому делу в Трубецкой бастион был заключен крестьянин В. М. Щербаков. При его задержании полиция обнаружила при нем три тысячи экземпляров прокламаций (столько же было найдено и в Колпинской типографии). Оборудование же типографии было небольшое: не более пуда шрифта, принадлежности типографского станка, банка черной краски, мраморная доска для растирания краски, два резиновых вала, один малого, а другой большого размера, щетка для краски и нарезанная чистая бумага. Вот и все, что оказалось в типографии.

Добавим, что начальник Петербургского охранного отделения придавал большое значение аресту Щербакова. «Привлеченный к дознанию при вверенном мне управлении в качестве обвиняемого в принадлежности к РСДРП крестьянин Василий Матвеевич Щербаков, — доносил он 25 сентября 1913 г. директору департамента полиции, — является одним из серьезных работников в местной Петербургской организации РСДРП и представляет собой человека с вполне сложившимся революционным «миросозерцанием». Не только директор департамента полиции, но и прокурор считали необходимым перевести Щербакова из Дома предварительного заключения в Трубецкой бастион.

28 сентября 1913 г. Щербаков был помещен в каземат Петропавловской крепости. По заведенному правилу, комендант кре-

пости в очередном всеподданнейшем докладе со списком заключенных поместил в него имя крестьянина Василия Щербакова. Совершенно необычно и по неизвестной причине царь заинтересовался узнать причину заключения Щербакова в крепость. Министр внутренних дел в ответ на этот вопрос доложил царю, что типография социал-демократов была переведена из Петербурга в Колпино, где Щербаков и был задержан с прокламациями. На дознании он отказался отвечать на вопросы, а так как он влиятельный член партии, то в целях помешать его сношениям с другими арестованными переведен из Дома предварительного заключения в крепость¹. Царь этим ответом удовлетворился. Он увидел, что все идет как подобает в его державе.

Щербаков оставался в крепости до 12 декабря 1913 г., когда снова был возвращен в Дом предварительного заключения.

В следующем, 1914, году департамент полиции завел новое дело «О подпольной типографии Петроградской организации РСДРП»². Она была обнаружена в одной из трех комнат, занятых жильцами. Под кроватью обнаружены сундук с прокламациями, призывавшими бороться против войны, стекло, типографская краска, зубная щетка со следами типографской краски, вал из желатинной массы с двумя деревянными поперечными ручками, деревянный вал, обернутый войлоком, разные рукописи, открытки с карикатурами на Николая II и других царственных особ. Дело о задержанных по этой типографии было передано в военно-окружной суд и закончилось для обвиняемых каторжными работами.

В следующем, 1915, году департамент полиции возбудил дело под названием «О подпольной типографии большевиков Петроградской организации РСДРП». Число арестованных достигло 25 человек. В соответствии со значительным числом арестованных находились и размеры раскрытой в Петрограде типографии.

В архивном деле мы нашли подробный перечень оборудования этой подпольной типографии. Она стояла в техническом отношении, повидимому, выше многих других типографий. Опись забранных предметов содержит в себе более тридцати названий, не считая бумаги, о которой в протоколе обыска сказано, что ее найдено «большое количество», и, кроме того, отдельно упомянуты стопа обыкновенного формата писчей бумаги и еще 1240 листов такой же бумаги, разрезанной на полулисты.

¹ ЦГИА в Москве. Департамент полиции, 7 делопроизводство, 1913, № 1366, «О членах местной организации РСДРП» (лл. 37—39, 86, 118, 119, 145).

² ЦГИА в Москве. Департамент полиции, 7 делопроизводство, 1914, № 2105, «О подпольной типографии Петроградской организации РСДРП».

Мы не будем воспроизводить всего длинного перечня конфискованных предметов. Среди них были железный станок с деревянной ручкой и с валиком из вальцово́й массы, железный дутый вал, обитый в несколько рядов бума́зей, стальной цельный вал с железными коваными ручками, пять пачек набора шрифта и еще четыре железные коробки со шрифтами и пр.¹

Все эти приспособления для печатания мало напоминают оборудование современных типографий. Но не забудем, что распространяющаяся в наши дни не только по СССР, но и по всему миру газета «Правда», орган Центрального Комитета и Московского Комитета КПСС, выходящая с усовершенствованных скоропечатных ротационных машин, имела своих предшественниц, вышедших с примитивного печатного станка подпольных типографий.

Содержание нелегальной литературы за последние пятнадцать лет царизма менялось и касалось различных вопросов политики и тактики революционного движения. Основной мотив содержания подпольной социал-демократической литературы был определен для 1905 года И. В. Сталиным в его брошюре, изданной Кавказским союзным комитетом РСДРП. И. В. Сталин писал: «Надо было во всеуслышание высказать ту мысль, что стихийное рабочее движение без социализма — это блуждание в потемках, которое если и приведет когда-нибудь к цели, то, кто знает, когда и ценою каких мучений, что социалистическое сознание, стало быть, имеет очень большое значение для рабочего движения.

Надо было также сказать, что носительница этого сознания, социал-демократия, обязана внедрять социалистическое сознание в рабочее движение, быть всегда во главе движения, а не смотреть на стихийное рабочее движение со стороны, не плестись в хвосте»².

В. И. Ленин в статье, напечатанной в 1908 году, отмечая распространение в России за период 1905—1907 гг. «массы серьезной, теоретической с.-д. литературы, — главным образом переводной», — предсказывал, что эта литература даст свои плоды: «Социал-демократическая книжка не пропала. Она посеяна. Она растет. И она даст плоды — может быть, не завтра, не послезавтра, а несколько позже...»³

Так было вскрыто Лениным значение социал-демократической литературы для марксистского образования. Через несколько

¹ ЦГИА в Москве. Департамент полиции, 7 делопроизводство, 1915, № 3977, «О подпольной типографии большевиков Петроградской организации РСДРП».

² Сталин, Соч., т. 1, стр. 93.

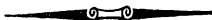
³ Ленин, Соч., т. 15, стр. 263.

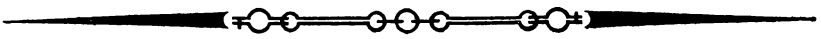
лет, когда в 1912—1914 гг. начался подъем революционного движения, Ленин поставил перед большевистской печатью задачу развернуть боевую полемику. Он писал: «Социалистический орган *должен* вести полемику: наше время — время отчаянного разброда и без полемики не обойтись. Вопрос, вести ее живо, нападая, выдвигая вопросы самостоятельно...»¹

В этот период революционного подъема определились и новые задачи большевистской печати и прежде всего подготовки к новому этапу революции. Эти новые задачи печати с успехом разрешались организованной в 1912 году легальной большевистской газетой «Правда». Эта газета явилась удачным сочетанием легальной агитации с нелегальной революционной деятельностью большевиков.

---

¹ Ленин, Соч., т. 35, стр. 18.

Глава пятая

МАКСИМ ГОРЬКИЙ В ТРУБЕЦКОМ БАСТИОНЕ

§ 14. РЕВОЛЮЦИЯ, А НЕ МИРНОЕ ОБНОВЛЕНИЕ РОССИИ

В Петропавловской крепости перебивало много славных сынов русского народа, представителей передовой мысли, публицистов и литераторов. Их шествие под своды крепости открыл еще при Екатерине II А. Н. Радищев. На рубеже первой и второй четверти XIX века отсюда пошли на виселицу и на каторгу Рылеев, Кюхельбекер, Одоевский и другие декабристы-писатели. Менее чем через четверть века отсюда же пошли на каторгу по процессу петрашевцев писатели и публицисты и в их числе Достоевский. В шестидесятые годы здесь же были заточены писатели — революционные демократы: Чернышевский, Писарев, Шелгунов, М. Михайлов.

Прошло сорок лет с того года, когда Чернышевский и Михайлов прежде чем пойти из крепости на каторгу были выставлены царизмом у позорного столба. За эти годы Петропавловская крепость поглотила много крупнейших представителей революционного движения, но ей не удалось заключить в свои стены представителей отечественной литературы, хотя царизм не переставал расправляться с ними, ссылая их в Сибирь и в отдаленные области европейской России. Самодержавие сделало попытку в январе 1905 года расправиться с писателем Горьким, заточив его в Трубецкой бастион.

Его заключение связывалось с крупнейшим событием русской истории начала XX века — с «кровавым воскресеньем» 9 января 1905 г.

«Кровавое воскресенье» было попыткой царизма одним решительным ударом расправиться с возмущавшим революционным движением рабочих, которое ширилось под влиянием целого ряда причин и прежде всего под влиянием осознания рабочими их

тяжелого экономического положения и политического беспорядка. Немалую роль играло поражение царских войск на фронтах русско-японской войны. Чтобы подавить нарастающее революционное движение, царская охранка провокационно задумала и организовала шествие рабочих к царю с петицией. Большевикам не удалось предотвратить это шествие рабочих к царю, которое, как предупреждали большевики, должно было закончиться кровопролитием, но им удалось включить в требования рабочих и ряд таких пунктов, которые носили не только экономический, но и политический характер.

Направляя свой основной удар по рабочему классу, самодержавие вместе с тем нанесло удар передовой русской общественности и в том числе крупнейшему ее представителю, великому писателю Максиму Горькому. Однако расправиться с Горьким царизму помешала поднимающаяся волна революции.

День 9 января великие вожди большевистской партии Ленин и Сталин назвали началом русской революции.

Ленин писал о 9 января: «Величайшие исторические события происходят в России. Пролетариат восстал против царизма. Пролетариат был доведен до восстания правительством»¹.

Такою же оценку этого выступления петербургских рабочих дал И. В. Сталин в день первой годовщины событий 9 января. Он так охарактеризовал еще совсем недавние тогда события:

«Это был день, когда петербургский пролетариат встретился лицом к лицу с царским правительством и, помимо своей воли, схватился с ним. Да, помимо своей воли, ибо он мирно шел к царю за «хлебом и справедливостью», а его встретили враждебно и осыпали градом пуль. Свои надежды он возлагал на портреты царя и церковные хоругви, но и то и другое изодрали в клочья и бросили ему в лицо и тем самым воочию доказали ему, что оружие можно противопоставить только оружию. И он взялся за оружие — если только где-либо имелось у него это оружие, — взялся для того, чтобы встретить врага по-вражески и отомстить ему. Но, оставив на поле боя тысячи жертв и понеся большой урон, отступил, затаив в груди злобу... Вот о чем напоминает нам 9 января прошлого года»².

И. В. Сталин в этой же статье наметил путь дальнейшей борьбы пролетариата за дело своего освобождения. Вдохновенно и пророчески звучали слова И. В. Сталина: «Нет, товарищи! Российский пролетариат не разгромлен, он только отступил и теперь готовится к новым славным боям. Российский пролетариат

¹ Ленин, Соч., т. 8, стр. 77.

² Сталин, Соч., т. 1, стр. 196.

не опустит обагрённого кровью знамени, он никому не уступит руководства восстанием, он будет единственным достойным вождем русской революции»¹.

Позднее мы подробно остановимся на событиях 9 января и на том проекте воззвания Горького, которое он написал под живым впечатлением виденной им кровавой бойни на улицах и площадях Петербурга.

Горький в этом проекте воззвания не колебался в выборе пути для обновления России. Воззвание всем своим содержанием говорило о бесполезности искать избавления народа от уз господствовавшего государственного строя в реформах, в мирном оздоровлении общественных условий. Оно заканчивалось прямым призывом к революции — приглашением «всех граждан России к немедленной, упорной и дружной борьбе с самодержавием».

Горький не уповал на милость царя, а призывал: «Пусть сильнее грянет буря!». Лозунг, поставленный в заголовке этого параграфа, — «Революция, а не мирное обновление России» — Горький проводил во всей своей жизни. 9 января 1905 г. было лишь этапом на этом пути.

Напомним, что уже в 1889 году нижегородская жандармерия начала вести хронику продвижения Горького на революционном пути².

Огромное влияние на политическое мировоззрение Горького оказал В. И. Ленин, по приглашению которого он принял ближайшее участие в газете «Новая жизнь» (выходила с 9 ноября по 16 декабря 1905 г.).

Печатавшиеся в этой газете статьи Ленина «постепенно раскрыли перед Горьким глубокий исторический смысл первой русской революции, ее социалистические перспективы, без понимания которых Горький не мог стать основоположником социалистической литературы в России и во всем мире»³.

В том же 1905 году (27 ноября) состоялась первая встреча Горького с В. И. Лениным на заседании Центрального Коми-

¹ Сталин, Соч., т. 1, стр. 205.

² См. Централархив, Революционный путь Горького, М. — Л., 1933, стр. 17—24, а также В. Десницкий, М. Горький нижегородских лет в книге «М. Горький, Очерки жизни и творчества», Л., 1940.

³ В. И. Борщук, Роль В. И. Ленина в формировании мировоззрения М. Горького, «Вопросы философии» 1951 г. № 6, стр. 67. Автор цитированной статьи подчеркивает, что если в своем воззвании «Ко всем русским гражданам» Горький призывал к борьбе против самодержавия, то после этого сделал дальнейший шаг в борьбе за социализм (см. например, воззвание к французским рабочим в 1906 году и письмо того же года к английским рабочим).

тета партии в Петербурге. Приехавший из Москвы Горький рассказывал на заседании ЦК о настроении московских рабочих¹.

В дни декабрьского московского восстания Горький был вместе с восставшими рабочими, поведение которых в бою он высоко расценивал, клеймя расправу генерала Дубасова. После подавления восстания Горький покинул Москву лишь по указанию ЦК РСДРП(б) в декабре 1905 г.

Допрос Горького был произведен после заключения его в Трубецкой бастион через четверо суток, а именно 17 января. Допрос производился Конисским — подполковником отдельного корпуса жандармов в присутствии товарища прокурора С.-Петербургского окружного суда Горбовского-Заранского. Из протокола не видно, в какой форме задавались вопросы «обвиняемому», но показания Горького сделаны в виде сжатого рассказа и дышат непоколебимой твердостью.

Он не признавал себя виновным в принадлежности к сообществу, имеющему целью своей деятельности ниспровержение существующего в России государственного и общественного строя. Он также заявил, что ему ничего не известно «о существовании комитета из представителей всех революционных фракций» для руководства «подпольной организацией с целью ниспровержения существующего государственного строя».

Но без всяких колебаний он признал составление им в целях распространения рукописи, «закрывающей в себе призыв к борьбе с самодержавием». Он вместе с тем объяснил, что составил эту рукопись под впечатлением ужаснувших его событий 9 января, имея намерение послать ее в редакции петербургских газет в надежде, что она будет напечатана, «несмотря на ее резкое содержание».

Горький объяснил также, «под влиянием каких впечатлений» создавал он эту рукопись. Приехав в Петербург 4 или 5 января, он узнал, что рабочие готовятся под влиянием и руководством священника Гапона идти 9 января на Дворцовую площадь, «чтобы вручить императору петицию, излагающую их экономические требования».

Он слышал также от разных лиц, которых не желает называть, о «верноподданническом настроении» массы рабочих и что требования их не имеют революционного характера. Несмотря на это Горький предвидел возможность тяжелых последствий этого шествия рабочих к дворцу и в разговоре с рабочими указывал на это.

---

¹ См. названную статью В. И. Борщукова, стр. 73, а также С. Д. Балухатый, Горьковский семинарий, 1946, стр. 49.

Итак, Горький подтвердил свой призыв к борьбе с самодержавием. Он не скрывал, что, приехав в Петербург в первых числах января, он тогда же узнал о готовящемся шествии рабочих к царю, что тогда же к нему приходили рабочие и что в разговорах с ними он предвидел возможность кровавого исхода их обращения к царю.

Горький был очевидцем происшедшей бойни и описал ее в строках, больно сжимающих сердце читателей.

§ 15. ВОЗЗВАНИЕ МАКСИМА ГОРЬКОГО В СВЯЗИ С СОБЫТИЯМИ 9 ЯНВАРЯ

О 9 января 1905 г. имеется много литературы. Наибольшая ее часть появилась уже после Великой Октябрьской социалистической революции. В первое время после «кровавого воскресенья» в печати было разрешено перепечатывать о нем лишь правительственные сообщения и сообщения, допущенные цензурой¹.

9 января, когда народная кровь еще дымилась перед Зимним дворцом, когда еще продолжали звучать залпы и кавалерия пускала в дело свои шашки, Горький взялся за перо. Он апеллировал не к правительству. Под непосредственным впечатлением всего виденного он обращался с воззванием «ко всем русским гражданам и общественному мнению европейских государств». Он доводил до их сведения о преступлениях царизма и обвинял министров и царя в убийстве: «мы обвиняем министра внутренних дел Святополк-Мирского в предумышленном, не вызванном положением дела, в бессмысленном убийстве множества русских граждан. А так как Николай II был осведомлен о характере рабочего движения и о миролюбивых намерениях его бывших подданных, безвинно убитых солдатами, и, зная это, допустил избиение их — мы и его обвиняем в убийстве мирных людей, ничем не вызвавших такой меры против них»².

Это был голос не либеральной буржуазной печати. Это был голос революционера, и Горький переходил от слов к делу, когда призывал к общей борьбе за свержение самодержавия.

Фактической стороны расстрела рабочих коснулся в своем воззвании и Горький. Такое описание могло быть сделано им не по каким-либо письменным или печатным источникам, которые еще отсутствовали, а лишь по личным впечатлениям и со слов очевидцев. В этих строках воззвания, написанных через два-три часа после кровавых событий, Горький разоблачил царскую рас-

¹ «Право» 1905 г. № 2, Хроника, стр. 103.

² Централхив, Революционный путь Горького, 1933, стр. 97.

праву описанием отдельных ее эпизодов. В этом своем письменном показании перед русской и мировой общественностью он записал: «9 января в разных местах города Петербурга началось движение рабочих, мирно шедших к Зимнему дворцу, и нижеподписавшиеся частью сами видели, частью знают от других очевидцев такие факты: когда рабочие Путиловского завода с церковными хоругвями и портретами государя и государыни в руках, во главе со священником, отцом Георгием Гапоном, и с крестом в руке, подошли к Нарвской заставе, по ним без всякого предупреждения со стороны офицеров, командовавших войсками, и полиции был дан троекратный залп боевыми патронами. Несколько десятков людей упало ранеными и убитыми, остальная толпа частью бросилась бежать, частью же легла на землю, дабы спасти себя от пуль, но когда они поднялись, по ним снова был дан троекратный залп, и это повторилось дважды.

Когда рабочие Петербургской стороны подошли к Троицкому мосту, по ним опять-таки без приглашения разойтись был дан залп, которым человек шестьдесят ранено и убито.

Один из нас лично видел четырнадцать человек раненых, из них пять женщин, и троих убитых, он же видел, как во время конной атаки на Невском, около Полицейского моста, солдат с коня выстрелил в упавшего на землю человека.

Расстреливали, а также били шашками рабочих и публику у Адмиралтейства, на Мойке».

Так Горький отметил в своем воззвании три-четыре эпизода «кровавого воскресенья» из сотни таких эпизодов. Даже краткое описание этих эпизодов свидетельствует о том, что сам Горький был очевидцем расправы войск и полиции над рабочими. Позднее он сам писал об этом: «9 января 1905 года я с утра был на улицах, видел, как рубили и расстреливали людей, видел жалкую фигуру раздавленного «вождя» и «героя дня» Гапона, видел «больших» людей наших в мучительном сознании ими своего бессилия. Все было жутко, все подавляло в этот проклятый, но поучительный день»¹.

Только Горький — очевидец мог так ярко описать события 9 января. В очерке «9 января» встает перед нами во весь его могучий рост пролетарский писатель — революционер. Вспоминая «кровавое воскресенье», нельзя не вспомнить и этот очерк Алексея Максимовича. Он выделяется среди всех описаний выступлений петербургского пролетариата 9 января потому, что его автор на фоне внешних событий «кровавого воскресенья» нарисовал

¹ М. Горький, Из воспоминаний об Н. Ф. Анненском, Соч., т. 22, 1931, стр. 174.

картину революционизирования народных масс, потерю ими прежней веры в царя. Говоря словами Ленина, первый день русской революции «... показал агонию исконной крестьянской веры в царя-батюшку и рождение революционного народа в лице городского пролетариата»¹. Ленин подвел итог расстрела рабочих: «Царь-батюшка» своей кровавой расправой с безоружными рабочими сам толкнул на баррикады и дал им первые уроки борьбы на баррикадах. Уроки «батюшки-царя» не пропадут даром»². Горький в своем очерке выявил эту агонию веры в царизм с мастерством великого художника, со всей чуткостью и наблюдательностью писателя-революционера.

Горький, вернувшись в день «кровавого воскресенья» домой, сейчас же сел за стол и стал писать свое обращение к обществу с обвинением царя в убийстве рабочих и с призывом к борьбе против самодержавия. Оно было написано, как видно из жандармского протокола, лиловыми чернилами на двух листах бумаги, графленными синими линейками. Так как в протоколе жандармского описания рукописи не отмечено никаких помарок, то можно предполагать, что все воззвание Горького сразу вышло из-под его пера на бумагу. Я уже приводил из этого воззвания как раз те места, в которых министерство внутренних дел и прокуратура усмотрели наличие состава преступления в призыве к ниспровержению государственного строя. Приведенные мною части воззвания послужили для администрации основанием привлечь Алексея Максимовича Пешкова к ответственности по ст. 132 Уголовного уложения, которая гласит: Виновный: 1) в составлении сочинения или изображения, статьями 128 и 129 указанных с целью распространения или публичного их выставления, если распространение или публичное выставление оных не последовало. Наказывается заключением в крепость не свыше 3 лет³.

Горький не мог не видеть всей опасности этого призыва к революционной борьбе для себя лично как зачинщика, как подстрекателя. Неизвестно, верил ли он в возможность подписи других под обвинением царя и его министров в убийстве народа. Во всяком случае, этих подписей не оказалось. Воззвание, перехваченное полицией, распространения не получило. 9 января побудило писателя-гражданина еще раз взяться за перо в 1906 году. На этот раз царская цензура ограничилась запрещением распространения очерка в России, вышедшего за границу в издатель-

¹ Ленин, Соч., т. 8, стр. 91.

² Там же, стр. 93.

³ Статья 128 говорит о «дерзостном неуважении» верховной власти. Статья 129 говорит о возбуждении к учинению бунтовщического или изменнического деяния.

стве И. П. Ладыжникова. Самые рьяные и самые верноподданные представители суда и политического сыска не решились привлечь Горького к ответственности за оскорбление «величества» или за призыв к ниспровержению его трона. А между тем весь очерк «9 января», написанный в 1906 году, с первой до последней строки является призывом к борьбе с виновниками кровопролития в памятный день «кровавого воскресенья». Прошло два года со времени начала русской революции. История общественного движения в России уже записала в свою хронику Московское восстание, восстания в других городах, восстания в армии и флоте, эпопею военно-полевых судов, начавшуюся реакцию.

Очерк Горького, написанный в период начинавшегося разгула реакции, должен был поднять революционное настроение широких народных масс. Перед читателем вновь воскресали картины народного движения — шествие рабочих к царю с верой в него, в помощь бога, в торжество справедливости. Вновь вставали перед глазами картины расстрела — убитые, раненые, кровь на снегу. Вновь слышались залпы, которыми расстреливали не только самих рабочих, но и их веру в царя, бога, в возможность искать освобождения от гнета путем петиций, с хоругвями, а не под красным знаменем...

Не будем пересказывать здесь описания Горьким происшедшей кровавой бойни. Пусть наши читатели сами перечтут эти незабываемые строки великого художника. Нельзя перечитывать их без волнения и теперь, сорок восемь лет спустя после 9 января 1905 г. Падали убитые и раненые. Метались в стороны люди, бросались на землю, вставали и снова падали. В это время совершался переворот в сердцах народа: «Толпа, отступая, ахала, проклятия, ругательства и крики боли сливались в пестрый вихрь со свистом, уханьем и стонами, солдаты стояли твердо и были так же неподвижны, как мертвые». Так в муках народа рождалась революция.

Горький отметил в своем очерке превращение просителей, шедших к дворцу с иконами и царскими портретами, в борцов, посылавших дворцу свои проклятия, грозивших царю кулаками. Здесь, на улице, как записал Горький, «выросла фигура человека, и в сумраке звучно загудел призыв: «Кто хочет драться за свободу? За народ, за право человека на жизнь, на труд? Кто хочет умереть в бою за будущее — иди на помощь!»

Те, которые вняли горячему призыву борца-революционера, «шли к нему, и среди улицы образовалось плотное ядро густо сомкнутых тел, другие спешно отходили куда-то прочь».

Да, рождалась всероссийская революция. Она зарождалась под лозунгом борьбы «за свободу, за народ, за право человека

на жизнь, на труд». Скоро, очень скоро, сбылись пророческие слова Ленина: «Остатки детской веры в царя вымрут теперь так же скоро, как скоро перешли петербургские рабочие от петиции к баррикадам»¹. И через двенадцать лет наступил октябрь 1917 года.

§ 16. ОБЫСК У МАКСИМА ГОРЬКОГО И ЕГО АРЕСТ

Вечером 8 января 1905 г. восемь писателей и ученых во главе с Максимом Горьким вошли в помещение к министру внутренних дел Святополк-Мирскому. Они не были приняты министром. Он не принял их и отказался выслушать заявление о готовившемся мирном шествии рабочих к царю для вручения ему своей петиции и о необходимости предотвратить агрессивные действия войск и полиции.

Все члены депутации оставили в приемной министра свои визитные карточки.

Уже через день всесильный вершитель судеб российских подданных поспешил отдать своим визитерам ответный визит. Он отдал его не сам лично, а через своих сотрудников департамента полиции и жандармерии. Они имели при себе приказ арестовать, независимо от результатов обыска, всех визитеров и препроводить их в Петропавловскую крепость.

Как это было в обычае полицейского «этикета», жандармы явились к намеченным жертвам ночью с 10 на 11 января. Они с успехом выполнили свою миссию в отношении семи человек, но восьмого — Максима Горького — они не застали дома. Он в это время был уже в пути из Петербурга в Ригу.

Еще вечером 10 января управляющий делами издательства «Знание» Пятницкий, в квартире которого Горький находился эти дни, проводил Алексея Максимовича на Балтийский вокзал к поезду, отошедшему в Ригу в 7 час. 30 мин. вечера. Вслед за отошедшим из Петербурга поездом, на котором уехал Горький, полетела в Ригу телеграмма начальника Петербургского охранного отделения к начальнику губернского жандармского управления в Риге с предписанием «безотлагательно обыскать писателя Алексея Максимовича Пешкова (псевдоним — Максим Горький), арестовать его и препроводить в охранный отдел Петербурга»².

¹ Ленин, Соч., т. 8, стр. 87.

² «Советская Латвия» 16 июня 1946 г. № 139, К десятилетию со дня смерти А. М. Горького; «А. М. Горький в Риге» (по данным государственного архива).

Конечно, такие приказы не залеживались и выполнялись с молниеносной быстротой. На этот раз жандармерия нагрянула к приехавшему Горькому, даже не дожидаясь наступления ночной темноты: уже в 1 час 15 мин. пополудни 11 января начался в квартире Горького тщательный обыск. О нем сохранилось описание очевидца этого полицейского нашествия.

Автором воспоминаний об обыске был Марджанишвили. Он пришел к Горькому тогда, когда обыск уже начался. В своих воспоминаниях он написал: «Я поздоровался с Горьким, и он мне сказал, указывая на жандармского полковника, возившегося у его письменного стола: «Видите красоты неприкосновенности жилища?» А. М. был спокоен, но сердит, а жандарм как-то подло вежлив, он как раз в это время вытаскивал какое-то письмо из конверта и, искоса взглянув на меня, обратился к Горькому: «Вы позволите?» А. М. буркнул: «Чего спрашиваете? Все равно без разрешения моего прочитаете», — и вышел в столовую, где ему приготовлен был завтрак. Долго, нудно тянулся тщательный, обыск»¹.

Автор мемуаров отмечает на страницах своих воспоминаний, что Горький привез с собою из Петербурга «часть реликвий после расстрела рабочих», но старый слуга М. Ф. Андреевой, у которой находился Горький, будучи в Риге, «успел бросить в топившуюся печь все реликвии и в том числе красное знамя, кажется, Выборгского района». Когда жандармы увезли Горького и задержанный на время обыска Марджанишвили получил свободу, он побежал к студентам грузинского землячества в Риге и с ними безуспешно пытался освободить Горького².

Одновременно с отправкой Горького в Петербург рижское жандармское управление послало докладную записку в Петербургское охранное отделение: «Секретно-арестантское. Начальнику С.-Петербургского охранного отделения. Вследствие телеграммы вашей от 11 января 1905 г. препровождаю при сем арестованного Алексея Максимовича Пешкова (Горького), со всеми вещами, взятыми у него при обыске, а также протоколом обыска,

¹ Н. К. Пиксанов, Горький и национальные литературы, М., 1946, стр. 158.

² Следует предположить, что Марджанишвили с товарищами сделал попытку освобождения Горького из рук жандармов на пути его препровождения на вокзал железной дороги из исправительно-арестантского отделения г. Риги, в которое Горький был помещен после обыска у него.

В рижском архиве имеется расписка начальника исправительно-арестантских отделений о принятии в тюрьму Горького: «Присланный при постановлении ротмистра Балабина от 11 января 1905 г. мецанин Алексей Максимович Пешков в рижском исправительно-арестантском отделении принят в 3 ч. 20 м. 11 января 1905 г.».

постановлением о заключении его под стражу». Из Риги в Петербург Горького везли через Псков. Начальнику Псковского жандармского управления было дано распоряжение: «А. М. Пешкова (Горького) с пакетом № 194 и запечатанным тюком» отправить в распоряжение С.-Петербургского охранного отделения¹.

Об условиях перевозки Алексея Максимовича под охраной жандармов Петербургского охранного отделения у нас никаких сведений нет. Сам Горький не оставил воспоминаний об этом путешествии в качестве арестованного. Это путешествие под охраной жандармов не было первым на революционном пути Горького.

§ 17. ПРОТЕСТЫ ПЕРЕДОВОЙ МИРОВОЙ ОБЩЕСТВЕННОСТИ ПРОТИВ АРЕСТА ГОРЬКОГО И ЕГО ЗАКЛЮЧЕНИЯ В ПЕТРОПАВЛОВСКУЮ КРЕПОСТЬ

Известие об аресте Максима Горького в связи с событиями «кровавого воскресенья» 9 января и о заключении его в Петропавловскую крепость с поразительной быстротой распространилось по всему миру. Повсюду оно было встречено с большой тревогой за участь писателя. Сам факт быстрого распространения за границей данных о насилии над Горьким показывал, как велика была его популярность уже в то время. Можно сказать, что описания расстрела рабочих на улицах Петербурга и заключение в тюрьму Горького вытесняли в то время все другие события и занимали главное внимание передового общественного мнения.

Заточение общепризнанного великого русского писателя именно в Петропавловскую крепость вызывало особую тревогу: с этой крепостью неразрывно связывалось представление как о такой государственной тюрьме, откуда выход открывался лишь на каторгу, на поселение или даже на виселицу.

Симпатии мировой демократии к Максиму Горькому и опасения потерять его почти одновременно вызвали бурю протестов в Германии, Франции, Австрии, Италии, Дании, Венгрии, Румынии, Испании, Португалии, Норвегии, Америке и других странах. Об этих протестах за рубежом проникали сведения в русскую печать, которой было строжайше запрещено сообщать о таких же протестах в родной стране великого писателя. У человека, незна-

¹ См. «Советская Латвия» 16 июня 1946 г. № 139, К Десятилетию со дня смерти А. М. Горького. В архивном деле имеется расписка жандармов Апескюр и Аболина о сдаче ими А. М. Пешкова Псковскому губернскому жандармскому управлению 12 января.

когого с условиями царской цензуры, могло создаться впечатление, что судьба Горького дороже немцу, французу, чем русскому. В действительности, несмотря на все запреты, протесты прокатились волной и по России. На первом месте здесь были протесты фабричных и заводских рабочих. И понятно: жертвы, понесенные петербургским пролетариатом, были жертвами всего рабочего класса. И требование освобождения Горького становилось лишь одним из политических требований рабочих.

Застрельщиками таких протестов явились рабочие заводов в Петербурге: Обуховского, Семянниковского судостроительного и Резиновой мануфактуры.

В нескольких городах протесты против ареста Горького вылились в демонстрации в театрах, где шли его пьесы. На родине писателя «горячую речь о начавшейся в России революции произнес с галерки Нижегородского театра организатор большевистской группы города, один из крупнейших строителей большевистской партии, друг М. Горького — Яков Михайлович Свердлов»¹.

У И. Кубланова дано подробное описание демонстрации за освобождение Горького во время представления в Кишиневском, Двинском, Киевском и Казанском театрах. Требуя освободить Горького из Петропавловской крепости, демонстранты рисковали своей свободой. Выражение сочувствия крамольному писателю было само по себе проявлением крамолы. Негодующие голоса, раздававшиеся в помещении театров, не были голосами, «вопиющими в пустыне»: они подхватывались другими и сливались в громкие общие протесты. В отдельных случаях они происходили безмолвно в виде сбрасывания с галерки прокламаций, и тогда зрители ловили на лету эти печатные или рукописные воззвания, пока их не отбирала полиция.

Протесты против начавшейся царизмом расправы с Горьким испещрили не только зарубежную прогрессивную печать. Сила протестов была не только в их враждебном царскому правительству содержании, но и в многочисленности подписей под этими обращениями к правительству и в том числе людей с мировой известностью.

Французский писатель Анатоль Франс, прежде чем обратиться с призывом к своим соотечественникам, поспешил откликнуться на призыв знаменитого германского ученого — профессора Геккеля. Он писал ему: «От всего сердца присоединяюсь к великодушному Вашему движению в пользу Горького. Люди просвещенные, люди науки России, Германии, Италии, Франции,

---

¹ И. Кубланов, Провал царского суда над Горьким, «Новый мир» 1941 г. № 6, стр. 191.

соединимся! Дело Горького — дело наше общее. Такой талант, как Горький, принадлежит всему миру. Весь мир заинтересован в его освобождении».

Вслед за тем Анатоль Франс напечатал во французской прессе обращение, адресованное французским писателям, ученым, общественным деятелям. Оно близко по содержанию к только что приведенному его письму Геккелю. Но Анатоль Франс желал, чтобы голос его страны звучал громко «в великом протестующем крике». Он как бы организует соревнование интеллигенции всех стран в порыве борьбы за писателя, «принадлежащего всему миру». В своем обращении он писал: «французские интеллигенты должны сделать не меньше, чем немецкие профессора и итальянские депутаты, которые протестуют в пользу мощного, чуткого сердцем писателя. Такой человек, как Горький, принадлежит всему миру»¹.

Из двух приведенных нами обращений Анатоля Франса по делу Максима Горького видно, как глубоко встревожила его судьба писателя, посаженного в каземат страшной Петропавловской крепости. Он допускал, что от царского правительства можно ожидать применения самых крайних мер к Горькому. Такая оценка деятельности русского правительства была сделана им в протесте против смертной казни всего через несколько месяцев после выступления в защиту Максима Горького. Он писал тогда нам, редакторам сборника «Против смертной казни»: «Как! После Манчжурии надо еще советовать вашим палачам-бюрократам щадить кровь России?... Пусть судьи ваши одумаются: они не судят, а убивают. Они обвиняют свои жертвы за покушения на «общественное благо». Но ведь в России еще не установлено общественное благо.

Напрасно они станут утирать окровавленные руки о тексты законов, более смертоносные, чем японские снаряды. Эти законы гнета и насилия заранее оправдывают всякое возмущение. Они дают русскому народу право законной самозащиты против дикого безумия агонизирующего старого порядка»².

Для того чтобы писать с таким пламенным негодованием, надо было всем сердцем ненавидеть «агонизирующий старый порядок», «палачей-бюрократов», законы, не признающие «общественного блага». Заточение Максима Горького в Петропавловскую крепость, против чего протестовал Анатоль Франс, еще более укрепляло его ненависть и презрение к царским судьям и законам бюрократии.

¹ «Новости дня» 23 января 1905 г. № 7774.

² «Против смертной казни», Сборник статей под ред. М. Н. Гернета и др., М., 1906, стр. 307.

Под протестом французов наряду с подписью академика Анатоля Франса стояли подписи многих известных представителей литературы, искусства, науки Франции: писателей Октава Мирбо, Марсея Прево, драматурга, романиста и академика Галлеви, скульптора Родэна и др.

Социалистическая рабочая газета Франции «Humanité» стала главным органом протестов во Франции против ареста Горького.

В Германии особую энергию в борьбе за освобождение Горького развила социал-демократическая газета «Vorwärts». Уже через два дня после того, как жандармы захватили в свои руки Горького, названная газета напечатала: «В субботу утром всему миру стало известно сообщение, способное заморозить кровь в жилах. Петербургский палач хочет завершить свое дело: он хочет раздавить голову русской революции, которая является также головой интеллектуальной России. Во власть запятанных кровью палачей попала группа благородных и высокоодаренных писателей и политических деятелей, среди которых находится Максим Горький, чье имя особенно ярко блещет над всем цивилизованным миром»¹.

Конечно, под этой протестующей статьей социал-демократической газеты Берлина было бы напрасно искать подписи радикальных и либеральных немецких ученых и писателей того времени. Тон этого воззвания был для их уха непомерно резок. Инициативу собирания подписей взяла на себя берлинская газета «Berliner Tageblatt». Под протестами против ареста Горького подписалось в Германии очень большое число литераторов, ученых и политических деятелей².

Наряду с индивидуальными подписями стоят и коллективные — в виде редакций периодических органов, различных обществ литераторов, деятелей науки и художников. Число подписей возрастало «с необычайной быстротой», но произошла кратковременная задержка поступления этих подписей. Она была вызвана напечатанием не соответствующего действительности известия об освобождении Горького. После опровержения этого ошибочного, а может быть, и лживого сообщения снова полился поток подписей.

¹ И. Кубланов, Провал царского суда над Горьким, «Новый мир» 1941 г. № 6, стр. 193. В газете появилась названная статья в номере от 28 (15) января 1905 г.

² См. «Новости дня» 23 января 1905 г. № 16, стр. 1; «Русские ведомости» 22 января 1905 г. № 20, стр. 2; «Новости дня» 23 января 1905 г. № 7774. Среди 269 подписавшихся под протестом были: «от литературных и ученых обществ — 29, от торговли и промышленности — 11, от редакций — 27, директоров театров и артистов — 30, ученых — 18, государственных чинов и политиков — 32, писателей — 94, художников — 28 («Новый мир» 1928 г. № 3); В. Руднев, Горький — революционер (неизданные материалы).

Названная газета «Berliner Tageblatt», прежде чем направить собранные ею подписи в Россию, обратилась к председателю комитета министров Витте с вопросом, кому направить собранный ею материал — петицию об освобождении Горького. Может быть, газета рассчитывала на содействие этого сановника в вопросе об освобождении Горького из крепости. Но председатель комитета министров поспешил умыть руки, предложив по телеграфу направить ходатайство в министерство внутренних дел, добавив: «Мои полномочия не позволяют мне никакого вмешательства: личное же мое влияние немного стоит».

Витте для того чтобы не оказаться в неловком положении перед министрами и другими представителями ретроградной русской бюрократии с ходатайством за Горького, не постеснялся расписаться в своем бессилии. Здесь повторилось то, что было в его министерском кабинете 8 января, когда он принимал у себя Горького и других, отказавшись от всякого содействия попыткам предупредить надвигавшееся избиение рабочих.

Широкой волной разлились протесты против ареста Горького в Австрии, Италии, Англии. В Австрии организатором коллективного протеста выступил союз журналистов: единогласно была принята соответствующая резолюция, под которой появились подписи отдельных представителей литературы и науки, а также подписи от имени различных организаций (русинский парламентский клуб, общество австрийских художников и др.). В Италии инициаторами протестов явились студенты. В Риме и других университетских городах они устроили демонстрацию в защиту русского писателя. В Англии зачинателем протеста явился романист Томас Гарди.

Движение за освобождение Горького приняло небывалый по своей силе и по своему объему характер мирового протеста. Он стал настоящим политическим протестом. Форма его не всегда была одинаковой: в одних случаях это — петиция, в других — негодующий, самый резкий протест, но цель его везде была одна и та же: спасти общепризнанного великого писателя от расправы царизма.

§ 18. ГОРЬКИЙ В ТРУБЕЦКОМ БАСТИОНЕ

В предшествующих томах «Истории царской тюрьмы» мне не раз приходилось пользоваться воспоминаниями бывших заключенных о их пребывании в тюрьмах. К сожалению, я не могу сделать этого в отношении Алексея Максимовича Горького. Он

не оставил ни строчки о своем заточении в Трубецком бастионе Петропавловской крепости. Он не оставил воспоминаний о пребывании и в других местах лишения свободы, в которых побывал в молодых годах, начиная с Нижегородской тюрьмы.

Такое отношение писателя к неоднократным случаям заключения его в тюрьму вызывает на первый взгляд удивление. Казалося бы, что тюрьма давала ему такой материал, который представил бы для читателя огромный интерес. Но у Горького на этот счет была своя точка зрения. Он отрицательно относился к воспоминаниям тех авторов, побывавших в тюрьме, которые спешили поведать читателю о перенесенных ими лишениях в местах заключения. В одном из своих очерков он писал: «Каждый русский, посидев «за политику» месяц в тюрьме или год в ссылке, считает священной обязанностью своей подарить России книгу воспоминаний о том, как он страдал»¹.

Здесь Горький был не совсем прав. Слишком много русских попадало «за политику» в царские тюрьмы. Если бы каждый из них действительно печатал свои мемуары о своем заточении, то получила бы необъятная литература. Между тем она крайне ограничена и приходится жалеть об этом. В тех же случаях, когда немногие авторы тюремных мемуаров и писали о перенесенных ими страданиях, за всеми этими жестокостями тюремного режима всегда вырисовывалась картина бесправия и гнета политического режима всей царской России.

Надо признать, что в тюремных воспоминаниях личные лишения обычно стусеиваются перед постоянным подчеркиванием социальной неправды, борьба с которой заселяла тюрьмы политическими узниками. В этом большое политическое значение книг и статей с воспоминаниями о тюрьме и ссылке.

Следует также добавить, что не всегда краткость срока пребывания политического узника в тюрьме делала такое заточение мало интересным с политической точки зрения. Это мое замечание целиком относится к заключению Максима Горького в тюрьму Трубецкого бастиона Петропавловской крепости. Из проведенного им здесь месячного срока он две недели был совершенно лишен возможности литературного творчества. Ему не давали за это время и бумаги.

«Стаж» пребывания Алексея Максимовича в Трубецком бастионе начался позднее, чем предполагало охранное отделение. Департамент полиции рассчитывал заточить Горького в каземат Петропавловской крепости 11 января, или, правильнее, в ночь с 10 на 11 января, так как жандармерия не любила дневного

¹ М. Горький, Собрание сочинений, т. XXII, М., 1931, стр. 203,

света для таких своих операций, как обыски и перевозка арестованных в тюрьмы. Для коменданта крепости еще 10 января были предусмотрительно заготовлены уведомления о предстоявших направлениях к нему в одиночные камеры восьми человек. В числе них было и уведомление (за № 205) с предложением принять арестованного Алексея Пешкова. На этот раз департамент полиции ошибся. В ночь на 11 января удалось схватить все намеченные жертвы, кроме Горького.

Мы уже знаем, что департаменту полиции удалось арестовать Горького только 11 января в Риге и заполучить его к себе лишь 12 января, когда он и был доставлен коменданту Петропавловской крепости, с бумагой, заготовленной и помеченной 10 января 1905 г. Это препроводительное отношение не переделывали, хотя в нем неправильно было помечено днем ареста не 11, а 10 января. Только на этой бумаге была сделана пометка о получении ее комендантом крепости 12 января.

Так началось заключение Алексея Максимовича Горького в крепости. Одновременно об этом было «всеподданнейше донесено государю императору». Итак, «его величество» узнало эту приятную для него новость в первые же часы после того, как захлопнулись двери тюрьмы за ее новым узником. Тогда же такая бумага была отправлена и в департамент полиции.

Несмотря на то, что тюрьма Трубецкого бастиона была местом предварительного заключения, поступавшие сюда арестованные немедленно переодевались в арестантское платье. Их собственная одежда и обувь уносились на хранение в цейхгауз и выдавались лишь на время прогулок по тюремному двору, при свиданиях с родными, при отъездах на допросы вне крепости.

Известно, что переодевание в арестантское платье доставляло большинству заключенных большие мучения. Отобрание привычного белья и платья с заменой его другим, часто более грубым и не по росту и не по комплекции, несло с собою нередко физические неприятности, но тяжелее были психические переживания, связанные с насильственным вторжением в личную свободу человека, которого наряжали в какую-то форму, постоянно напоминавшему ему, что даже и в этом отношении он уже сам себе не хозяин.

В деле Горького имеются прямые указания на то, что он небезразлично отнесся к переодеванию его в арестантское платье. Его жена Е. П. Пешкова 24 января обратилась в департамент полиции с заявлением, в котором указывала, что мужу «не позволяют носить обычное платье, заставили одеть арестантское белье и арестантский халат». Она указывала: «При состоянии его здо-

ровья ношение арестантского костюма в комнате с холодным полом может вызвать новый приступ болезни». Указывая, что Алексей Максимович находится на положении подследственного, она считала «применение к нему мер, имеющих характер наказания, совершенно незаконным». На основании всего изложенного она объявляла, что «признает себя в праве требовать, чтобы ему разрешили носить собственное белье, обувь и платье».

Несмотря на всю основательность этого требования Пешковой, несмотря на угрозу здоровью Алексея Максимовича, комендант отказал в разрешении Горькому носить собственное белье, платье и обувь, сославшись на запрещение этого правилами крепости.

Комендант крепости сообщил этот ответ не Е. П. Пешковой, а в департамент полиции. Он как будто подчеркивал, что в каменных мешках Петропавловской крепости существующие правила внутреннего распорядка так же тверды, как камень тюремных стен. Ни тяжелая болезнь вновь заключенного, ни мировая его известность не могли сломить жестокий формализм генерала, которому, недаром царем была доверена важнейшая государственная тюрьма. В арестантском халате и в арестантских туфлях на холодном полу должен был провести Горький в крепости самое холодное время года.

Горький был помещен в камеру № 39 во втором этаже тюрьмы. Теперь, когда вся тюрьма Трубецкого бастиона превращена в государственный музей, камера № 39 особо отмечена. Все камеры бастиона совершенно одинаковы и ни один раз описывались теми, кто побывал в них. Но мне хочется воспроизвести здесь описание камеры № 39, сделанное человеком, видевшим эту камеру, когда она стала уже частью или экспонатом государственного музея в Ленинграде. Его описание является результатом впечатлений, так сказать, «свежего человека» нашего, советского времени.

Автор осматривал камеру не один, а в качестве участника многолюдной экскурсии в Петропавловскую крепость. Экскурсия была приурочена к кануну трехлетия со дня смерти Алексея Максимовича. Это обстоятельство, вероятно, имело особое влияние на остроту впечатлений от осмотра одиночной камеры государственной тюрьмы, которая вырвала месяц времени из жизни нашего великого писателя (см. фотографию камеры № 39 в Трубецком бастионе).

«Ничто не изменилось в этой темной и сырой камере за минувшие 34 года; она такая же страшная и сейчас зияет своим вечным безмолвием, своей пронизывающей сыростью, свсим сочащимся откуда-то сверху, из решетчатого окошка, мутным и немощным

лучом солнца. Поразительно толстые стены бастиона вместе с тем поразительно «тонки»: словно рассчитанные на то, чтобы психологически раздавить узника своей непреодолимостью, они вместе с тем свободно пропускают и холод и воду. Если подняться на стуле к верхней амбразуре, можно увидеть сквозь ржавую решетку широкую гладь Невы, Зимний дворец по ту сторону реки, громады дворцов вдоль парадной набережной. Но Горький в своей темнице не мог подниматься к маленькому окошку — единственному источнику света в камере № 39. Его железный табурет тогда был намертво прикован к полу. Прикованы к полу железные нары, на которых лежал Горький, наглухо прикована к стене и холодная железная плоскость, служившая Горькому «столом». Томимый муками пленного бойца, Горький писал здесь, в этой камере, свою пьесу «Дети солнца». За этим столом «Дети солнца» и были им написаны до конца. Узник вставал с нар и, чтобы не дать одеревенеть телу, шагал по диагонали из угла в угол камеры — ходил час, два, три. Камера «исхожена» Горьким в каждой пяди»¹.

Если Горький не оставил воспоминаний о своем пребывании в одиночной камере Трубецкого бастиона, то до нас дошел мало кому известный, сделанный им самим рисунок этой камеры. Он был напечатан в иностранном журнале² вскоре после освобождения Горького из крепости. Из пояснительного текста к рисунку видно, что он был сделан Алексеем Максимовичем в записной книжке корреспондента. Подлинность рисунка не оставляет никаких сомнений тем более, что на рисунке имеются не только отдельные слова, надписанные рукою Горького, но и собственноручная его подпись «М. Горький». Мы воспроизводим здесь увеличенную фотографию этого рисунка.

У нас имеются некоторые основания предполагать, что воспроизведенный нами рисунок был сделан Горьким в половине февраля 1905 года, т. е. в самые первые дни прибытия Алексея Максимовича из Петербурга в Ригу. В своем письме к Пятницкому от 15 февраля 1905 г. он, между прочим, писал, что его уже успел посетить иностранный корреспондент, которого за такое проворство Горький и называет «молодчагой»³.

Обстановка одиночной камеры глубоко врезалась Горькому в память тем более, что она была несложна. Он отметил на плане место нахождения койки, стола, умывальника, ватерклозета, двери

¹ М. Константинович, В Трубецком бастионе, «Курортная газета» 18 июня 1939 г. № 138.

² «Illustrated London News» 18 марта 1905 г. № 381.

³ Пятницкий воспроизвел это письмо в «Ленинградской правде» 3 марта 1927 г. № 51.

и окна. Исходивши эту камеру вдоль и поперек, он твердо запомнил ее размеры и отметил на соответствующих сторонах начерченного им прямоугольника: «12 шагов и 8 шагов». Этот чертеж плана тюремной камеры с ее обстановкой восполняется схематическим чертежом тюремного окна за решеткой и тюремной двери с пояснительными надписями: 1) «отверстие для наблюдения за арестованными», 2) «окошечко, в которое подают пищу». Ниже общего плана всей тюремной камеры, несколько вправо дана зарисовка столика в виде металлической доски, прикрепленной к стене камеры. Весь рисунок скреплен подпчсью «М. Горький»¹.

Отверстие в тюремной двери для наблюдения через него за заключенными получило название «глазка». Такое наименование было в употреблении для дверного отверстия независимо от его формы, которая была то в виде квадрата, то в виде круга или узкой щели. Вероятно, название «глазок» укрепилось за отверстием в двери по наблюдению за заключенными потому, что через него узники видели большей частью лишь глаз тюремного надзирателя.

В воспоминаниях бывших узников часто встречаются указания на их впечатления, связанные с видом устремленного на них глаза тюремного стражника. Эти переживания были у многих, если не у всех, довольно тягостны. Было неприятно сознавать, что каждую секунду глаз тюремного надзирателя может следить за тобой, контролировать всякое твое движение, неотступно следовать за тобой по тюремной камере. При этом создавалась особая острота впечатления от того факта, что виден был только этот глаз-шпион, без головы, без туловища. Горький в своем рассказе «Тюрьма» несколько раз упоминает о впечатлениях заключенного при виде устремленного на него глаза тюремного надзирателя: «В окошке появился мертвый глаз надзирателя... Несколько секунд глаз тускло поблестел, потом медленно всплыл вверх», или: «Миша вздрогнул, обернулся, — из квадрата, прорезанного в двери, на него смотрел холодный, неподвижный глаз...» и т. д.² Может быть, Горький изобразил на своем рисунке тюремную дверь с ее «глазком» под влиянием личных переживаний, которые он испытывал, когда в его одиночную камеру тихо подкрадывался глаз надзирателя.

¹ На рисунке рукой корреспондента пометка: «3 марта» (т. е. 18 февраля старого стиля).

² М. Горький, Рассказ «Тюрьма», изд. 2-е, 1932, т. 6, стр. 10, 12, 13 и др. Этот рассказ был впервые опубликован в 1904 году, т. е. за год до заключения Горького в Петропавловскую крепость, но у Алексея Максимовича было уже личное знакомство с тюрьмами еще в 1897 и 1901 годах.

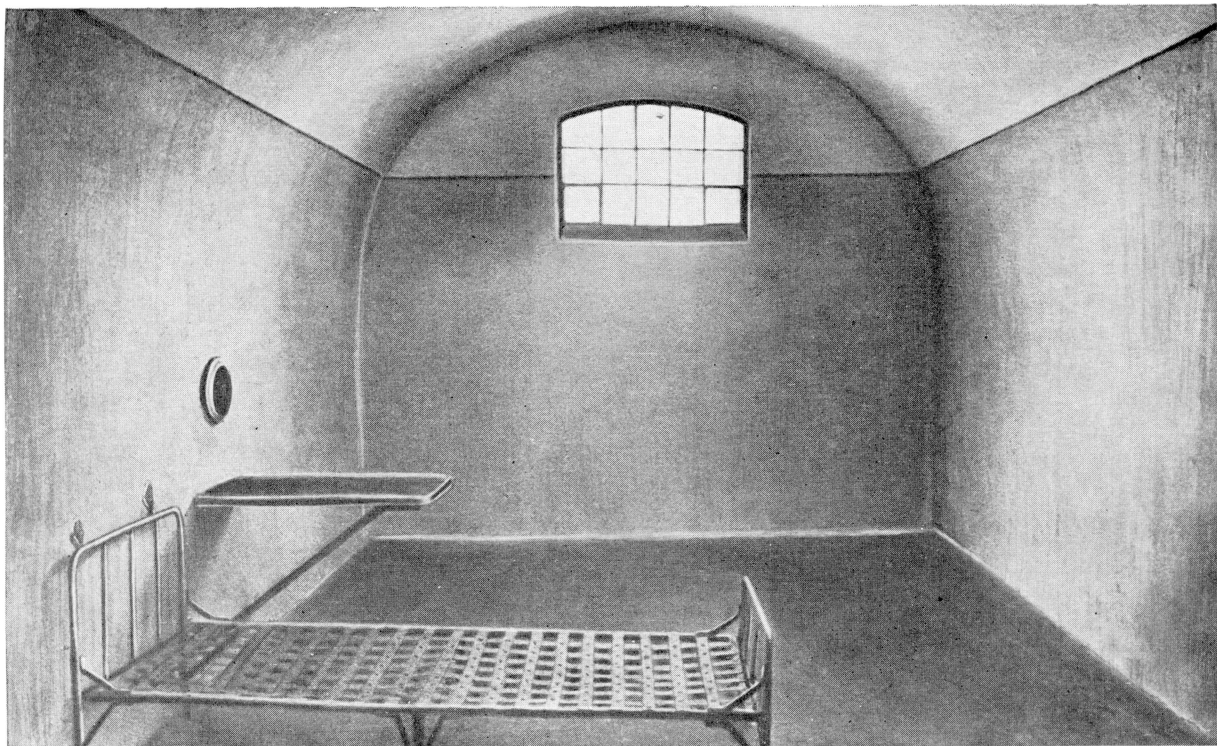
Второй рисунок Горького, воспроизведенный иностранным корреспондентом из его записной книжки, представляет собой план тюремного двора, по которому совершал свои прогулки арестованный писатель¹. На плане и в пояснении к нему корреспондента отмечены две будки для вооруженной стражи, наблюдавшей за арестованным во время его прогулки. На чертеже Горький изобразил пунктиром дорожку, по которой он совершал свои ежедневные пятнадцатиминутные прогулки. Эти указания на совершение прогулок восполняют отсутствие пропавшей в архиве Трубецкого бастиона специальной книги за 1905 год с записями, кто из заключенных, в какое именно время и под чьим присмотром выводился из его одиночной камеры на так называемую «прогулку»².

Мы поставили своей задачей исследовать пребывание Алексея Максимовича в Трубецком бастионе как можно подробнее. К сожалению, материал, собранный нами со всей тщательностью, оказался неисчерпывающим. В нашем распоряжении были архивные дела комендатуры С.-Петербургской крепости за 1905 год, а именно: 1) ежемесячные доклады коменданта крепости царю о прибывших и выбывших заключенных; 2) переписка о заключенных с департаментом полиции; 3) о медицинском освидетельствовании секретно арестованных лиц. Кроме того, было использовано дело департамента полиции об Алексее Пешкове, обвиняемом по ст. 132 Уголовного уложения, а также выписки из дела петербургской судебной палаты, хранящиеся в Московском музее Максима Горького. Мы использовали литературу как в виде монографий, так и статей в газетах и журналах. Нам была очень полезна и наша личная беседа с Екатериной Павловной Пешковой, поделившейся с нами своими воспоминаниями о пребывании Алексея Максимовича в крепости. В результате такой работы представилась возможность составить хронологический дневник пребывания Горького в Трубецком бастионе. В этот дневник были включены сведения о событиях, относившихся к пребыванию Алексея Максимовича в крепости, как, например, отправка им писем и получение таковых, его допросы властями, подача различных заявлений как им самим, так и Е. П. Пешковой и его друзьями, а также распоряжения администрации.

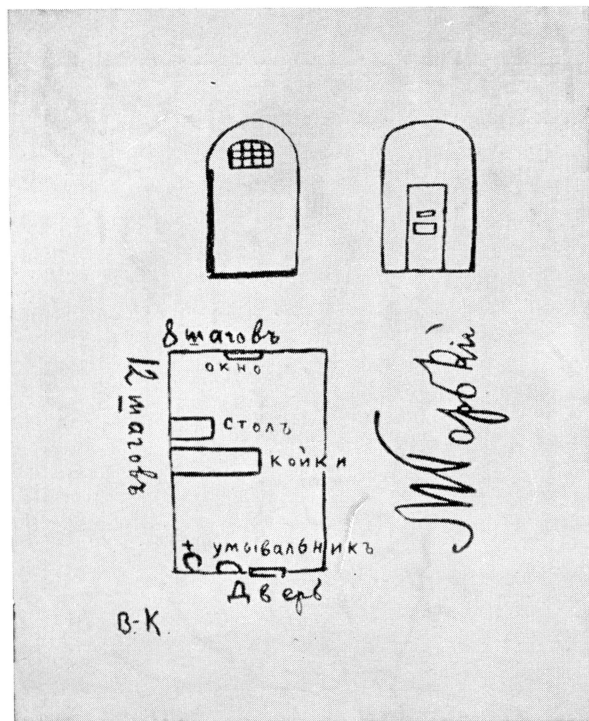
¹ Этот рисунок помечен корреспондентом 1 марта (т. е. 16 февраля старого стиля).

² Екатерина Павловна Пешкова в моей личной беседе с нею подтвердила, что она при посещении Алексея Максимовича в Трубецком бастионе слышала от Горького о его ежедневных прогулках на дворе крепости, продолжавшихся от 15 до 30 минут.

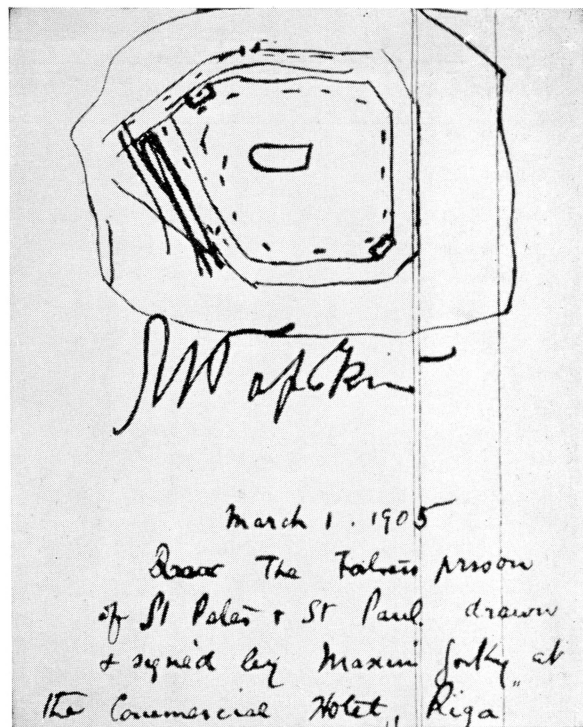
Оди́ночная камера М. Горького в С.-Петербургской (Петропавловской) крепости.
Переснимок с фотографии из музея Петропавловской крепости.

Фотография с рисунка М. Горького плана его одиночной камеры Петропавловской крепости, тюремной двери, окна и столика камеры.

Переснимок из английского журнала Illustrated London News 18 марта 1905 г. № 381.

Фотография с рисунка М. Горького схематического плана тюремного двора Петропавловской крепости, на котором он обозначил пунктиром дорожку своих прогулок.

Переснимок из английского журнала Illustrated London News 18 марта 1905 г. № 381.

ДНЕВНИК

ПРЕБЫВАНИЯ ГОРЬКОГО В ТРУБЕЦКОМ БАСТИОНЕ В 1905 ГОДУ

10 января 1905 г. сообщение за № 205 департамента полиции коменданту С.-Петербургской крепости о принятии для содержания в крепости арестованного писателя Алексея Максимовича Пешкова. На бумаге: «получена 12 января».

11 января телеграмма Петербургского охранного отделения за подписью подполковника Кременецкого начальнику губернского жандармского управления в Риге о безотлагательном обыске у Горького, его аресте и препровождении в Петербургское охранное отделение.

11 января начальник Лифляндского губернского жандармского управления Волков приказывает своему помощнику Балабину произвести обыск у А. М. Пешкова, арестовать его, препроводить в тюрьму.

11 января от 1 часа 15 мин. дня обыск у Горького в Риге и его арест.

11 января постановление жандармского ротмистра Балабина в Риге — содержать Алексея Пешкова под стражей впредь до выяснения обстоятельств.

11 января в 3 часа 20 мин. начальник Рижского исправительно-арестантского отделения принял арестованного А. М. Пешкова

11 января Рижское жандармское управление препроводило арестованного Горького в Псковское жандармское управление для направления его в С.-Петербургское охранное отделение.

11 января арестованный Горький отправлен в Петербург через начальника Псковского жандармского управления с пакетом № 194 и запечатанным тюком.

11 января донесение начальника Рижского губернского охранного отделения начальнику Петербургского охранного отделения о препровождении в Петербург Горького «со всеми вещами, взятыми у него при обыске, а также протоколом обыска, постановлением о заключении его под стражу».

12 января расписка жандармов Апесюрь и Аболина о сдаче ими А. М. Пешкова Псковскому губернскому жандармскому управлению.

12 января прибытие Горького в Петербург и заключение его в крепость.

12 января рапорт коменданта крепости царю о заключении Горького в крепость и сообщение коменданта крепости о том же в департамент полиции.

14 января комендант посылает в департамент полиции письмо и телеграмму Горького.

15 января сообщение департамента полиции коменданту крепости о неимении препятствий к отправке телеграммы Горького.

15 января постановление подполковника отдельного корпуса жандармов Конисского о предъявлении Алексею Пешкову обвинения по ст. ст. 126 и 132.

17 января (предположительно этого числа) передача жандармом Конисским Горькому письма управляющего делами издательства «Знание» Пятницкого.

17 января первый допрос А. М. Пешкова на жандармском дознании.

18 января письмо А. М. Горького к Пятницкому.

18 января комендант крепости пересылает в департамент полиции письма заключенных, в том числе письмо Пешкова.

19 января прошение Пятницкого разрешить ему деловые свидания с Горьким.

20 января уведомление департамента полиции разрешить Е. П. Пешковой свидание с мужем.

20 января второй допрос А. М. Пешкова на жандармском дознании.

21 января комендант крепости пересылает в департамент полиции письма заключенных, в том числе письмо Пешкова.

24 января департамент полиции препровождает коменданту крепости для выдачи Пешкову адресованное ему письмо.

24 января просьба Е. П. Пешковой в департамент полиции разрешить ее мужу носить свое платье и дать ему бумагу для работы.

25 января комендант крепости разрешил выдать А. М. Пешкову письменные принадлежности.

25 января департамент полиции известил Пятницкого о разрешении ему постоянных свиданий с Горьким.

25 января Е. П. Пешкова просит департамент полиции разрешить ей с малолетним сыном свидания с мужем два раза в неделю не через решетку.

25 января комендант крепости пересылает в департамент полиции письма заключенных, в том числе письмо Пешкова.

25 января комендант крепости препровождает в департамент полиции 35 копеек и телеграмму от Пешкова.

26 января департамент полиции посылает коменданту крепости прошение Е. П. Пешковой разрешить мужу носить свое платье и белье и дать ему бумагу и чернила для работы.

27 января комендант крепости сообщает департаменту полиции, что уже 25 января разрешил пользование письменными принадлежностями, а ношение своего белья и платья запрещено правилами Петропавловской крепости.

27 января третий допрос А. М. Пешкова на жандармском дознании.

28 января комендант крепости пересылает в департамент полиции письма заключенных, в том числе письмо Пешкова.

29 января департамент полиции через коменданта крепости извещает А. М. Пешкова о доставлении его телеграммы доктору Канегиссеру.

29 января заявление А. М. Пешкова коменданту крепости разрешить ему заниматься до двух часов ночи (в подлиннике число не указано).

31 января Пешкову в камеру были переданы книги.

1 февраля комендант крепости разрешил А. М. Пешкову работать до двух часов ночи.

1 февраля четвертый допрос Горького на жандармском дознании.

2 февраля возбуждение обществом пособия нуждающимся литераторам ходатайства у министра юстиции об освобождении А. Пешкова.

3 февраля департамент полиции пересылает коменданту крепости письмо для выдачи Пешкову.

3 февраля прошение Пятницкого в департамент полиции о разрешении свидания с Пешковым раз в неделю.

3 февраля департамент полиции отклонил просьбу Сергея Кочинского о свидании с А. М. Пешковым.

4 февраля пятый допрос Горького на жандармском дознании.

5 февраля департамент полиции извещает коменданта о неимении препятствий к личным свиданиям Е. П. Пешковой с мужем.

5 февраля Е. П. Пешкова подает ходатайство в департамент полиции об освобождении своего мужа.

8 февраля комендант крепости пересылает в департамент полиции письма заключенных, в том числе Пешкова.

8 февраля переданы Пешкову в камеру книги.

8 февраля шестой допрос Горького на жандармском дознании.

9 февраля предписание коменданта крепости старшему врачу крепости произвести 9 февраля в 12 час. 30 мин. освидетельствование здоровья А. М. Пешкова.

9 февраля старший врач освидетельствует здоровье А. М. Пешкова.

9 февраля комендант крепости препровождает в департамент полиции рапорт врача об освидетельствовании здоровья А. М. Пешкова.

9 февраля начальник Петербургского губернского жандармского управления сообщает в департамент полиции о замене меры

пресечения — заключения в крепости — денежным поручительством в 10 тысяч рублей.

11 февраля департамент полиции сообщает коменданту крепости о предстоящем переводе А. М. Пешкова в Дом предварительного заключения.

11 февраля департамент полиции предлагает коменданту крепости выдать А. М. Пешкова поручику Протопопову.

12 февраля Горький переведен из крепости в Дом предварительного заключения.

14 февраля Горький освобожден из охранного отделения под поручительство в 10 тысяч рублей.

14 февраля по требованию охранного отделения А. М. Горький был вновь арестован и возвращен в жандармское управление.

14 февраля А. М. Горький был вторично освобожден и вечером выехал в Ригу.

15 февраля письмо Горького Пятницкому из Риги.

15 февраля сообщение Лифляндского губернского жандармского управления о приезде Горького в Ригу.

Одним из тяжелых переживаний заключенного в тюрьму и особенно в одиночную камеру является перерыв его связей с внешним миром, с родными и близкими. Этот перерыв вызывает обычно тревогу за судьбу оставленных домашних и друзей, особенно если пришлось оставить их больными или если не удалось повидаться с ними перед арестом. Как раз оба эти условия были налицо при аресте Алексея Максимовича. Они отразились на его письме из Трубецкого бастиона, отправленном Марии Федоровне Андреевой, находившейся в то время на излечении в одном петербургском институте. Письмо было адресовано доктору института Н. С. Канегиссеру для передачи его Марии Федоровне.

Алексей Максимович начинает письмо с выражения неуверенности, находится ли Мария Федоровна в петербургской лечебнице или еще в Риге и в каком состоянии ее здоровье. Он отмечает, что уже дней десять не имеет никаких точных сведений о ней. Прикрывая свое беспокойство юмором, он продолжает в своем письме: «Это вызывает сильную зубную боль в сердце, к тому же и собственные мои зубы ноют так, точно еврейский оркестр из «Вишневого сада» играет и как будто ему заплатили за неделю вперед». Ниже Алексей Максимович спешит успокоить Марию Федоровну: «А в общем я существую недурно — читаю много и, может быть, буду писать, если разрешат. Выписал себе учебники». К сожалению, дальнейшие строки письма, относившиеся, повидимому, к пребыванию Горького в крепости, нам

не известны. Но на последней, четвертой, странице Горький пишет успокоить М. Ф. Андрееву: «Честное слово, — я чувствую себя довольно сносно и нет причин, чтобы это самочувствие изменилось к худшему».

Предполагаемая нами дата отправления этого письма Горьким из крепости — 21 января 1905 г. К этому дню истекло десять дней со времени ареста Горького в Риге, и 21 января комендант крепости переслал в департамент полиции какое-то письмо Горького для отсылки его по назначению. Упомянутое в письме намерение заняться литературным творчеством после получения на это разрешения могло осуществиться лишь с 25 января, когда это разрешение, наконец, было дано.

По архивной книге Трубецкого бастиона нам удалось выяснить, что за месяц пребывания в крепости Горькому были переданы всего три письма, и от него переправлены лишь шесть писем и одна телеграмма. Конечно, это ничтожные цифры для человека, которому на свободе писали не только со всех концов родной страны, но и из-за границы, знакомые и незнакомые люди.

Первое письмо, полученное Горьким в крепости, было в виде записки Пятницкого, переданной Алексею Максимовичу через жандармского подполковника Конисского, вероятно, 17 января. Пятницкий опубликовал в 1927 году ответ Горького на эту его записку. В своем ответе Алексей Максимович после нескольких строк, посвященных близким и родным, писал: «Я здоров и мне недурно. Очень прошу Вас прислать мне: Иностранцева — зоологию т. 1-й, Лункевича — биологию, Гааке — происхождение животного мира, Ферворна — общую физиологию, Келлера — жизнь моря и Туссена — самоучитель французского языка. Направить это нужно через жандармское управление.

Обеспеченный такими славными книгами и добрыми вестями о здоровье Н., я заживу великолепно, чего от всей души желаю и Вам, мой дорогой и уважаемый друг. Крепко жму руку.

А. Пешков»¹.

Кроме этого письма Пятницкому, телеграммы доктору Канегиссеру и письма М. Ф. Андреевой, Алексей Максимович отправил еще четыре корреспонденции, но адресаты в соответствующей книге управления комендатуры крепости не указаны. Письма были отправлены 14, 18, 21, 25, 28 января и 8 февраля. Также не известно, от кого им были получены в тюрьме письма 17, 24 января и 3 февраля. Таким образом, наши сведения о

¹ К. Пятницкий, Дело о Горьком и 9 января, «Ленинградская правда» 3 марта 1927 г. № 51.

переписке Горького в крепости ограничиваются этой небольшой справкой.

Что же касается содержания этой переписки, то оно осталось совсем неизвестным, за исключением уже приведенных нами строк из двух писем Алексея Максимовича к Пятницкому и Андреевой. Из этих строк можно вывести два заключения. Во-первых, видно беспокойство автора писем о судьбе родных и близких ему людей и, во-вторых, его стремление успокоить их за себя лично; не соответствовало, конечно, действительности уверение Горького о том, «что ему живется недурно и что он здоров». Ниже мы увидим, что здоровья ему доставало и не могло доставать в сырой, почти темной камере с асфальтовым полом. Такая обстановка должна была быстро разрушать здоровье человека, больного туберкулезом.

Вместе с тем из письма видно, что душевная бодрость Горького не была сломлена тюремной обстановкой. Будучи уже не новичком по пребыванию в местах заключения для «политических», А. М. Горький с первых же дней принимает меры к тому, чтобы обеспечить себя книгами для чтения и научных занятий. В первом письме к Пятницкому он перечисляет, как мы видели, научные труды по различным отраслям биологии. Он также просит учебник по французскому языку. Известно, что занятия по освоению того или другого иностранного языка были чрезвычайно распространены в местах лишения свободы и особенно в одиночных тюрьмах.

§ 19. ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЗАНЯТИЯ ГОРЬКОГО В КРЕПОСТИ

Прошло две недели после заключения Горького в крепость, прежде чем на крохотном металлическом столике одиночной камеры № 39 появились бумага, перо и чернильница. Екатерина Павловна Пешкова 24 января заявила департаменту полиции требование о предоставлении ее мужу письменных принадлежностей. Это было ее первое требование после свидания с ним в крепости. Очевидно, сам Алексей Максимович информировал ее о том, что его лишили возможности заниматься литературной работой. На следующий же день после обращения жены Горького комендант крепости разрешил Алексею Максимовичу письменные занятия в его камере.

Мы не имеем сведений о том, в чем выразились занятия арестованного писателя. Сам же он лишь 29 января заявил о желательной тематике его труда в тюрьме. Он вынужден был сделать

такое заявление, так как иначе по существовавшим правилам крепости не мог бы рассчитывать на возвращение ему его рукописи.

В бумаге, адресованной коменданту С.-Петербургской крепости, А. М. Пешков мотивирует свою просьбу разрешить ему писать необходимостью заработка для содержания его семьи. Вместе с тем он называет и задуманный им труд, ограничиваясь, впрочем, лишь упоминанием, что это будет комедия. Прекрасно зная, что администрация может запретить ему литературную работу из опасения ее нежелательного для правительства содержания, Горький спешит предупредить своих тюремщиков, «что работа, имея характер чисто психологический и нравоописательный, не касается так называемых «общественных вопросов». Он знает о решающей роли в данном вопросе не коменданта крепости, а департамента полиции и потому просит о направлении его рукописи после ее окончания в департамент полиции для последующей выдачи ее лично ему или его жене.

Но мог ли наш великий писатель обойти молчанием «так называемые общественные вопросы»? Горький не был бы Горьким, если бы в своем произведении ограничился лишь «психологией и нравописанием». Если у коменданта крепости и у генералов из департамента полиции и не было уверенности в таком «безобидном» содержании творения заключенного писателя, то они ничем не рисковали. У них оставалась возможность не выпустить из своих рук нового произведения Горького. Мы увидим позднее, какой резкий отрицательный отзыв дал цензор о политической направленности пьесы Максима Горького.

В той же самой бумаге, в которой писатель, заключенный в крепость, добивался разрешения продолжать свою писательскую работу, он заявил также просьбу о позволении ему работать, по старой привычке, по ночам. Последнее комендант крепости разрешил собственной властью, а вопрос о писании комедии передал на рассмотрение департамента полиции, откуда лишь 5 февраля он получил положительный ответ.

Надо предполагать, что Алексей Максимович начал писать свою пьесу, не дожидаясь официальных разрешений. Он имел для этого фактическую возможность. Перед ним на том самом столике, который служил ему в качестве обеденного стола, теперь лежала пронумерованная бумага и стояла чернильница. Разве могло хватить у него человеческих сил, чтобы не использовать эти орудия писательского труда и не творить? Ведь прошли день за днем целых две недели томительного бездействия, без привычного труда. Можно с достаточной уверенностью определить начальный срок писания комедии — 25 января.

Спешим оговориться, что мы не располагаем доказательствами безусловной правильности нашего предположения о начальном сроке написания комедии. Мы основываемся лишь на психологии писателя и на факте предоставления ему письменных принадлежностей 25 января¹.

В полутемной камере Трубецкого бастиона, куда никогда не проникал луч солнца, писал Горький свою пьесу под таким бодрящим и лучезарным заглавием — «Дети солнца».

Напомним оброненные самим Горьким слова его воспоминания «об его неистовом хохоте к соблазну и удивлению тюремной стражи» во время его работы над пьесой². Что это был за смех? В пьесе как будто нет таких мест, которые давали бы основание бурному смеху самого автора над выведенными им персонажами. Думаем, что в обычной обстановке литературного творчества Горький не вел бы себя так и не смеялся. Одиочная же камера до крайности обостряла его настроение, и оно выливалось совсем в необычную форму.

Мы имеем указание на настроение Горького во время его работы над пьесой «Дети солнца». В качестве свидетеля выступил великий русский художник И. Е. Репин. Через четыре месяца после выхода из Петропавловской крепости Алексей Максимович находился в Финляндии в Куоккала в доме Репина, где 5 июня 1905 г. читал перед немногими собравшимися свою пьесу. Художник изобразил на полотне этот момент. Об этом рисунке автор в специальной работе об И. Е. Репине отзывался так: «Эт

¹ В московском музее имени Горького имеется очень интересный экспонат. Это — фотография с подлинной рукописи Горького «Дети солнца». На первой странице рукописи имеется следующая собственноручная надпись пером рукой Горького: «Писалось в Петропавловской крепости 16-го января — 20-го февраля 1905 г.», Первая тетрадь А. Пешкова (см. приложенную фотографию). Удивительно, что Алексей Максимович сделал в этой надписи две хронологические ошибки. Не верны ни начальная дата написания пьесы, ни конечный срок создания ее. Он никак не мог начать писание пьесы 16 января, так как не располагал в это время никакими письменными принадлежностями. Они выдавались ему лишь для написания писем и официальных заявлений и уносились немедленно вслед за написанием письма или заявления. При этом каждый листик бумаги был на учете и отбирался обратно. Начальный срок написания не мог быть ранее 25 января, когда была получена бумага для литературной работы. Еще более удивительно обозначение Горьким конечного срока написания рукописи в Петропавловской крепости 20 февраля. Этот срок никак не мог быть позднее 12 февраля, так как именно в этот день Горький был освобожден из крепости. Горький обозначил на своей рукописи срок ее написания чуть ли не в два раза больше, чем он был в действительности. Пьеса была создана менее чем в двадцать дней, т. е. рукопись была написана с паразитальной быстротой.

² С. Балухатый, Работа М. Горького над пьесой «Дети солнца», Литературный архив, М. Горький, материалы и исследования, т. 1, Л., 1934, стр. 461.

превосходный рисунок, сделанный итальянским карандашом, чуть тронутый сангиной. Бесспорно, это один из лучших листов в огромном наследии Репина-рисовальщика. Рисунок сохранил всю силу и очарование наиболее замечательных произведений этого рода, — в нем чувствуется «трепет живого наблюдения, ощущения жизни». Горький сидит за столом и держит в руках рукопись; необычная для Горького борода была им отпущена во время пребывания в Петропавловской крепости. Рядом с писателем сидит В. В. Стасов, в глубине Репин набросал три фигуры. Фигура Горького — в центре этого большого листа; художнику удалось передать одухотворенность лица писателя, увлеченного чтением» (см. приложенный рисунок)¹.

Автор цитированной работы отметил «одухотворенность лица писателя, увлеченного чтением».

Здесь уместно привести оценку цензором пьесы Горького со стороны ее политического содержания. Он не мог не разглядеть, что автор комедии совсем не выполнил своего намерения, высказанного в его просьбе разрешить ему писать пьесу, не касаясь «общественных вопросов».

Мы приводим из заключения цензора обширную выдержку. Оправдание помещения нами этих двух десятков строк лежит в выяснении отношения цензуры к содержанию комедии, о которой референт выразился так: «считаю долгом присовокупить, что у меня не возникает ни малейших сомнений в совершенной недопустимости (постановки) на сцене рассматриваемого произведения ввиду его крайней тенденциозности, могущей вызвать при исполнении пьесы только нежелательные последствия».

Цензор писал в своем заключении следующее: «Основной мыслью пьесы является рознь, существующая между народом, представляющим из себя «лес, полный сумрака и гниения», и богатыми классами, т. е. интеллигенцией, против которой в народе давно уже растет ненависть; затронут и рабочий вопрос изображением на сцене в роли «угнетенного и оскорбленного» именно представителя рабочего класса. Свидетельствуя, что народная ненависть уже вырвалась на улицу и люди, дикие, озлобленные, с «наслаждением истребляли друг друга», автор предвещает, что «их злора обрущется когда-нибудь на слепую, опьяненную не

¹ И. С. Зильберштейн, Репин и Горький, М. — Л., 1944, стр. 53—54. См. также «Художественное наследство Репина», т. I, ред. И. Э. Грабаря и И. С. Зильберштейна, изд. Академии наук СССР, М. — Л., 1948; на стр. 41 отмечено, что рисунок «А. М. Горький читает пьесу «Дети солнца» оставался до последнего времени неопианным и неизданным, «хотя он и является одним из наиболее замечательных в ряду репинских произведений подобного рода и в то же время входит в состав основных документов горьковской художественной иконографии».

делом, а только красивыми словами и мыслями интеллигенцию за невнимание к тяжелой, нечеловеческой жизни низшего класса, за то, что она сыта и хорошо одета». Вообще в пьесе то и дело подчеркивается угнетение бедного труженика, в котором не хотят даже признать «человека», этого «слепого крота», укрывающегося в «темных норах», которому свободомыслящие «дети солнца» должны помочь выбраться из настоящего отчаянного положения и «вырасти» гордым орлом»¹.

Когда цензор говорил о нежелательных последствиях, которые могут быть вызваны постановкой на сцене пьесы Горького, он имел в виду, конечно, прежде всего изображение на сцене в роли угнетенного и оскорбленного представителя рабочего класса. Цензура рассматривала рукопись пьесы в августе 1905 года. Еще ни в какой степени не изгладилась из памяти народа события «кровавого воскресенья». Быстро поднималось революционное движение в России. В самой различной форме происходили протесты различных общественных групп и открытые выступления рабочих. Понятно, что не без основания представлялись цензору манифестации театральной публики на спектакле «Дети солнца».

Нарастающее революционное и оппозиционное движение взяло верх в вопросе о пропуске пьесы Горького. Главное управление по делам печати не осмелилось запрятать рукопись под сукно тем более, что под давлением требования передовой общественности оно было вынуждено освободить из плена Петропавловской крепости и самого автора пьесы.

Отсутствие у нас исчерпывающих сведений о книгах, доставлявшихся в тюрьму Алексею Максимовичу, не позволяет нам остановиться на вопросе, были ли какие-либо литературные источники у Горького в крепости при написании комедии. Вообще вопрос об источниках написания пьесы «Дети солнца» не разрешается в советской литературе вполне единообразно.

Один из авторов, остановившийся на вопросе об источниках пьесы «Дети солнца», С. Балухатый, считает, что события 9 января оказали влияние на создание этой пьесы. По мнению автора, Горький использовал сильные впечатления от расстрела войсками рабочих, шедших к Зимнему дворцу, а «потрясения дня 9 января и обнаружившиеся к этому времени взаимоотношения пролетариата и интеллигенции дали толчок к художественному выражению темы «Дети солнца»².

¹ Централхив, Революционный путь Горького, стр. 92.

² С. Балухатый, Работа М. Горького над пьесой «Дети солнца», Литературный архив, М. Горький, материалы и исследования, т. 1, Л., 1934. Автор, в частности, полагает, что виденное Горьким 9 января убийство драгунном человека отражено в речи Лизы в первом акте пьесы.

Иного мнения держится другой автор — В. Голубев. Впрочем, и он считает события 9 января «стимулом к написанию «Детей солнца». Впечатление Горького от всего виденного и пережитого 9 января 1905 г. было потрясающее. Все говорит об этом, и прежде всего написанное им обращение к обществу с призывом к борьбе против самодержавия. Эти впечатления должны были еще более усилиться в обстановке одиночной тюрьмы. Они должны были неотступно вставать перед его глазами днем и ночью.

В противоположность Балухатому Голубев кладет в основу пьесы предшествовавшие за несколько лет перед этим так называемые холерные беспорядки. Речь о холерной эпидемии идет по всей пьесе, от первого до последнего акта, а в четвертом акте прямо дается картина холерного бунта. Вполне возможно, что оба автора, Балухатый и Голубев, были правы каждый лишь отчасти и что источником пьесы были события 9 января и холерные бунты.

Я уже говорил о передаче Горьким законченной пьесы коменданту крепости. Этот последний через два дня после оставления писателем крепости переслал его рукопись (14 февраля) директору департамента полиции. В своем отношении он, ссылаясь на «мелкий и очень неразборчивый почерк» рукописи, предупреждал департамент, что он был лишен возможности «просмотреть внимательно работу Пешкова». Однако он добавлял, что, «бегло перелистав ее, полагает, что необходимо подвергнуть ее цензуре». Этим он предусмотрительно снимал с себя ответственность за выпуск из крепости пьесы, написанной в ее стенах узником.

Так началось странствие рукописи по разным учреждениям. Из крепости она перешла в департамент полиции, отсюда в С.-Петербургское жандармское управление, а от жандармов — к цензору драматических сочинений и от него — в главное управление по делам печати. Между тем Алексей Максимович, уже освобожденный и проживавший в Риге, испытывал большие волнения и тревогу за судьбу своего труда. Он писал Пятницкому в Петербург о своей рукописи: «мне все кажется, что ее уничтожат, не потому, что найдут вредной, а так, на зло». Наконец, Пятницкому удалось получить пьесу и отослать ее Алексею Максимовичу, который благодарил его за вырчку рукописи «из пасти адовой»¹.

Если творение Алексея Максимовича, выпущенное из крепости одновременно с его автором, было после странствия извлечено «из пасти адовой», то сам Горький еще несколько месяцев стоял перед этой «адовой пастью», куда правительство готовилось его препроводить при помощи своего суда.

¹ К. Пятницкий, Дело о Горьком и 9 января, «Ленинградская правда» 16 марта 1927 г. № 61,

§ 20. ДОЗНАНИЕ И СЛЕДСТВИЕ ПО ДЕЛУ 9 ЯНВАРЯ 1905 ГОДА

После событий 9 января 1905 г. правительственная репрессия была направлена не против виновников расправы с рабочими, шедшими ко дворцу с петицией, а против самих рабочих и против тех, кто хотел предупредить кровавую бойню, кто заявлял министрам свои опасения о возможности пролития народной крови.

Мы уже знаем, что Горький в своем революционном воззвании предъявлял обвинение царю и его министрам. Правительство же поспешило расправиться с Горьким и другими членами депутации, с самими рабочими и представителями столичной передовой интеллигенции.

Ленин в статье «Трепов хозяйничает», напечатанной за границей в газете «Вперед», уже 25 января сообщал: «аресты посыпались, как из рога изобилия». Он указывал на взятие под стражу членов депутации к министрам и на массовую высылку рабочих из столицы: «С рабочими новый диктатор совсем уже не церемонится. С четверга начали хватать их кучками и высылать на родину»¹. В. И. Ленин приводил и несколько имен сотрудников печати, захваченных полицией.

Первыми были арестованы члены депутации к министрам. Департамент полиции, учитывая не соответствовавшие действительности донесения своих заграничных и столичных секретных агентов, был готов в арестованных и заключенных в Петропавловскую крепость литераторов и общественных деятелей видеть членов «революционного комитета». Охранное отделение употребило именно этот термин, знакомый ему из французской революции конца XVIII века. Очевидно, департамент полиции пускал в ход это страшное для правительства наименование, чтобы сильнее напугать его и ярче выставить свои заслуги.

Департамент полиции рапортовал министру внутренних дел о заграничной конференции русских революционеров. Она якобы поставила своей задачей организовывать в России забастовки рабочих, студенческие волнения, обращения различных кружков к правительству с самыми крайними требованиями. В мнимую центральную организацию, существовавшую только в донесениях секретных агентов, Петербургское охранное отделение «зачислило» большую группу в качестве членов этой организации, а Максима Горького было готово поставить во главе организации.

¹ Ленин, Соч., т. 8, стр. 112.

Охранка задумала представить шествие рабочих к Зимнему дворцу как результат деятельности революционного комитета. Именно поэтому были произведены обыски одновременно у всех членов депутации к министрам и заточение восьмерых в Петропавловскую крепость¹.

Выбор Петропавловской крепости местом заключения для вновь арестованных сам по себе показывает, какое большое значение придавало правительство произведенным арестам. Оно не остановилось перед налетом почти на десяток петербуржцев, пользовавшихся большой известностью. Оно не остановилось перед лишением их свободы в Трубецком бастионе, несмотря на то, что обыск у всех них, кроме одного, не дал жандармам никаких документов, которые могли бы хотя сколько-нибудь быть использованы для доказательства существования революционного комитета.

Только политической безграмотностью или жандармской наглостью можно объяснить задуманный департаментом полиции план расправы с арестованными как с членами революционного комитета. Достаточно указать, что «революционный комитет», по предположению самого департамента, состоял в большинстве из либералов. В крепость попали люди, в прошлом которых, кроме Горького, был либерализм, а не что-либо революционное, а между тем возраст их всех, кроме Горького, был далеко не молодой.

Департамент, следуя давно выработанным приемам своей тактики, не сообщил заключенным в крепость причину их ареста ни при их задержании, ни в ближайшие за этим дни. Однако он проявил на этот раз несвойственную ему быстроту действий. Допросы арестованных начались уже через четыре дня, во второй половине января.

Всем арестованным задавалось два одинаковых вопроса: во-первых, признают ли они себя виновными «в участии в сообществе, заведомо поставившем целью своей деятельности ниспровержение существующего в России общественного строя». Во-вторых, ставился вопрос об участии «в революционном комитете из представителей всех революционных фракций, который будто бы взял на себя руководство подпольной организацией с целью ниспровержения существующего государственного порядка путем устройства повсеместных забастовок, волнений среди учащейся молодежи, предъявлений отдельными кружками к правительству самых крайних требований».

---

¹ Не был арестован писатель К. К. Арсеньев, а присоединившийся к депутации рабочий Кузин был направлен в Дом предварительного заключения.

Постановление о возбуждении дознания против А. М. Пешкова по обвинению его в преступлениях, предусмотренных ст. ст. 126 и 132 Уголовного уложения, было составлено 15 января 1905 г. Оно обосновывалось сведениями департамента полиции об образовании якобы в конце 1904 года в С.-Петербурге комитета из представителей действующих в империи противоправительственных фракций, о вхождении в этот комитет А. М. Пешкова. Другим основанием для такого привлечения указывалось нахождение у одного из арестованных воззвания, написанного рукой Горького.

Постановление о предъявлении к Горькому обвинения в государственных преступлениях было подписано подполковником отдельного корпуса жандармов Конисским и товарищем прокурора А. Быковым.

М. Горький в своих воспоминаниях о В. Г. Короленко дал описание жандарма Конисского. Горький вспоминал, как в 1897 году, после ареста в Нижнем, его отвезли в Тифлис и здесь в Метехском замке его допрашивал ротмистр Конисский. «Странный человек был этот ротмистр, — писал Горький, — маленький, движения мягкие, осторожные, как будто неуверенные, уродливо большой нос грустно опущен, а бойкие глаза — точно чужие на его лице, и зрачки их забавно прячутся куда-то в переносицу»¹.

Не лишне будет припомнить здесь, как относился Алексей Максимович к жандармским допросам, которым он подвергался несколько раз. Его презрение к жандармам и «словесным пыткам» прорывалось наружу. Так, например, услышав похвалы жандармского ротмистра «своему земляку» писателю Короленко, а вместе с тем и его похвалбу своим предком епископом Конисским, которым он гордится, Горький с явной иронией задал жандарму вопрос: «Кто же больше возбуждает его гордость — предок или земляк?» и получил ответ: «И тот и другой, конечно, и тот и другой!» Тогда Горький сердито заметил, «что он плохо понимает гордость человеком, которому чрезмерно любезное внимание жандармов так много мешало и мешает жить».

В этих словах допрашиваемого писателя слышится его презрение к либеральничавшим агентам того политического строя, против которого он вел неутомимую борьбу.

О настроении Горького во время допросов его по делу 9 января 1905 г. и по другим политическим делам можно судить по собственным его словам. Так, он писал с горечью, как, «бывало, ночами, наедине с собою, вдруг почувствуешь себя в положении

---

¹ М. Горький, Собрание сочинений, т. 22, Воспоминания, Заметки В. Г. Короленко, стр. 136.

непойманного уголовного преступника», его окружают шпионы, следователи, прокуроры, все они ведут себя так, как будто считают преступление несчастием, печальной «ошибкой молодости», и только сознайся — они великодушно простят тебя. Но в глубине души каждому из них непобедимо хочется уличить преступника, крикнуть в лицо ему торжествующее: «Ага-а!»

«Нередко приходилось стоять в положении ученика, вызванного на публичный экзамен по всем отраслям знания». «Кáко веруешь? — пытали меня начетчики сект и жрецы храмов»¹. Горький называл такие допросы «пыткой словами», когда душу посещают, как ярмарочный балаган, и топчут ее...

В деле 1905 года протоколам допросов Алексея Максимовича предпослана справка из дел департамента полиции о предшествующих привлеченных его к дознаниям по делам о государственных преступлениях. Из нее можно видеть, что в январе 1905 года Горький привлекался уже пятый раз.

Зафиксированные департаментом случаи, когда ему удавалось наложить свою тяжелую руку на «нижегородского цехового и литератора», начались с 1889 года. Тогда Горькому было всего двадцать лет. Во второй раз жандармерия арестовала его в 1897 году, т. е. восемь лет политическая полиция довольствовалась негласным надзором за писателем. Через четыре года, в 1901 году, Алексей Максимович привлекался дважды.

Основания для привлечения Горького к ответственности каждый раз в течение этих лет были новые. Сначала ему было поставлено в вину укрывательство революционера, привлеченного к дознанию. Затем его привлекали к ответу за участие его самого в тайном кружке пропагандистов среди рабочих. В третий раз обвинение было предъявлено в приобретении мимеографа для издания преступных воззваний к рабочим сормовских заводов. Вслед за тем Алексея Максимовича привлекли к ответственности за устройство демонстраций и недозволенных сборищ. Таким образом, на протяжении шестнадцати лет Горький имел полную возможность в четыре приема ознакомиться с политическим сыском и местами заключения не только в своем родном Нижнем-Новгороде, но также и в Тифлисе, в знаменитом Метехском замке. Это знакомство Горького с тюрьмами и жандармами завершилось в 1905 году заключением его в Петропавловскую крепость с кратковременным пребыванием в Рижском исправительно-арестантском отделении, охранном отделении в Доме предварительного заключения Петербурга.

¹ М. Горький, Собрание сочинений, т. 22, Воспоминания, Заметки В. Г. Короленко, стр. 137—138.

Перед жандармами и прокуратурой столицы предстал в 1905 году не новичок, а человек, искушенный на революционном пути, с огромным житейским опытом, именем, известным всему миру. Для царской охранки Максим Горький, с одной стороны, был завидной добычей, «лакомым куском», а с другой стороны, его нельзя было взять голыми руками. Это прекрасно видно из воспоминаний самого Горького о допросах его Конисским по делу 9 января. Алексей Максимович писал И. Груздеву: Конисский, «допрашивая меня по делу 9 января, сказал, вздохнув: «Однажды я из-за вас уже потерпел, да вот и теперь то же, кажется, будет: арестом вашим Европа обеспокоена». Он был человек добродушный, неумный и невежественный. На третьем допросе он тихонько сообщил мне: «Знаете, за вас очень хлопочет ваш друг Дон-Педро, король португейский»¹. Не известно, откуда этот жандарм получил сведения о заступничестве за Горького короля Дон-Педро, но несомненно, что это имя произвело на него бóльшее впечатление, чем беспокойство Европы за участь арестованного писателя.

Поведение Алексея Максимовича на дознании, в противоположность поведению некоторых одновременно с ним арестованных членов депутации, было стойким. Он не спешил доказывать свою благонадежность, отречься от общения с рабочими и от сочувствия им. Он один из всех восьми заключенных в Петропавловскую крепость по делу 9 января признал свое присутствие в этот день на улицах Петербурга. В своем показании 17 января он открыто подтвердил написание им своего воззвания «под впечатлением всех ужасов, виденных им по пути от Знаменской улицы до Академии Художеств, у Дворцового моста, у Полицейского моста»².

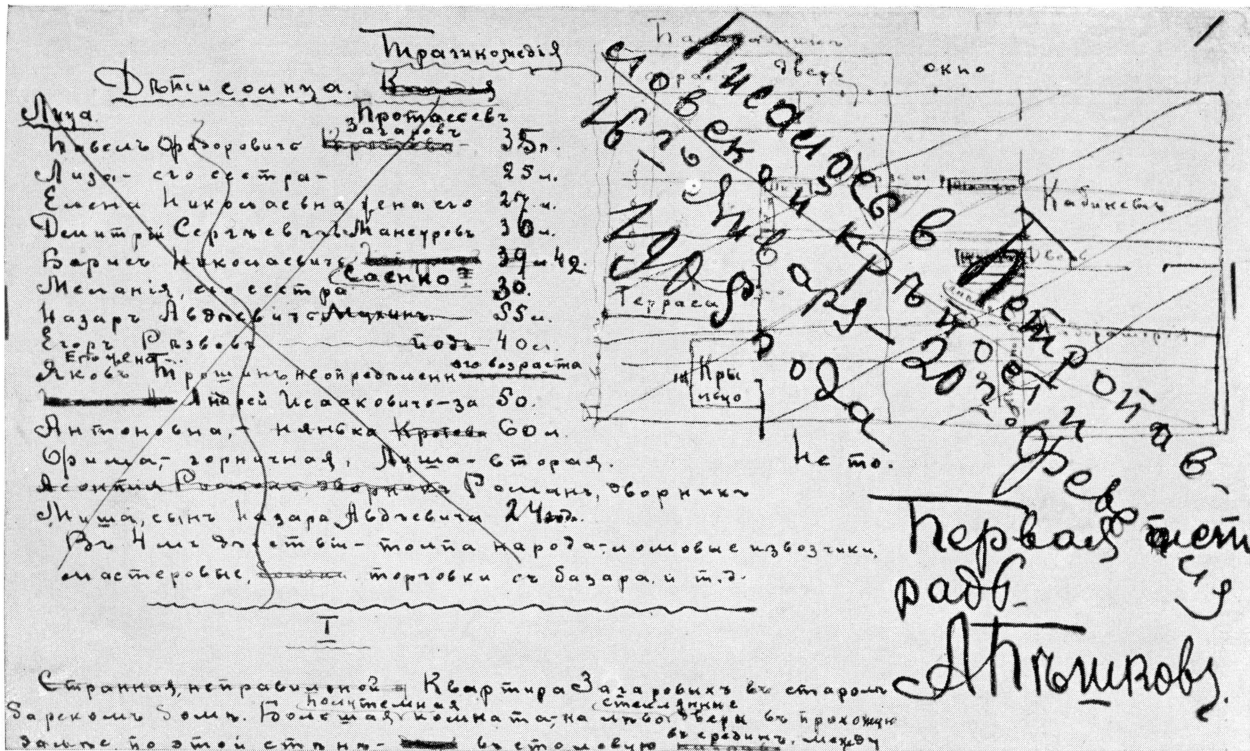
Точно так же в противоположность другим арестованным Горький подчеркнул в показании свою связь с рабочими. Он отказался называть какие-либо фамилии, сославшись на запоминание, а вместе с тем и на свое «нежелание вмешивать их в это печальное дело».

Горький, вероятно, отвечая на поставленный ему жандармами вопрос, отрицал свою революционную работу среди рабочих: «Революционной пропагандой среди рабочих я вообще никогда не занимался». Такой ответ не соответствовал действительности. Перед жандармами лежала уже известная нам «справка», в ко-

---

¹ И. Груздев, Горький в Тифлисе, «Молодая гвардия» 1927 г. № 10, стр. 210.

² ЦГИА в Москве. Фонд департамента полиции, 7 делопроизводство, 1905, № 882, «Об А. М. Пешкове», первое показание Горького 17 января.

Фотография с первой страницы рукописи М. Горького «Дети солнца», написанной в Трубецком бастионе.

Переснимок из музея имени Горького в Москве.

Рисунок И. Е. Репина «А. М. Горький читает пьесу «Дети солнца», написанную им в Трубецком бастионе Петропавловской крепости. Рядом с писателем сидит В. В. Стасов. Рисунок переснят из книги С. И. Зильберштейн «Репин и Горький», М.—Л., 1944, стр. 53—54.

торой дважды отмечалось привлечение Горького к ответственности за агитацию среди рабочих. Однако в руках жандармов не было достаточных доказательств участия Горького в пропаганде среди рабочих, и потому дела были направлены на прекращение. Формально Горький оказывался невиновным. С точки зрения революционной этики он поступал совершенно правильно, отрицая свою революционную пропаганду среди рабочих. Было бы совсем неразумно самому лезть в петлю. Кстати, вспомним, что Горький, отказавшись назвать фамилии посетивших его рабочих, но назвав фамилии членов депутации к министрам, сейчас же пояснил, что называет эти фамилии потому, что все эти товарищи оставили свои визитные карточки в вестибюле министра.

В показаниях Горького чувствуется большая осторожность по отношению ко всем другим лицам, которых жандармы уже привлекали к дознанию. На первом допросе он поспешил подтвердить написание инкриминируемого ему воззвания лишь им одним, без всякого участия и ведома членов депутации к министрам.

Из протокола первого допроса можно предположить об интересе жандармов к кругу лиц, с которыми был знаком или близок Алексей Максимович в Петербурге. И этот интерес агентов политического сыска не был удовлетворен. Горький ограничился самыми общими фразами и заявлением об отсутствии у него в Петербурге личных связей с петербургскими литературными кругами. Называя же своего давнишнего знакомого Н. Ф. Анненского, он добавлял, что они не бывали друг у друга. Попавший в важнейшую государственную тюрьму писатель прекрасно знал, что близость с ним не обещает ничего хорошего его знакомым и может повлечь преследования жандармов. Поэтому и видна постоянная забота Горького оградить от полицейских лап его друзей и знакомых.

Предусмотрительно и остроумно, с формальной юридической точки зрения, было показание автора «преступного воззвания» о намерении его распространить обращение к обществу лишь после одобрения написанного другими членами делегации к министрам. Поскольку коллегияльного обсуждения и одобрения не последовало, а распространить воззвание предполагалось путем напечатания его в легальной печати, вставал юридический вопрос, как квалифицировать действия Горького по уголовному закону.

Такой же характер предусмотрительности носили показания Горького и в отношении рабочих — участников собрания для выработки петиции к царю и для подготовки их шествия к Зимнему дворцу. Горький подчеркивал наличие в петиции

экономических требований и отсутствие в рабочей массе, шедшей ко дворцу, революционных побуждений. Он слышал от рабочих о том, что шествие ко дворцу не встречает препятствий со стороны полиции.

Эта часть показаний обрисовывала всю преступность произведенной 9 января бойни с многочисленными жертвами среди рабочих. Здесь обвиняемый А. М. Пешков превращался в обвинителя всех тех, кто совершил кровавую бойню. В своем показании он не только не скрывает, но и подчеркивает свою инициативу по организации депутации к министру внутренних дел в целях предупреждения неизбежного кровопролития.

Совсем не случайно Алексей Максимович записал в своем показании, что депутация направлялась к Святополк-Мирскому не только как к министру внутренних дел, но и как к «человеку». Депутация не была принята. Святополк-Мирский отказался принять ее даже и после того, как председатель совета министров звонил ему по телефону о желании делегации, как выразительницы мнения группы литераторов и ученых, быть принятой. Ему не было никакого дела до общественного мнения. Как министр он был уже вполне готов встретить пулями, штыками и саблями народ, направлявшийся к Зимнему дворцу. Что же касается Святополк-Мирского как «человека», то его не было. Был только министр внутренних дел — беспрекословный исполнитель воли своего царя-убийцы.

Первый допрос Горького был наиболее подробным из всех шести. Он носил почти исчерпывающий характер, по крайней мере по делу 9 января. На остальных допросах Горькому приходилось лишь подтверждать свои показания по вопросу о написании им революционного воззвания. Однако жандармерию и прокуратуру заинтересовали и некоторые другие обстоятельства, которые она захотела использовать в своих целях для обвинения не только Горького, но и остальных членов депутации. Такими обстоятельствами были полученные на имя Горького письма из-за границы от лиц, не знавших об аресте Горького, и участие некоторых из членов делегации в декабре 1904 года на одном ужине, на котором произносились речи нежелательного для администрации характера.

Попытка жандармерии и прокуратуры представить членов депутации 8 января к министрам как организаторов и руководителей преступного сообщества для ниспровержения существовавшего государственного строя потерпела настоящий провал. Показания всех заключенных в крепость единодушно и энергично не только отрицали всякую правильность такого обвинения, но и показывали полную его вздорность. Не было в этих показа-

ниях ни одного слова, к которому можно было бы придаться обвинителям и обосновать обвинение. Секретные донесения заграничных агентов охраны оказывались совсем необоснованными и пустым враньем. Желания же руководителей дознания получить какие-либо подтверждения существования революционного комитета в составе заподозренных профессоров и писателей не были удовлетворены петербургским охранным отделением. Пришлось, скрепя сердце, прекратить дело по обвинению заподозренных в составлении преступного сообщества. С политической точки зрения, это был для правительства скандальный и позорный провал.

После провала «грозного обвинения» становилось излишним содержание обвиняемых в государственном преступлении в казематах Петропавловской крепости. Арестованные постепенно были выпущены на свободу.

Последним покинул Петропавловскую крепость Максим Горький. Расстаться с ним жандармам было тяжелее, чем с кем-либо из остальных арестованных. Из крепости вывезли его в черной карете с завешенными стеклами в губернское жандармское управление. Если рухнуло обвинение его как члена революционного комитета, то оставалась возможность обвинения его в написании преступного воззвания. Но политическому сыску хотелось присоединить к такому обвинению еще и какое-либо другое. Жандармерия, как мы увидим ниже, и сделала такую попытку.

Как уже указывалось, наиболее подробно было показание Горького на первом допросе, 17 января. Здесь из-под ног жандармов уже уходила почва для обвинения Алексея Максимовича за участие в несуществовавшем революционном комитете, но обосновывалось собственным его признанием в составлении революционного призыва к борьбе с самодержавием. Через два дня, т. е. 20 января, состоялся второй допрос. Охранники еще не успели сфабриковать новых пунктов обвинения, поэтому показания Алексея Максимовича не добавляли чего-либо нового к его первому показанию. Однако и 20 января с новой силой проявилось стремление обвиняемого оградить членов депутации от ответственности за революционное воззвание. Он говорил: «К показанию моему по существу его я ничего не могу добавить, считаю только нужным повторить, что рукопись, начинающаяся словами «Мы, нижеподписавшиеся», написана мною по личной моей инициативе, о намерении моем написать ее я никому не говорил из лиц, входивших в состав депутации, и, вообще — никому. Без просмотра и одобрения, — буде таковое состоялось бы, со стороны лиц, составлявших депутацию, — рукопись эту я бы не выпустил из своих рук».

Между тем отделение охраны общественного порядка, видя крушение выставленного им обвинения членов делегации в руководстве будто бы подготовлявшегося восстания, спешно изготовило новое обвинение. Оно торопилось предъявить обвинение во второй половине января 1905 года, несмотря на то, что вновь инкриминируемые события имели место еще 20 ноября 1904 г.; тогда администрация никаких обвинений не выдвинула. В указанное число в одном из обширных наемных зал Петербурга состоялось торжественное очень многолюдное собрание столичной интеллигенции для празднования сорокалетия со времени издания судебных уставов 1864 года. Празднование сорокалетнего юбилея походило в некоторой степени на поминки по судебным уставам. За сорок лет основные начала судебной реформы были частью искажены, а частью и совсем отменены. Если, по народным верованиям, душа умершего через сорок дней после смерти посещает оставленных живущих, то душе творцов судебных уставов было нелегко узнать их творение. Поэтому на рауте 20 ноября звучали погребальные мотивы, которые не приходились по вкусу всем «власть имущим». Но собрание этим не ограничилось. Оно заслушало и доклад о необходимости представительного законодательного учреждения и притом не с совещательным, а с решающим голосом. Для департамента полиции это тоже была крамола.

Подвергся допросу об этом собрании и Алексей Максимович. При революционном направлении взглядов Горького доклад не представлял для него интереса. Признавая в показаниях на третьем допросе 27 января свое присутствие на упомянутом докладе, он назвал речь историка «очень длинной и скучной». Он сказал, что плохо ее слышал и, сидя в конце зала, «мало интересовался окружающим». Он признал также подписание им резолюции этого собрания, но подчеркнул, что дал свою подпись заранее на чистом листе, так как доверял автору резолюции.

Такие показания Горького о банкете 20 ноября 1904 г. не давали жандармам никакого материала для привлечения к ответственности ни его самого, ни других участников этого собрания.

«Утопающий хватается за соломинку», — гласит пословица; так было и с жандармерией и прокуратурой. Провалившись с их первоначальным обвинением, они сделали еще одну попытку отяготить предположенную ответственность писателя-гражданина, замыслив выдвинуть против него еще одно обвинение — его денежную помощь партии большевиков на издание ленинской газеты «Вперед». У администрации были на этот счет сведения, но не были собраны доказательства. Тем временем, как мы уже сказали, было перехвачено адресованное Горькому письмо некоего Афанасьева из Парижа с просьбою о высылке ему денег

на поездку в Россию. Текст письма был туманен и давал возможность подозревать о революционных целях предполагаемой поездки.

Горький на четвертом его допросе 1 февраля дал такие объяснения, которые крайне затрудняли какое-либо использование жандармами указанного письма в интересах обвинения. Отвечая на поставленные вопросы, Алексей Максимович отозвался незнанием отправителя письма. Он не отрицал отправку им денег за границу, и в частности в Берлин, по делам издания его произведений, а также нередко и в виде помощи обращающимся к нему за таковою. Горький допускал, что Афанасьев имел в виду какую-нибудь нелегальную деятельность, но сейчас же добавлял: «Это меня не касается, ибо я с революционными партиями сношений не имею».

Конечно, такое решительное отрицание Алексеем Максимовичем сношений с революционными партиями ни в какой степени не соответствовало действительности. У него эти сношения были. Однако такое отрицание связи с революционерами было разумным и вполне отвечало тактике и этике поведения революционеров на допросах. Вот почему вполне понятна категоричность его заявления 1 февраля: «А затем я еще раз повторяю, что образ мыслей моих либерален и даже радикален, — этого я никогда не скрывал и не скрываю, это видно из моих предыдущих показаний, об этом же свидетельствует и моя литературная деятельность. Но должен категорически сказать, что никогда активного участия в противоправительственной деятельности я не принимал и не считал себя способным к такой деятельности по моему духовному строю»¹.

Следственным судебным властям не удалось собрать сколько-нибудь основательного материала, который можно было бы использовать для обвинения Горького как члена революционной организации. Но правительство еще не отказывалось от попытки обвинить великого писателя в другом. 17 марта Алексею Максимовичу был вручен обвинительный акт в составлении им уже известного нам воззвания к обществу, причем в нем сказано, что распространение этого воззвания не последовало по обстоятельствам, от воли Пешкова не зависевшим.

Сам Горький после освобождения его из крепости допускал возможность административной расправы с ним правительства без суда. В таком случае он решил добиваться «суда для себя —

---

¹ Архив ЦГИА в Москве. Фонд департамента полиции, 7 делопроизводство, 1905, № 882 (л. 40); см. также В. Руднев, Горький — революционер, «Новый мир» 1928 г. № 3, стр. 215.

позора для семейства гг. Романовых и иже с ними». В случае же его осуждения он предполагал объяснить Европе, почему он революционер и каковы мотивы его преступления «против существующего порядка избияния мирных и безоружных жителей России, включая и детей». Так он писал своему другу Пятницкому.

В судебной палате дело было назначено к слушанию на 3 мая 1905 г., но было отложено для направления к рассмотрению. Рост революционного движения в России заставил судебную палату прекратить дело по обвинению Горького. Это произошло 4 ноября 1905 г.

§ 21. БОЛЕЗНЬ А. М. ГОРЬКОГО И ЕГО ОСВОБОЖДЕНИЕ ИЗ КРЕПОСТИ

Пребывание Максима Горького в сырой камере Трубецкого бастиона не могло не отразиться на его здоровье. Прогулки по тюремному дворику на 15—20 минут были совершенно недостаточны для человека, больного туберкулезом. Мы уже знаем, что требование Е. П. Пешковой, заявленное ею после первого же свидания с мужем в двадцатых числах января, о предоставлении ему собственного платья было мотивировано именно состоянием его здоровья, но требование не было удовлетворено. Таким образом, антисанитарные условия заточения продолжали оказывать свое пагубное влияние на здоровье писателя.

Между тем сюда присоединились еще и другие обстоятельства, которые также действовали в дурную сторону. Участились вызовы на допросы. Во второй половине заточения арестованного писателя увозили из крепости в губернское жандармское управление четыре раза, а именно: 27 января, 1, 4 и 8 февраля. В архивном деле мы видели одинаковые печатные бланки этих вызовов на допросы, обращенные «с покорнейшей просьбой» к коменданту крепости не отказать в выдаче государственного преступника Алексея Пешкова тому или другому поименованному в бумаге жандармскому офицеру. Такие вызовы и допросы в свою очередь тоже оказывали пагубное влияние на здоровье Алексея Максимовича. Надо предположить, что чрезвычайно интенсивная умственная работа над пьесой «Дети солнца» также оказывала отрицательное влияние на здоровье заключенного. Известно, что он просиживал за работой до двух часов ночи.

Быстрое ухудшение здоровья Алексея Максимовича видела Екатерина Павловна Пешкова при своих посещениях его в крепости. Два из этих свиданий происходили по всей строгости

соответствующих тюремных правил. Алексей Максимович и Екатерина Павловна были отделены друг от друга двумя металлическими решетками, между которыми за столиком помещался смотритель тюрьмы. Разговор происходил над его головой¹.

Сведения о быстром ухудшении здоровья Максима Горького дошли до членов общества взаимопомощи работников печати — «Литературного фонда». Это общество 2 февраля постановило возбудить перед генерал-губернатором ходатайство об освобождении писателя. Через несколько дней председатель Литературного фонда Вейнберг добился приема у генерал-губернатора Трепова и позднее сообщил в печати свои тяжелые впечатления от этого приема. Всесильный вершитель судеб российских граждан принял более чем сухо представителя объединения писателей. Он начал с отрицания за Литературным фондом права ходатайства за арестованного писателя: «Литературный фонд не есть учреждение, уполномоченное входить с подобными ходатайствами и имеющее право вмешиваться в распоряжения начальства».

На указания Вейнберга о необходимости лечения заболевшего арестованного Трепов отвечал указанием на наличие для этого тюремных больниц. В ответ на необходимость легочно- и сердечнобольным людям чистого воздуха Трепов указывал на их прогулки по тюремному дворику². Представитель передовой общественности и генерал-губернатор говорили на разных языках.

Но не власть придворной знати, а передовая общественность, русская и зарубежная, вышла победительницей в этой схватке за узника-писателя. К началу февраля протесты против ареста Горького достигли высшего предела. Е. П. Пешкова, видя в требованиях об освобождении Горького опору и своим требованиям, заявила 5 февраля об ухудшении здоровья арестованного писателя и о необходимости его скорейшего освобождения. Она не ошибалась: в то время как она подавала в департамент полиции свое заявление в несколько строк, в различных государствах Европы и в Америке появлялись на страницах ежедневной печати негодующие протесты по адресу самого правительства российской империи. Создается такое впечатление, что департамент

---

¹ Е. П. Пешкова рассказала мне не лишенный интереса эпизод из истории этих свиданий в крепости. Получив разрешение департамента полиции взять на свидание с отцом маленького сына Максима, она прибыла с ним в крепость. Комендант крепости не допустил мальчика на это свидание и распорядился отправить его обратно на квартиру в сопровождении жандарма. Маленький Максим не без гордости совершил этот переезд под конвоем жандарма.

² См. П. Вейнберг, статья в газете «Русское слово» 1906 г. № 39.

полиции находил в заявлении Пешковой выход из создавшегося и для него неприятного положения с дальнейшим содержанием Горького в Петропавловской крепости. С удивительной поспешностью директор департамента 8 февраля предложил коменданту крепости поручить тюремному врачу освидетельствовать состояние здоровья «арестанта» А. М. Пешкова и сообщить «о влиянии на его здоровье содержания под стражей».

На следующий же день, 9 февраля, комендант крепости приказал: «в 12 час. 30 мин. дня произвести тюремному врачу в присутствии заведующего арестантскими помещениями освидетельствование состояния здоровья арестованного, содержавшегося в камере Трубецкого бастиона под № 39»¹. В тот же день заключение врача, нашедшего у А. М. Пешкова «катарр верхней доли левого легкого», было препровождено в департамент полиции. Через два дня, т. е. 12 февраля, Алексей Максимович был освобожден из Петропавловской крепости, но помещен в Дом предварительного заключения. Замена одной тюрьмы другой, хотя бы и с менее суровым режимом, не отвечала целям оздоровления условий жизни писателя, чтобы спасти его от вспыхнувшего процесса в легких. Результатом дальнейших хлопот друзей Горького было освобождение его 14 февраля под залог в десять тысяч рублей.

Об освобождении Алексея Максимовича из заключения рассказал в своих воспоминаниях К. П. Пятницкий, принимавший в этом деятельное участие. Первоначально губернское жандармское управление согласалось освободить Горького под поручительство какого-либо известного состоятельного лица, а затем согласилось освободить под залог в десять тысяч рублей.

14 февраля Пятницкий, осведомленный Конисским об освобождении Горького, запасся десятью тысячами рублей и приехал в охранное отделение. Здесь в кабинете Конисского он нашел Алексея Максимовича. Тут же находился тяжелый чемодан, доставленный из крепости, очевидно, он был с книгами. После пересчета принесенной денежной суммы и выдачи соответствующей расписки на имя поручителя Горький был выпущен из жандармского управления. Он поехал на квартиру к Пятницкому, где находились Екатерина Павловна Пешкова с сыном Максимом. Но едва он приехал туда, как жандармский подполковник, только что отпустивший Алексея Максимовича, пригласил его по телефону немедленно вернуться в жандармское управление. Оказа-

---

¹ ЦГИА в Ленинграде. Управление коменданта С.-Петербургской крепости. Фонд 1280, опись 123, 1905, «О медицинском освидетельствовании секретно арестованных лиц».

лось, что начальник охранного отделения самым решительным образом воспротивился оставлению Горького на свободе в столице, хотя бы и на один час. Поэтому Конисский препроводил Горького в охранное отделение. Отсюда Алексей Максимович вечером был вывезен на вокзал железной дороги для выезда в Ригу. Охранное отделение, опасавшееся оставить «государственного преступника» Пешкова на свободе в С.-Петербурге хотя бы на один час, послало своих секретных агентов сопровождать писателя до избранного им места своего пребывания в г. Риге. Из рук агентов петербургского охранного отделения он попал в Риге в руки рижского жандармского управления. Об этом безотлучном сопровождении его агентами политического сыска Горький писал Пятницкому немедленно по приезде из Петербурга в Ригу. Он с иронией сообщал в этом письме: «Доехали мы вполне благополучно, под надежной охраной солидного человека с большим носом и рябым лицом, проводившего нас до Риги. Здесь в гостинице нам дали пару внимательных соседей, тайно образующих надзор за нашим поведением и животворящих собою мудрость властей. Вообще все идет хорошо, обычно и привычно...»¹

Так начиналась жизнь А. М. Горького «на свободе». Неустанный надзор секретных агентов был привычен для писателя. Он сопровождал его без передышки повсюду в России, куда бы он ни приезжал. Он не оставлял его даже за пределами родной страны, далеко за границей. Он продолжался после «кровавого воскресенья» еще двенадцать лет, пока не положила конец этому Великая Октябрьская социалистическая революция.

Эта слежка изо дня в день за каждым шагом пролетарского писателя была бессильна прервать его творчество. Оно росло и крепло. Росла, крепла и ширилась по всему миру слава Максима Горького как пролетарского писателя.

---

¹ К. Пятницкий, Дело о Горьком и 9 января, «Ленинградская правда» 11 марта 1927 г. № 58.

Глава шестая

РЕВОЛЮЦИОННЫЕ МАТРОСЫ И СОЛДАТЫ В ТРУБЕЦКОМ БАСТИОНЕ

§ 22. УЧАСТИЕ МАТРОСОВ В РЕВОЛЮЦИОННОМ ДВИЖЕНИИ РОССИИ

Героическое участие матросов во всероссийской революции выразилось в их восстаниях в Свеаборге, Ревеле, Кронштадте, Севастополе и в других портах. Число матросов, восставших с оружием в руках против царизма за последние полтора десятка лет его существования, исчисляется многими десятками тысяч, а число павших в этой борьбе и погибших от рук палачей, сосланных на каторгу и заключенных в тюрьмы исчисляется тысячами.

Революционная борьба матросов против эксплуататоров за свободу и счастье народов нашей страны отразилась и в казематах Трубецкого бастиона Петропавловской крепости. За последние семнадцать лет царизма среди всех узников этой тюрьмы оказалось тридцать три матроса, восемь машинистов, механиков, минных машинистов. Среди семнадцати заключенных, военных писарей, были, конечно, и писари с военных судов. В общей массе узников Петропавловской крепости эти более шести десятков человек составляют крупную цифру, особенно если принять во внимание, что в Петербурге флот не имел своей стоянки, а в близком же от него Кронштадте так же, как и в самой столице, были свои морские тюрьмы. Так как в Петропавловскую крепость направляли чаще лишь тех, кого считали наиболее опасными посягателями на неприкосновенность государственного и общественного строя Российской империи, то приведенные нами цифры приобретают еще большее значение.

Указанные тридцать три матроса и восемь машинистов, механиков и минных машинистов поступили в крепость в течение 1903, 1904, 1907, 1908, 1911, 1912, 1913, 1915, 1916 годов. Наибольшее число матросов, заключенных в Трубецкой бастион,

а именно тридцать четыре человека, пришлось на 1911—1912 годы. Эта цифра сама по себе не велика, однако служит показателем происходивших во флоте в те годы крупных событий, которые царизм постарался скрыть от огласки.

Приведенные нами цифры показывают, что за последние семнадцать лет царизма матросы часто становились узниками крепости.

Первыми предшественниками этих матросов по заточению в Петропавловской крепости были двадцать два их товарища, заключенные в эту крепость за двести лет перед тем, а именно 19 сентября 1717 г.¹ Таким образом, уже через четырнадцать лет после основания крепости матросы оказались в числе первых ее узников. Они открыли собою шествие в страшные казематы крепости. Матросы же, можно сказать, и заканчивали это шествие в Трубецкой бастион в 1916 году. После узников-матросов 1717 года за двести лет существования крепости под ее своды вошли бесчисленные жертвы. Предназначенная для борьбы с внешним врагом, она стала в действительности местом расправы царизма с его внутренними противниками. Через сто с небольшим лет после заточения в 1717 году матросов с корабля «Ревель» Петропавловская крепость приняла в свои стены участников восстания декабристов 1825 года. Среди них были моряки-офицеры, а также нижние чины гвардейского флотского экипажа.

В 1827 и 1828 годах происходили волнения на русских военных судах, находившихся в плавании. Восстание матросов на корвете «Александр Невский» у острова Мальты повлекло за собой самую жестокую репрессию: сорок пять матросов были приговорены к смертной казни, замененной беспощадным наказанием «кошками» и пожизненными каторжными работами.

И. Егоров в своей работе привел даты восстаний во флоте в XX веке.

РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ ВО ФЛОТЕ В 1905—1907 ГОДАХ

8 июня 1905 г.	Восстание в Одессе на судах «Потемкин Таврический», «Георгий-победоносец» и миноносец № 267.
3 июля 1905 г.	Восстание на учебном судне «Прут».
30 октября 1905 г.	Волнение в Черноморском флоте.
5 ноября 1905 г.	Митинг моряков Кронштадта.
18 ноября 1905 г.	Митинг матросов в Севастополе.
21 ноября 1905 г.	Волнение матросов на кораблях Черноморского флота «Очаков» и «Пантелеймон».

¹ См. подробно об этом М. Н. Гернет, История царской тюрьмы, т. 1, 1951. В этом томе названы также имена двадцати двух участников возмущения на судне «Ревель», заключенных в крепость.

- 25 ноября 1905 г. Восстание матросов в Севастополе.
 27 ноября 1905 г. Подняты красные флаги на кораблях «Пантелеймон», «Очаков», «Свирепый», «Гридня», «Прут». Во главе стал лейтенант Шмидт и поднял на «Очакове» сигнал: «Командую Черноморским флотом».
- 28 ноября 1905 г. Восстание в Севастополе.
 9 декабря 1905 г. Восстание в Кронштадте.
 23 января 1906 г. Восстание во Владивостоке на судах «Жемчуг», «Терек», «Аргунь», «Шилка» и миноносец «Гордый»
- 25 мая 1906 г. Восстание матросов в Баку.
 20 июня 1906 г. Восстание флота и гарнизона Севастополя.
 17—20 июля 1906 г. Восстание в Свеаборге.
 1 августа 1906 г. Восстание матросов в Кронштадте.
 2 августа 1906 г. Восстание матросов на судне «Память Азова» и транспорте «Кронштадт».
- 12 августа 1906 г. Восстание матросов гарнизона Кронштадта.
 1 сентября 1907 г. Восстание в Ревеле на учебном судне «Рында».
 28 сентября 1907 г. Попытка восстания в Севастополе на судах «Синоп», «Три Святителя», «Ростислав» и «Кронштадт».
- 30 октября 1907 г. Восстание на эскадренном миноносце «Скорый» во Владивостоке.

Несмотря на всю грандиозность жертв, понесенных флотом в революционной борьбе, эти выступления не являются исчерпывающими показателями революционного движения в нем. Насколько оно было велико, например, к концу 1906 года, показывает, конечно, также с неисчерпывающей полнотой следующая интересная таблица, составленная на основании материалов Главного морского штаба.

СВЕДЕНИЯ О ПОЛИТИЧЕСКОЙ НЕБЛАГОНАДЕЖНОСТИ МАТРОСОВ

Название портов и баз	Общее число команды в порту и на судах	Под судом, арестом, в тюрьме и в бегах	Признаваемые неблагонадежными	Вообще подлежащие удалению с военных судов
Кронштадтский порт .	15 000	234	1893	2127
Порт императора Александра II (Либавский)	500	сведения отсутствуют	343	343
Свеаборгский порт, команды миноносцев	500	37	97	193
Ревельский порт . . .	500	сведения отсутствуют	22	22
Черноморский флот . .	9000	то же	300	300
Каспийский экипаж . .	375	то же	4	4
Сибирский экипаж . .	250	то же	сведения отсутствуют	сведения отсутствуют

Автор отмечает неполноту приведенных сведений в сторону их уменьшения. Так, например, на 20 октября 1906 г. неблагонадежных значилось по Кронштадту: 1) заключенных в арестном доме — 1024 человека; 2) арестованных на Северном форту № 4 — 334 человека; 3) заключенных в следственной тюрьме — 75 человек; 4) неблагонадежных, но не бывших под судом, — 550 человек; по Либавскому порту — 250; по Ревельскому порту — 22; по Свеаборгскому порту — 90; по Севастополю и Николаеву — 500 человек.

Итак, по Кронштадтскому порту число матросов, находившихся 20 октября 1906 г. в различных местах лишения свободы, превышало в несколько раз их количество, указанное в официальных материалах Главного морского штаба. Также и число неблагонадежных в Либавском порту оказалось значительно выше сообщенного в таблице.

Определение неблагонадежности того или другого матроса на военном суде выяснялось не только на основании личных впечатлений чинов командного состава, но и на основании донесений шпионов.

Царское правительство сознавало, какую огромную опасность для него представляет революционное движение во флоте. После революции 1917 года, когда началась работа по раскрытию отвратительной и подлой деятельности шпионов царской охранки, у обнаруженных агентов политического сыска были найдены особые книжки — краткие руководства сыска среди матросов военных судов.

В этих руководствах давалась характеристика методов революционной пропаганды и рекомендовались различные способы обнаружения членов тайной организации. Сыщикам предлагалось искать пропагандистов не только среди посторонних для корабля лиц, но и среди самих матросов. Изучение шпионажа на военных судах показало наличие на каждом из них по два-три агента политического сыска и провокаторов.

Рост революционного движения матросов с 1905 года объяснялся также и фактом призыва в этот период фабричных и заводских рабочих для службы во флоте, — командиры военных судов обращали на это внимание высшего начальства.

Наиболее крупные восстания на судах и в армии сопровождались всегда прямой поддержкой их рабочими. Так было, например, во время восстания в Свеаборге. В архивном деле об этом восстании первая телеграмма, отправленная из Гельсингфорса 18 июля 1906 г. в департамент полиции, сообщала об обстреле крепости восставшей крепостной артиллерией и высказывала опасения о возможности присоединения к восставшим рабочим,

объединенных в «красную гвардию». Телеграмма объявляла положение в городе «критическим»¹. Опасения генерал-губернатора сбылись.

Финляндские рабочие примкнули к восставшим войскам, некоторые из них были схвачены полицией. Из Петербурга последовало распоряжение самого царя судить этих финляндских граждан военным судом так же, как должны были предстать перед ним задержанные солдаты и матросы. Такое повеление противоречило финляндскому законодательству и грозило вызвать новое волнение среди населения. Поэтому финляндский генерал-губернатор Герард набрался смелости и обратился к царю 22 июля 1906 г. с телеграммой. Он просил царя простить его за смелость, но этого «требуется его служебный долг». Он предупреждал царя, что предание красногвардейцев вместо финляндского суда военному чревато последствиями: «Предвидеть последствия столь неконституционной меры невозможно». Он брал на себя также смелость заверять царя, что в Финляндии общественное мнение «против красной гвардии и революционеров». Конечно, говоря об общественном мнении, этот губернатор мог говорить так только от имени финляндской буржуазии, а отнюдь не рабочих, давших своих представителей в ряды восставших. Вместе с тем генерал-губернатор заверял царя, что и финляндский суд вынесет обвиняемым рабочим-красногвардейцам суровые приговоры. Очевидно, этот представитель императорской власти в Финляндии имел в виду воздействовать в определенном направлении на судебные органы или просто был уверен, что суд финляндской буржуазии найдет должную меру при определении вины и наказания участников восстания.

На этот раз Герард, которому удалось внушить царю страх перед возможными осложнениями в Финляндии, а этот страх он сам испытывал, одержал «победу» над Столыпиным. Этот последний телеграммой от 26 июля уведомил Герарда о согласии царя на предание финляндских граждан финляндскому гражданскому суду. При этом местные власти и суды еще раз подстрекались выказать «ту деятельность и твердость, которым отвечает крайняя важность нарушенных виновными государственных, а не только местных интересов». Именно в надежде на такой исход дела «государь император соизволил разрешить не предавать военному суду задержанных в Свеаборге финляндских граждан гражданского ведомства, ожидая от финляндского суда и адми-

---

¹ ЦГИА в Москве. Дело департамента полиции, 1905, № 1877, ч. 82, «Пропаганда и брожение в войсках», О военных беспорядках в Свеаборге, Кронштадте и Ревеле (л. 33).

нистрации выполнения до конца своего долга перед престолом и Россией»¹.

Финляндская буржуазия не подвела генерал-губернатора, а финляндский суд выполнил свое обещание. Арестованные красногвардейцы в числе 81 человека были переданы финским судам, и «долголетнюю финляндскую каторжную тюрьму получил каждый из них»².

Гельсингфоргский начальник жандармского управления подчеркивал в своих донесениях командиру отдельного корпуса жандармов выдающуюся роль в восстании социал-демократической партии.

Так, в своем донесении от 28 июля он сообщал: «Появились новые прокламации военной организации Российской социал-демократической рабочей партии в Финляндии». В рапорте от 9 августа он писал: «В настоящее время почти ежедневно выходят новые и новые прокламации военной организации социал-демократической партии в Финляндии». В этом же рапорте он без всяких комментариев информировал командира отдельного корпуса жандармов о появлении в шведской и финской печати воззвания «военной организации русской социал-демократической рабочей партии в Финляндии» и т. д.³.

Работа пропагандистов социал-демократической рабочей партии была отмечена и в организации восстания в Кронштадте в 1905 году. Здесь партия развивала свою деятельность среди матросов и рабочих.

В Кронштадтском восстании приняли активное участие рабочие. Суду было предано до 3000 матросов, 200 солдат минной роты, около 100 человек саперной роты и более 80 гражданских лиц. Шпионы донесли о подготовлявшемся убийстве председателя военно-окружного суда Томашевича и коменданта Кронштадтской крепости Адлерберга во время заседания суда. Властям было сообщено, что заготовлен взрывчатый снаряд для передачи его через караульного одному из подсудимых с тем, чтобы он бросил в состав суда. Слушательница курсов привезла бомбу из Петербурга в Кронштадт, но, выданная шпионами, была арестована, а вместе с нею в тот же день было арестовано более 50 человек. Пятеро задержанных, в том числе две женщины и

¹ ЦГИА в Москве. Дело департамента полиции, 1905, № 1877, ч. 82, «Пропаганда и брожение в войсках», О военных беспорядках в Свеаборге, Кронштадте и Ревеле (л. 59).

² В. Н. Соколов, Свеаборг и Кронштадт, М., 1934, стр. 66.

³ Там же, стр. 57—59. Автор приводит подробное донесение жандармского полковника Яковлева.

трое мужчин, среди них один солдат, были 14 октября 1906 г. по приговору военно-полевого суда расстреляны на форте № 6.

В огромной группе 577 обвиняемых матросов были приговорены: 19 — к смертной казни путем расстрела, 12 — к каторжным работам на 20 лет каждый и 522 — к различным другим менее тяжким наказаниям.

§ 23. РАССТРЕЛЫ МАТРОСОВ-РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ

После Великой Октябрьской социалистической революции в печати был помещен ряд воспоминаний очевидцев о расстреле 19 матросов, осужденных по Кронштадтскому процессу. Описание одновременной казни 19 человек исполнено такого ужаса, что могло породить сомнения в его правдивости, если бы жесточайшие расправы дореволюционного офицерства с солдатами не научили нас верить в возможность самой бесчеловечной жестокости царских сатрапов. Я ссылаюсь на этот раз не на воспоминания неизвестных очевидцев, а на официальный документ, который оставался до сих пор неизвестным и впервые воспроизводится нами из секретного архивного дела. С поразительным спокойствием, а вместе с тем и с откровенным цинизмом рапортует руководитель казни своему начальству о том, как был выполнен приговор «по указу его императорского величества». Этот документ, вполне заслуживающий его дословного опубликования для всеобщего ознакомления, гласил: «Генералу от инфантерии Водару. Рапорт. Доношу о подробностях совершения казни над 19 матросами.

В четверг 21 сентября около 3 часов дня я был вызван исполняющим должность коменданта генерал-лейтенантом Адлербергом, от которого получил приказание привести в исполнение приговор над 19 осужденными матросами.

Во исполнение сего к двум с половиной часам ночи отряд, под моим начальством, сосредоточился на Петербургской пристани. В состав отряда вошли по одной роте от следующих частей: от полков лейб-гвардии Егерского, Московского и Финляндского и от 91 Двинского, 94 Кронштадтского крепостного батальона, Кронштадтской крепостной артиллерии и 18 флотского экипажа, сверх того прибыло 10 безоружных матросов-рабочих от того же экипажа.

Осужденные отправлены были на форт № 6 заблаговременно под конвоем роты лейб-гвардии Егерского полка, которые, окарауливая арестованных, в то же время составили гарнизон форта, временным комендантом которого назначен был лейб-гвардии Финляндского полка полковник Турбин.

Отряд посажен был на пароходы «Минер», «Артиллерист» и «Пушкарь». Отвалили в 3 часа и пошли за портовым пароходом, указывавшим путь между заграждениями.

Вследствие темноты, сильного ветра и крутой волны отряд подошел к форту только к 4^{1/2} час. и нашел там пароход «Ижору», на котором прибыл священник. Было совершенно темно. В ожидании рассвета отряд составил ружья, и люди по очереди находились в казармах. В 5 часов я предложил священнику напутствовать осужденных. В это время на месте казни (батальонный дворик) между столбами натянули канат на высоте пояса и приготовлено было 19 веревок для привязывания ими осужденных. Затем, отсчитав 20 шагов, я поставил флотскую роту, а остальные войска расположил шпалерами от каземата до места казни. Зарядили ружья. В 6 часов священник вышел из каземата и доложил мне, что семь осужденных отказались от напутствия и святого причастия. Вслед затем я приказал вывести осужденных. Как только они вышли, то некоторые из них, махая шапками, обратились было к войскам с какими-то словами, но речь их была заглушена дробью всех наличных барабанщиков, заблаговременно сосредоточенных мною у входа из каземата. По мере прохождения осужденных, войска поворачивались и шли в том же направлении и у места казни выстроились на три фаса, имея восточный фас открытым. Перед чтением приговора осужденные запели какие-то революционные песни, но я сказал, что если пение не прекратится, я прикажу одеть немедленно на головы мешки, и пение прекратилось. Затем священник с крестом обошел осужденных, и те же семь человек к кресту не приложились.

Прочитали приговор, и я приказал лейтенанту приступить к исполнению. После первого залпа (6 ч. 30 м. утра) все осужденные упали, но шевелились и раздавались крики и стоны, вследствие чего я приказал повторить залп. Затем из фронта матросов вызваны были унтер-офицеры, которые вместе с лейтенантом и доктором обошли казненных и пристрелили подававших еще признаки жизни. После этого принесены были мешки и рабочие уложки, в них казненных; в каждый мешок положены были камни, весом около 1^{1/2} пудов. Затем тела снесены были на пароход и под конвоем полуроты Енисейского полка отправлены для погребения в море за Толбухин маяк. Отряд вновь сел на пароходы и около 8 часов прибыл в Кронштадт»¹.

Этот рапорт полковника, распоряжавшегося исполнением казни, сообщил такие подробности, которые не были выявлены в описаниях казни, составленных со слов очевидцев этой страшной

¹ ЦГВИА в Москве, 1906, фонд 400, опись 1, дело 15 (лл. 13—14).

бойни, но в основных чертах нет противоречия между официальным донесением полковника и частными воспоминаниями. Палачи в лице командного состава придумали заменить обычные при расстрелах столбы привязыванием приговоренных к канату, «нанизав» на него всех 19 революционеров. Должно быть, это было дешевле и проще, чем устраивать целый лес из 19 столбов. В результате же получилась картина, которую не описал в своем рапорте полковник и которую мы воспроизводим со слов очевидца.

После залпа произошло нечто ужасное: одни из привязанных к канату были убиты наповал, другие лишь ранены, а третьи остались невредимыми.

«Те, которых не коснулись пули, рвались в стороны, но тщетно, так как были крепко привязаны... Стрелкам было выдано только по два патрона. Офицер, командовавший ротой, приказал выпустить по второй, последней пуле. Но стрелки, растерявшись, целились плохо, стреляли наугад. Когда, казалось, все было кончено, замерли стоны и крики, — привстал окровавленная фигура и слабым голосом говорит: «Братцы! — да как же я-то?.. Я ведь жив!»¹.

В рапорте полковника революционные песни матросов-смертников названы «какими-то песнями». Если он презрительно называл эти песни «какими-то», услышав их, может быть, первый раз в своей жизни, то они были настоящим гимном революции, под звуки которого мужественно отдавали свою жизнь пролетарии-матросы за грядущую победу народа.

Мужественная смерть матросов не могла не повлиять на их товарищей. Она надолго осталась в памяти флота. Еще через четыре года, в 1910 году, среди матросов ходило по рукам стихотворение под заглавием «Царские гости». В нем рассказывалось, что потопленные трупы расстрелянных матросов прибило волнами к берегу против царской дачи «Александрия». Стихотворение, несомненно, должно было поднимать у матросов их революционное настроение и закрепляло в их памяти кровавую расправу царизма с их товарищами. Воспроизводим из этого стихотворения несколько строк.

Трупы блуждают в морской ширине,
Волны несут их зеленые...
Связаны руки локтями к спине,
Лица покрыты мешками смолеными...

¹ С. П. Лукашевич, Казнь 19 кронштадтских матросов в 1906 г., «Красный флот» 1923 г. № 3, стр. 120—121. Описание этой казни дал также писатель А. С. Новиков-Прибой, Соч., т. 1, 1950; см. рассказ «Бойня», стр. 105—111.

Черною кровью запачкан мундир...
 Это — матросы кронштадтские.
 Сердца им пули пробили солдатские,
 В воду их бросить велел командир...
 Там над водою спокойно красуется
 Царский дворец — Петергоф.
 Где же ты, царь? Покажись, выходи
 К нам из-под крепкой охраны!
 Видишь, какие кровавые раны
 В каждой зияют груди?

Далее в последующих строках стихотворения передана картина прихода в спальню царя расстрелянных матросов; и стихотворение кончается строками:

Трупы плывут через Финский залив,
 Серым туманом повитый.
 Царь Николай, выходи на призыв
 С мертвой беседовать свитой¹.

Казнь девятнадцати матросов и последующее утопление их трупов, героическое поведение матросов перед смертью и, может быть, тот факт, что была ужасна форма казни, произвел глубокое впечатление во флоте, но не то, которого хотело бы правительство. Показателем глубокого сочувствия к жертвам белого террора явились наряду с приведенным стихотворением и другие стихи, как, например, «Море в ярости стонало»:

Море в ярости стонало,
 Волны бешено рвались.
 Волны знали, море знало,
 Что спускалось тихо вниз.
 Там в мешках лежат защиты
 Трупы юных моряков:
 Были пред зарей убиты
 Девятнадцать удалцов.
 Море видело: косою
 Шли спокойно моряки
 С песней звучной боевою
 Вкруг солдатские штыки...
 Братья братьев привязали
 Крепко крепко к столбам...
 Братья братьев расстреляли...
 Ужас веял по волнам.

¹ Это стихотворение воспроизведено полностью в названной статье С. П. Лукашевича, который привел и другое, помещенное нами в тексте стихотворение Рывкина из «Кронштадтских известий» 13 октября 1918 г. № 218. Стихотворение «Море в ярости стонало» сделалось революционной песней матросов. Оно перепечатано с приложением музыкального текста в сборнике «Песни каторги и ссылки», изд. Общества политкаторжан, М., 1930, стр. 92—94. См. также об этом гимне М. С. Друскин, Революционные песни 1905 года, Л., 1936, стр. 51.

Небо сразу побледнело,
 Люди торопились скрыть
 Ими сделанное дело —
 Трупы в море опустить.
     Чтобы жертвы их не всплыли
     На трепещущих волнах,
     Люди с трупами зашили
     Камни тяжкие в мешках...
 Море в ярости стонало,
 Волны бешено рвались.
 Волны знали, море знало,
 Что спускалось тихо вниз.

Окрестности Кронштадта стали для царского правительства местом казни матросов, солдат и некоторых гражданских лиц. По приговору военно-полевого суда 20 июля 1906 г. в Кронштадте были казнены семь солдат минной роты.

Комендант крепости Адлерберг, заставив этих минеров рыть себе перед казнью могилу, издеваясь над ними, говорил: «Копайте, копайте, копайте! Вы хотели, ребята, земли, так вот вам земля, а волю найдете на небесах!...»¹

7 августа 1906 г. в 3 час. 45 мин. утра в Кронштадте на площадке у форта «Константин» были расстреляны еще семь человек минной роты.

Распоряжавшееся казнью начальство доносило, что часть приговоренных отказалась от напутствия священника. Они успели крикнуть: «Долой самодержавие, смерть палачам!»²

Здесь уместно воспроизвести содержание одного документа, связанного с возложением на солдат и матросов обязанностей палачей при расстреле их товарищей по военной службе. Не может быть никакого сомнения, что исполнение таких обязанностей было очень тяжким для тех, кто назначался для этого. Показателем этого явилось сообщение начальника Кронштадтского жандармского управления директору департамента полиции от 27 июля 1906 г. До сведения этого жандарма дошло получение командиром 2-го Кронштадтского крепостного батальона письма, автор которого не без тревоги спрашивал командира, законно ли и согласно ли присяге поступили солдаты 2-го Кронштадтского крепостного батальона, расстреляв минеров. Командир прочел письмо перед солдатами, но автор письма не был выявлен³. Оче-

¹ Н. Ольшанский, Кронштадтское восстание 1906 г., «Красная летопись», 1922, стр. 199.

² ЦГИА в Москве. Дело департамента полиции, 1905, № 1877, ч. 2, «Пропаганда и брожение в войсках» (л. 181).

³ Тот же архив, то же дело (л. 109).

видно, анонимное письмо было сообщено командиром солдатам как проявление политической неблагонадежности. Самое же содержание его и адресование командиру полка свидетельствовало о тяжелом переживании отправителя в связи с его участием в расстреле.

Это учитывало и само высшее командование, но не для того, чтобы избавить матросов и солдат от обязанностей палачей. Наоборот, оно с каким-то садизмом отдавало свои приказы о расстрелах матросами и солдатами их товарищей по оружию. До каких невероятных размеров доходила в таких случаях гнусность командного состава, начиная с главнокомандующего, великого князя, показывает следующий документ:

«Ревельскому временному военному генерал-губернатору.

По соглашению с Морским министром его императорское высочество, главнокомандующий приказал вашему превосходительству по окончании суда над мятежными матросами крейсера «Память Азова» принять к руководству следующие указания:

1. Тех мятежников, которых суд приговорит к смертной казни, по конфирмации таковых капитаном 1-го ранга Бостремом, расстрелять на указанном Морским министром острове Карлос. Приговоренных доставить туда под сильным пехотным конвоем ночью, когда замрет городская уличная жизнь, а самый приговор привести в исполнение на рассвете.

Для расстреливания назначить матросов того же крейсера «Память Азова» из числа приговоренных к другим наказаниям¹.

Место казни должно быть оцеплено вышеупомянутым конвоем с трех сторон силою, примерно, в батальон, причем, если матросы, назначенные для приведения в исполнение приговора, отказались бы, то эта пехотная часть должна заставить выполнить возложенную на них задачу силою оружия.

Место казни тщательно оцепить и вообще принять все меры, чтобы ни на самом острове Карлос, ни поблизости не было никаких посторонних лиц.

Тела расстрелянных похоронить на том же острове или предать морю, по усмотрению морского начальства, с тем, чтобы необходимые для сего рабочие были назначены из числа матросов крейсера «Память Азова», приговоренных к другим наказаниям.

Место погребения надлежит тщательно сравнять.

Рассчитать время так, чтобы известие о смертном приговоре и приведение его в исполнение стало общеизвестным уже тогда, когда все кончено и все прочие осужденные уже отправлены в Кронштадт.

¹ Или других матросов по соглашению с контр-адмиралом Вульфом.

О том, когда и сколько матросов казнено — донести телеграммой.

2. Из состава эскадры капитана 1-го ранга Бострема, а в особенности из состава сохранивших верность присяге команды крейсера «Память Азова» — никого ни к какому участию в экзекуции не привлекать.

3. Тех мятежников крайсера «Память Азова», которые будут приговорены к различным другим наказаниям, отправить немедленно по приведении смертной казни в исполнение на особом транспортном судне в Кронштадт под конвоем роты от вверенных вам войск и сдать их там в распоряжение коменданта крепости. Подписал: окружной генерал-квартирмейстер свиты его величества генерал-майор Раух»¹.

Этот приказ был одним из проявлений продуманного произвола и необузданной жестокости «его императорского высочества» и всех его адмиралов.

Суровые приговоры по делу кронштадтского восстания и по делам других восстаний во флоте были бессильны подавить революционное движение во флоте. Мы уже видели, как бесстрашно шли на смерть матросы. Показателем их настроения являются их письма, опубликованные в печати. Не известно, сколько этих писем смертников-матросов дошло по назначению. В архивном деле мы нашли указание на составление матросами с крейсера «Память Азова» предсмертных писем. Эстляндское жандармское управление уведомило департамент полиции о своем затруднении переправить эти письма пятнадцати матросов по назначению ввиду того, что в них содержались «нежелательные фразы». Но ввиду нахождения в письмах завещательных распоряжений по хозяйству жандармское управление препровождало означенные письма «на зависящее» распоряжение департамента полиции. Последний подверг письма цензуре, вычеркнул недопустимые, по его мнению, фразы и разрешил отправку писем четырнадцати матросов адресатам. Одно же письмо было признано, «по общей предосудительности содержания, не подлежащим вовсе отправлению». Осталась неизвестной судьба писем трех матросов. Они вручили их священнику, а он, как сообщало жандармское управление, не передал их ни жандармам, ни полицмейстеру².

¹ ЦГВИА в Москве. Фонд 11, опись 1, дело 8661 (лл. 9, оборот, и 12). Я не воспроизвел вторую половину этого приказа, так как она относится к определению условий перевозки осужденных матросов в Кронштадт после казни их товарищей.

Этот же документ воспроизведен в книге «Военные восстания в Балтике в 1905—1906 гг.», стр. 308—309.

² ЦГИА в Москве. Дело департамента полиции, 1905, № 1877, ч. 2, «Пропаганда и брожение в войсках» (лл. 184, 185).

Конечно, для истории революционного движения матросов особый интерес представляют именно зачеркнутые фразы, признанные департаментом полиции «нежелательными». Возможно, они сообщали или о революционном настроении матросов, или об их оценке военно-судебной расправы.

Письма матросов, написанные ими в последние минуты перед казнью, свидетельствуют нередко о бодрости их духа, но вместе с тем, конечно, эти предсмертные слова молодежи, обращенные к родителям и другим членам их семей, не могли не отразить на себе тяжести переживаний перед разлукой навсегда с теми, кого они любили.

Сделавшиеся известными письма казненных матросов напоминают своим содержанием письма смертников в очерке В. Г. Короленко «Бытовое явление». Они то трогают своей задушевной простотой, своими словами, идущими от сердца, то громко звучат призывом к продолжению борьбы за великое правое дело. Именно эта, последняя сторона в письмах казненных интересует нас в настоящее время. Нас в данную минуту влечет к себе политический мотив «в последних словах казненных», прозвучавших как их завещание последующим призывникам в царскую армию и флот. Они прозвучали именно как завещание, и завещание было выполнено. Коротко и торопливо писал матрос Тимофей Глебо. Вот несколько строк из этого письма: «Дорогие родители, отец, мать, братья... простите меня за мой поступок, если вы его сочтете преступным, но я его не считаю преступным... я надеюсь, что после нас недолго останется царствовать этим хищным зверям — царю и его помощникам... Прощайте! Сын ваш Тимофей Глебо».

Из письма матроса Николая Комарницкого от 18 сентября 1906 г.: «Скоро, скоро поведут нас на казнь, последние часы доживаем, но много еще в экипажах оставили мы крамолы, но не вернуть убийце утерянной власти!..»

Из письма квартирмейстера 5-го экипажа артиллерии А. Д. Кукарцева от 17 сентября 1906 г.: «Здравствуйте! Последнее мое прощальное письмо, а я иду на смертную казнь через расстрел. Я пошел не один — нас пошло 19 человек. Я погибаю за народное дело, мы добивались свободы всего народа, который страдает всю жизнь, как и вы»¹.

В различных выражениях авторы писем говорят об одном и том же. Они говорят о своей правоте, о бесстрашной готовности отдать свою жизнь «за свободу всего народа», за избавление его от эксплуататоров в лице «хищных зверей — царя и его

¹ С. П. Лукашевич, Казнь 19 кронштадтских матросов в 1906 г., «Красный флот» 1923 г., № 3, стр. 122, 124.

помощников». Какой уверенностью в близкой победе дышат слова матроса об оставленной во флоте «крамоле» и о том, что «убийце не вернуть утерянной власти».

Эти письма раскрывают перед нами психологию революционеров и становятся понятными их торжествующие крики «ура», с которыми они падали под пулями расстрела. Это было «ура» солдат, идущих победоносно в атаку на приступ, царизма и уверенных, что смерть их положит конец страданиям народа.

По этому случаю вспоминаются яркие слова В. И. Ленина: «Но посмотрите на характер военных волнений, на требования солдат. Попробуйте взглянуть на солдат, идущих под расстрел за «неповиновение», — как на живых людей с самостоятельными интересами, как на часть народа, как на выразителей назревших нужд известных классов нашего общества»¹. Ленин подчеркивал, что солдаты, которые были «всею ближе к наименее развитому политически крестьянству» и которые подвергались «сплошному забиванию, оупению, муштровке со стороны начальства», выставляли политические требования, идущие «неизмеримо дальше» программ буржуазных партий.

§ 24. СОЛДАТЫ ЭЛЕКТРОТЕХНИЧЕСКОЙ РОТЫ В ПЕТРОПАВЛОВСКОЙ КРЕПОСТИ И СУД НАД НИМИ

Из многих процессов, рассмотренных Петербургским военным окружным судом в период 1900—1917 гг., самым крупным по числу обвиняемых, которые содержались в Петропавловской крепости, было дело по обвинению солдат электротехнической роты в 1905—1906 гг.

14 ноября 1905 г. внутрь стен этой крепости были введены 143 солдата электротехнической роты. Они были без оружия, но их конвоировал с заряженными ружьями целый батальон лейб-гвардии Павловского полка. Солдат ввели в ту самую крепость, которая была известна как суровая государственная тюрьма.

Такого массового одновременного поступления узников в крепость история не знала уже в течение восьмидесяти лет. Последний раз перед этим казематы крепости были заполнены нижними чинами — участниками восстания декабристов в 1825 году. Тогда солдаты шли за революционными офицерами и вместе с ними. Теперь, в 1905 году, они вошли в крепость одни, сплоченной солдатской массой. Если их конвоировали их же товарищи в серых

¹ Ленин, Соч., т. 11, стр. 68.

солдатских шинелях, то это еще не означало, что между арестованными солдатами и их конвоирами лежала глубокая пропасть розни. И в самом деле, через двенадцать лет этот же самый гвардейский Павловский полк вышел из казарм и встал на сторону революции.

Выступление электротехнической роты, превратившее солдат этой роты в узников крепости, не было столь многозначительным, как выступление солдат-декабристов в 1825 году, но оно было более сознательным актом его участников. Его особое значение заключается в том, что оно было предвестником начинавшегося массового революционного движения в войсках самой столицы. В глазах царизма оно было симптомом разложения воинской дисциплины. Оно было предвестником угрозы нарушения «святости» присяги на верность государю. Вот почему высшее командование отнеслось к коллективному выступлению солдат так серьезно. Недаром главнокомандующий войсками Петербургского военного округа великий князь Николай, когда ему сообщили о тяжелом санитарном положении заключенных в крепости и об их заболеваниях, наложил резолюцию: «Собакам — собачья смерть. Николай»¹. Такая резолюция была наложена на сообщении о кошмарных условиях размещения солдат в крепости. За недостатком мест в Трубецком бастионе и в Екатерининской куртине для такого большого числа государственных преступников 143 солдата электротехнической роты были загнаны в манеж. Здесь, по словам одного из бывших заключенных, автора воспоминаний о процессе электротехнической роты, узники были лишены элементарных условий человеческого существования.

Общая камера с железными решетками на окнах представляла собой темную и сырую комнату с асфальтовым полом. Из-за тесноты заключенные не могли спать на спине, им приходилось лежать на боку. Развелась масса насекомых, распространилась цынга, началась экзема. При гласном рассмотрении дела в военно-окружном суде выяснились все эти условия пребывания узников в месте их заточения. Корреспондент, присутствовавший на заседании, напечатал в своем отчете: «Условия их пребывания там можно назвать прямо бесчеловечными. Как оказалось, они помещались там в сыром, мало топившемся сарае, спали на сырой, никогда почти не менявшейся соломе. В результате некоторые нижние чины получили жестокий ревматизм, последствия которого останутся на всю жизнь»². Среди подсудимых были даже

¹ Полукетов, 1905 год в казармах крепости и тюрьме, Сборник воспоминаний из эпохи первой революции, «По тюрьмам», 1925.

² «Право» 1906 г. № 4, Судебная хроника, С.-Петербургский окружной суд (беспорядки среди войск), стр. 358—359.

такие больные, которые не могли стоять на ногах. Эти условия тюремного заключения удивительно напоминают условия пребывания в крепости солдат Семеновского полка, возмущившегося в 1820 году¹. За восемьдесят пять лет отношение тюремной администрации крепости к арестантам из числа солдат не улучшилось. За эти долгие годы стены крепостных помещений пропитались сыростью еще более. Антисанитарное состояние помещения привело к тому, что два месяца заключения сделали калеками людей, загнанных сюда здоровыми и сильными. Так же было и с солдатами возмущившегося Семеновского полка.

Было еще одно сходство в участи «семеновцев» и солдат электротехнической роты — жестокой была расправа военного суда с теми и другими. Семеновцев присудили к шпицрутенам и к лишению свободы. Военный суд лишил свободы многих осужденных электротехников, направив часть из них в дисциплинарные батальоны. В этих ротах был самый суровый режим, допускавший даже и телесные наказания².

Не легок был режим и в электротехнической школе. Показателем суровости этого режима служат те строки обвинительного акта, в которых дается характеристика обвиняемых и сообщаются сведения о наложенных на них дисциплинарных взысканиях. Наложённые на некоторых обвиняемых взыскания исчислялись многими десятками. Так, например, один был наказан 55 раз, другой 48 раз, третий 34 раза и т. д. Только 22 солдата избежали наказаний, а 104 подверглись им³. Кроме того, среди обвиняемых были разжалованные за неисправимо дурное поведение, за дерзость начальству.

¹ См. М. Н. Гернет. История царской тюрьмы, 1951, т. 1, § 27.

² При поисках архивных материалов в Военно-историческом архиве мне встретилось дело, обрисовывавшее режим одной из дисциплинарных рот, а именно Архангельского дисциплинарного флотского экипажа. За 1908 год в этом дисциплинарном экипаже перебивало 700 осужденных, из которых за отчетный год 415 человек подверглись дисциплинарному наказанию. На них было наложено 644 наказания. В этом числе, несмотря на то, что это был восьмой год XX века, 10 человек были подвергнуты позорным телесным наказаниям: двое — по 15 ударов, семеро — по 30 ударов, и один — 50 ударов. К 87 заключенным был применен 116 раз строгий арест, к 108 — 155 раз усиленный арест и т. д. Филиал ЦГАВМФ в Ленинграде, 1909, ф. 936, № 175, дело Архангельского дисциплинарного флотского экипажа. Дисциплинарные взыскания нижних чинов (л. 10, оборот).

К сожалению, наша литература до настоящего времени еще не обратила внимания на изучение истории дисциплинарных батальонов царизма по интереснейшим материалам бывших царских архивов, раскрытых Великой Октябрьской социалистической революцией.

³ Филиал ЦГИА в Ленинграде, Петербургский окружной суд, фонд 545, 1906, № 847, ч. III, «О 126 нижних чинах роты военной электротехнической школы».

Огромное число дисциплинарно наказанных среди солдат электротехнической роты служит показателем сурового режима в электротехнической школе. Следует припомнить, что возмущение роты имело место в революционный 1905 год. Бывший участник волнений в этой школе писал в своих воспоминаниях, что «9 января 1905 г. заставило нас глубже заглянуть в окружающее, и мы, электротехники, решили связаться с революционными работниками». Такая связь, как мы увидим ниже, была указана и в обвинительном акте.

Признание одного из солдат, привлеченных к суду, о влиянии на него и товарищей, свидетелей событий «кровавого воскресенья», приобретает особое значение. Оно является конкретным фактом революционизирующего влияния 9 января 1905 г., т. е. знаменательным фактом из бесчисленного множества таких же фактов того времени, отмеченных в истории революционного движения в виде открытых выступлений. Эти выступления происходили больше всего на фабриках и заводах, меньше среди крестьянства, и уже начинались в армии и флоте. В данном случае характерна та смычка, которая проявлялась между рабочими электротехнических станций и солдатами электротехнической роты: солдаты отказывались заменять на работе забастовавших рабочих.

Брожение среди солдат роты началось еще летом 1905 года, когда солдаты-электротехники находились в лагерях под Кронштадтом. Как нередко бывало при волнении в той или другой воинской части, они начали с выражения недовольства пищей. Почти все солдаты роты вылили на землю полученные ими щи из очень кислой капусты. На предложение начальника роты недовольным выступить на два шага из шеренги рота вся целиком сделала два шага вперед. Школа вернулась из лагерей в Петербург осенью, когда там происходили забастовки рабочих, в том числе и на электрических станциях. Начальство пыталось пустить в ход электрические станции при содействии солдат электротехнической роты. Солдаты отнеслись к этому очень отрицательно. Обвинительный акт ставил в вину одному из подсудимых отказ от такой работы. При этом указывалось, что он собрал около себя большую толпу народа и говорил, что его заставляют работать против воли, а надо было бы помочь кронштадтцам, которым грозит расстрел. Арестованный офицером, он махал руками перед его лицом, говорил о тяжелых условиях жизни солдат и грозил, что «будет время, и они покажут себя».

Инкриминируемые события начались в роте с 12 ноября 1905 г. Вернувшись с парада, солдаты прочли в газетах сообщение о требованиях артиллерийской бригады города Гродно

к военному начальству и решили предъявить требования и со своей стороны. В результате коллективного обсуждения был выработан 31 пункт «требований» нижних чинов электротехнической роты. Воспроизводим их по обвинительному акту:

«1) Человеческое обращение на «вы». 2) Сокращение срока службы. 3) Свободное увольнение со двора. 4) Свободное посещение солдатами театров и пр. 5) Пользование отпуском во всякое время года не менее месяца и каждого без исключения. 6) Бесплатный проезд и с сохранением содержания за время отпуска. 7) Свободный допуск книг в казармы. 8) Выписка на казенный счет газет и журналов. 9) Свободный допуск в библиотеки, общественные и частные. 10) Немедленное увольнение в запас всех выслуживших установленный срок. 11) Пособие каждому запасному при увольнении его в запас. 12) Увеличение жалования. 13) Улучшение пищи. 14) Немедленное введение чайного довольства (чай, сахар). 15) Отдельный прибор посуды для каждого нижнего чина. 16) Улучшение одежды. 17) Постельное белье. 18) Казенная стирка белья. 19) Бесплатная доставка солдатских писем. 20) Удаление унтер-офицера Хрящева. 21) Своевременная выдача жалования, собственных денег и посылок. 22) Уничтожение обысков. 23) Увольнение в церковь без команды, за исключением парада. 24) Удаление работ для полицейских надобностей. 25) Хозработы только для себя, а не для офицерских квартир. 26) При увольнении в запас, чтобы давался свой срок. 27) Освобождение рядового Белусова. 28) Свобода собраний в казармах. 29) Уничтожение уличных работ. 30) Увольнение немедленно в отпуск по болезни и смерти родных и родственников. 31) Ведение ротного хозяйства самой ротой».

Таковы были требования солдат царской армии, за предъявление которых солдаты электротехнической роты сначала заполнили казематы Петропавловской крепости, а потом пошли на разные сроки в дисциплинарные роты и в тюрьмы. В дело завоеваний Великой Октябрьской социалистической революции вложила свою крупницу и солдаты-узники Петропавловской крепости.

Электротехнической роте не сразу удалось передать свои требования по начальству. Попытки солдат иметь объяснение с командным составом закончились 14 ноября. Обманно командир роты пригласил ее в третий этаж для беседы с высшим начальством. В действительности же это была «военная хитрость». Когда солдаты поднялись в третий этаж, призванный батальон Павловского полка захватил по приказу командира полка винтовки электротехников. Безоружные солдаты были выведены во двор казармы и здесь арестованы. Впрочем, арест не произошел спойно, хотя командир Павловского полка и пригрозил, что «кто

двинется — на месте будет приколот штыком». Один солдат за дерзость и за угрозы кулаком за спиной капитана был удален из строя и отправлен в карцер. По приговору суда он получил четыре года каторжных работ.

Как мы уже знаем, военная электротехническая рота была заключена в Петропавловскую крепость. Здесь не все заключенные пробыли одинаковые сроки. Они охранялись в «манеже» внешней и внутренней стражей. Среди них делались обыски. Комендант крепости сообщил военному следователю о нахождении, между прочим, в присланных для солдат шинелях двух прокламаций петербургского Совета рабочих депутатов. При обыске 4 января 1906 г. этот же комендант снова получил «добычу»: он нашел какое-то стихотворение противоправительственного содержания — «Финский нож». Очевидно, солдаты имели в своем распоряжении противоправительственную литературу. Командир Павловского полка сообщал в своем рапорте, что при аресте роты из окон казарм выбрасывались какие-то листки¹.

Военно-окружному суду было предано 126 человек. Ко времени суда в Петропавловской крепости оставалось 55 человек, в комендантском управлении — двое и 69 находились под надзором начальства в помещении самой школы. Из общего числа обвиняемых большинство было мещане (61 человек) и крестьяне (51 человек). Заседания суда происходили 17—20 января 1906 г. в помещении самой школы. Обвинение было предъявлено 122 человекам по ч. 2 ст. 111, ч. 2 ст. 171 и ст. 75. Кроме того, некоторые солдаты обвинялись по ч. 2 ст. 108 и ч. 2 ст. 97, по ст.ст. 112 и 110, по ст.ст. 112 и 105, один — по ч. 2 ст. 97 и ст. 106 тома XXII Свода военных постановлений 1896 года.

Военный суд довольствовался совсем немногим для признания подсудимых виновными. Из отчета о процессе видно, чем руководствовались офицеры, относя того или другого обвиняемого к зачинщикам и агитаторам. Так, например, один из свидетелей называл подсудимого агитатором только на том основании, что обвиняемый высказал офицеру свое удивление, что на службе к нему обращаются на «ты», тогда как до службы его называли на «вы». Другой свидетель признал перед военным судом подсудимого человеком крайних убеждений только на том основании, что этот подсудимый спрашивал свидетеля: «почему министры и генералы, мало работающие, получают тысячи, а рабочие и

---

¹ ЦГВИА в Москве. Штаба войск гвардии и Петербургского военного округа, Военно-судное управление, фонд 11, опись 1, № 8595, «О беспорядках в военно-электротехнической школе» (л. 1).

нижние чины гроши?»¹. Такие офицеры были плоть от плоти, кость от кости самого состава военного суда, который вынес приговор солдатам, напугавшим правительство своим коллективным выступлением.

Военно-окружной суд признал обвиняемых виновными:

1) «В том, что в первой половине ноября 1905 года в казарменном расположении своей части они сообща, с целью добиться освобождения арестованного рядового Белоусова, удаления унтер-офицера Хрящева, немедленного увольнения в запас всех выслуживших установленный срок и вообще улучшения материального положения нижних чинов военной электротехнической школы, составили ряд заявлений, всего 31 пункт, каковые заявления изложены письменно без подписи, причем заявления от нестроевой команды не имели заголовка, а от электротехнической роты были озаглавлены: «Требования нижних чинов роты военной электротехнической школы, составлено 14 ноября 1905 г.»

2) В том, что они, кроме Багненко, без разрешения построились, вызвали через фельдфебеля командующего ротой, передали ему через ефрейтора Овощникова означенные требования, и Овощников заявил, «что рота не отступится от этих требований».

3) Белоусов был признан виновным во всех уже описанных нами действиях, а именно: в отказе от работы, агитации среди народа, дерзком обращении к офицеру и об угрозе, что настанет время, когда солдаты покажут себя.

4) Розанов был признан виновным также в уже описанных нами действиях (грозил кулаком за спиной капитана, сопротивлялся при аресте).

5) Журковский виновен в том, что, собрав менее шести человек чинов воздухоплавательного парка, «призывал их силой освободить арестованных электротехнической роты».

Подсудимые, признанные виновными в «составлении и предъявлении заявления, имевшем вредные последствия для службы», были приговорены: 38 человек в дисциплинарные батальоны от одного года до трех лет, 45 человек — в военную тюрьму от одного до четырех месяцев, 22 человека — подвергнуты дисциплинарным взысканиям. Несколько солдат было приговорено к нескольким годам дисциплинарного батальона и к каторжной тюрьме.

В отношении тринадцати осужденных военный суд отказался изменить меры пресечения, оставив двоих из них под арестом

---

¹ «Право» 1906 г. № 4, Судебная хроника, С.-Петербургский окружной суд (беспорядки среди войск), стр. 358—359.

в комендантском управлении и направив одиннадцать опять в Петропавловскую крепость. Здесь их продержали в прежних условиях, которые судебный отчет о заседании военно-окружного суда назвал «бесчеловечными».

§ 25. МАТРОСЫ В ТРУБЕЦКОМ БАСТИОНЕ В 1911—1912 ГОДАХ И ПРОЦЕСС 1912 ГОДА

Подъем революционного движения в России в период 1912—1914 гг. сказался также и на матросах. Из последующего нашего изложения можно будет видеть, что матросы военного флота набирались в значительной степени из числа фабричных и заводских рабочих, и командование военно-морского флота видело в этом факте одну из причин успешного распространения революционной пропаганды во флоте. В то самое время, когда после ленских расстрелов с поразительной быстротой возрастали политические стачки рабочих и организовывались демонстрации с революционными лозунгами, а среди крестьян происходили волнения, не могли остаться безучастными ко всему этому и матросы. Те из них, которые были призваны во флот с заводов и фабрик, были подготовлены большевистской агитацией к активным выступлениям против царизма. Но и те матросы, которые были призваны на службу из крестьян, не походили на своих предшественников в первый период революции: революционное настроение крестьянства сделало огромный шаг вперед. Подъем революционного движения рабочих и крестьян выразался и в том, что оно ставило своей задачей не какие-либо реформы, а освобождение народа от царизма. Руководители большевистской партии придавали огромное значение агитации среди солдат и матросов. В. И. Ленин учил: «Только *соединенный* натиск рабочих масс, крестьянства и лучшей части армии может создать условия *победоносного*, т. е. *своевременного* восстания»¹.

Усилившееся революционное движение во флоте отразилось на количестве узников — матросов в Трубецком бастионе в 1911 и 1912 годах.

В 1911 году в Петропавловскую крепость были заключены матросы, арестованные жандармами на различных военных кораблях Балтийского флота, и притом количество арестованных на каждом из военно-морских судов определялось весьма различными цифрами. Аресты заподозренных матросов были произведены одновременно. А увозу с военных судов арестованных

¹ Ленин, Соч., т. 18, стр. 212.

матросов предшествовали тщательные обыски не только у заподозренных чинов судовой команды, но и вообще в отдельных помещениях корабля. Такие обыски принимали характер массовой облавы на судах Балтийского флота. В отдельных случаях они приводили к результатам, доказывавшим, что военно-революционная пропаганда не только проникла в царский флот, но и укрепилась на отдельных судах. Число арестованных матросов в 1912 году значительно превзошло количество захваченных в 1911 году.

Большое число матросов, заключенных в 1911 и 1912 годах в Петропавловскую крепость, лишь в некоторой степени является показателем произведенных в эти годы массовых арестов во флоте. На многих судах в это время были раскрыты революционные организации, связанные между собой общим делом подготовки восстания.

Аресты моряков в 1911 и 1912 гг. явились результатом очень развитой к этому времени на морских судах политической слежки.

Иван Егоров, автор статьи «Материалы о революционном движении во флоте в 1910—1911 гг.», широко использовал в своей работе секретные материалы охранного отделения, жандармского управления и департамента полиции. Ему удалось использовать донесения секретных агентов и военно-морского начальства целого ряда кораблей. В донесениях было названо очень большое число фамилий матросов, кочегаров, унтер-офицеров, минеров и др., заподозренных как участники революционного движения.

Следует отметить, что в донесениях не один раз упоминалось имя крейсера «Аврора». Так, например, 15 августа 1910 г. директору департамента полиции доносилось, что на линейных кораблях «Цесаревич» и «Слава», на крейсерах «Россия», «Рюрик», «Аврора», «Двина», «Паллада» и в минном отряде ведется революционная пропаганда. Центром пропаганды является «Аврора». «Аврора» имела сношение со всеми судами Балтийского флота, находясь с ними в организационной связи¹.

На революционное настроение матросов «Авроры» указывал морскому министру адмиралу Воеводскому товарищ министра внутренних дел генерал Курлов, прося его обратить свое внимание на это судно ввиду его чрезвычайного положения среди всех остальных судов флота.

Секретный агент доносил 30 сентября о пропаганде среди юнг на крейсере «Аврора» в целях склонения матросов к забастовке

---

¹ И. Егоров, Материалы о революционном движении 1910—1911 г., «Красная летопись» 1922 г. № 5, стр. 383.

и возбуждения недовольства их по отношению к офицерскому составу.

10 октября на крейсере «Аврора» был арестован матрос, у которого обнаружили переписку партийного характера.

Интересно донесение 4 июля 1911 г. командира «Авроры» капитана 1-го ранга о том, что «надеяться на порядок не приходится, пока будут набираться команды из бывших рабочих. Раньше набор производился из землепашцев».

Мы сознательно привели эти выдержки лишь относительно крейсера «Аврора», хотя в донесениях упоминались имена многих других военных судов. Нам хотелось отметить революционное прошлое «Авроры» еще за несколько лет до ее выступления в октябре 1917 года против Зимнего дворца.

Имя «Авроры» заняло почетное место и в 1911 году, когда было начато расследование революционной организации на нескольких судах. Это дело носит название «О революционной организации среди матросов учебного судна «Двина»¹. Под таким скромным названием скрыто очень крупное революционное движение в Балтийском флоте.

Можно сказать, что учебное судно «Двина» было названо в заголовке дел департамента полиции, так сказать, для краткости. В действительности же революционная организация охватила матросов многих военных судов. Из обвинительного акта видно, что члены организации были на четырнадцать судах. Названия этих судов, матросы которых, рискуя жизнью, смело становились участниками задуманного грандиозного выступления, должны остаться в памяти истории советского флота.

В перечне названий военных судов мы выдвинем на первое место имя крейсера, вписанное в историю Великой Октябрьской социалистической революции. Это имя — «Аврора». Таким образом, повторяем, еще за пять-шесть лет до выступления «Авроры» у Зимнего дворца этот крейсер готовился к восстанию.

Вот названия судов, перечисленных в обвинительном акте: «Аврора», «Двина», «Николаев», «Рюрик», «Цесаревич», «Адмирал Корнилов», «Слава», «Андрей Первозванный», «Император Павел I», «Паллада», «Богатырь», «Адмирал Макаров», «Громобой», «Баян».

Обвинительный акт отмечал возникновение тайной организации на перечисленных военных судах в разное время, начиная с осени 1910 года. Здесь велась противоправительственная

¹ ЦГИА в Москве. Фонд департамента полиции, 7 делопроизводство, 1911, дело № 597, т. 6, «О революционной организации среди матросов учебного судна «Двина».

пропаганда, устраивались матросами с различных судов совместные тайные собрания, собирались деньги на приобретение литературы и на устройство задуманной собственной тайной типографии. Предполагалось занятие Кронштадта и намечалась установка трех кораблей так, чтобы они держали под своим обстрелом весь путь из Петербурга к Кронштадту, и тем самым не допустили занятия Кронштадта правительством. После этого революционные матросы считали возможным диктовать свои требования правительству.

Как сообщается в материалах департамента полиции, восстание намечалось на 1912—1913 гг., но некоторые участники образовавшейся военной организации требовали выступления в 1911 году.

Заговор был раскрыт при попытках матросов собирать необходимый материал для оборудования типографии. Когда для матросов стало очевидным предстоящее раскрытие их начинания, было постановлено, чтобы два главных организатора бежали с учебного судна «Двина». Однако один из них был пойман.

Аресты и заключение матросов в Петропавловскую крепость начались весной 1911 года.

О пребывании этих матросов в Петропавловской крепости так же, как и их товарищей, перебывавших в крепости в другие годы, сведений до нас почти не дошло. Архивные дела Трубецкого бастиона по большей части сообщают сведения лишь о времени прибытия и выбытия этих заключенных и место, куда они были переведены. Некоторые указания на условия пребывания матросов в Трубецком бастионе мы нашли в названном нами архивном деле о военной организации на «Двине». Хотя эти сведения исходили лишь от одного из заключенных, но они показательны и для характеристики настроения других матросов, объединенных общим делом революционной борьбы. Я имею в виду письмо, написанное узником — матросом Беловым к его брату и не пропущенное жандармской цензурой. Я имею также в виду заявление этого матроса, написанное им прокурору С.-Петербургской судебной палаты, и объявленную им голодовку.

Белов писал своему брату под впечатлением своего негодования на слишком продолжительное производство предварительного следствия и на долговременное содержание его в крепости, где, видимо, он не отличался «благонравным поведением»¹. Он иронически писал брату: «Да, Костя, я теперь вполне убедился экспериментальным путем, что у нас суд скорый и милостивый...

---

¹ Напомним, что так же длительно велось следствие и над другими матросами — узниками бастиона.

Два раза я изволил в темном карцере студиться. Первый раз за то, что разговаривал, а второй раз за то, что не разговаривал»¹.

Тема официального заявления Белова прокурору та же самая, что и в письме к его брату, т. е. жалоба на медлительность предварительного следствия, но тон из иронического стал саркастическим, негодующим или, на официальном языке, «дерзким». Матрос с полной откровенностью писал представителю царского правосудия из своего каземата: «Если у Вас не в обычае выпускать живых из крепости, то следовало бы объявить об этом... Но мне-то гораздо выгоднее скорее освободиться от ваших мер, способов, уклонений, пресечений, ухищрений, стыдливо прикрывающих пытку»². У этого матроса терпение истощалось, и от слов своего смелого протеста он перешел к делу. Он объявил 4 июня 1912 г. голодовку. Должно быть, все это на сей раз действовало, и Белов был переведен из Трубецкого бастиона на девять дней раньше, чем некоторые его товарищи по процессу. Впрочем, его перевели не как их — в Дом предварительного заключения, а в Петербургскую одиночную тюрьму.

Наконец, настали дни суда. Перед военно-морским судом в С.-Петербурге 22—24 июля 1912 г. предстали пятьдесят девять обвиняемых. Это были исключительно снятые с военных кораблей матросы, минные машинисты, унтер-офицеры, кочегары, минеры, электрик, санитар, фельдшер. Военный суд распределил осужденных по степени их виновности на семь степеней или категорий.

На первом месте оказались четырнадцать обвиняемых, признанных виновными в участии в сообществе, заведомо поставившем целью своей деятельности «изменение существующего» общественного строя в государстве. Наказанием для осужденных этой группы явились каторжные работы на срок от четырех до четырех с половиной лет. Наивысший срок каторжных работ в четыре с половиной года был назначен четверем подсудимым. Среди них на первом месте назван был тот военно-морской фельдшер Коломейцев, который играл выдающуюся роль организатора и который по решению товарищей-матросов бежал с корабля, но был пойман и осужден также и за дезертирство. Остальные трое, приговоренные на четыре с половиной года каждый, оказались бывшими узниками Петропавловской крепости. В числе осужденных первой группы был уже известный нам по его письмам

---

¹ ЦГИА в Москве. Фонд департамента полиции, 7 делопроизводство, 1911, дело № 597, т. 6, «О революционной организации среди матросов учебного судна «Двина» (л. 33).

² Тот же архив, то же дело (л. 43).

к брату и прокурору матрос Белов. Кроме участия в революционном сообществе, он был признан еще виновным в подговоре матросов к неповиновению начальству.

Ко второй категории были отнесены осужденные, признанные виновными в распространении сочинений, возбуждающих к учинению бунтовщического деяния и ниспровержению существующего в России общественного строя. К третьей категории относились осужденные за распространение сочинений, возбуждающих к неповиновению законным распоряжениям власти.

В четвертую категорию были отнесены узники, обвиняемые в доставлении средств преступному сообществу, поставившему целью своей деятельности «изменение существующего» общественного строя в государстве.

Пятая группа занимает второе место по численности отнесенных в нее осужденных. В нее вошли восемь матросов, признанные виновными в хранении «преступных сочинений», но без цели их распространения.

Осужденным по шестой группе было поставлено в вину заочное оскорбление царя и наследника престола.

Наконец, к седьмой группе были отнесены уже включенные в первую группу фельдшер Коломейцев и матрос Белов, осужденные дополнительно за дезертирство и подговор к неповиновению начальству.

Так, десятки матросов — участников подготовлявшегося восстания флота, осужденные по процессу пятидесяти девяти, пошли на каторгу и в различные места лишения свободы. Те из них, которые перенесли тягости предварительного заключения в Трубецком бастионе, в основной массе пошли на каторгу. Трудящиеся массы освободили их в феврале 1917 года.

§ 26. ДЕЛО 1913 ГОДА О ПЯТИДЕСЯТИ ДВУХ МАТРОСАХ, ОБВИНЯЕМЫХ ЗА УЧАСТИЕ В ВОССТАНИИ

Как было указано выше, военно-морской суд в С.-Петербурге справился с 59 моряками 22—24 июня 1912 г. К этому времени четырнадцать казематов Трубецкого бастиона освободились от занимавших их матросов. Однако эти камеры почти совсем не пустовали. Военно-морское министерство и министерство внутренних дел уже заблаговременно готовили новую смену узников-матросов в Петропавловскую крепость.

По мере приближения к концу следствия по делу 59 матросов развевалось новое следствие по делу о подготовке восстания

на военных судах Балтийского флота. По этому процессу на скамью подсудимых было посажено 52 матроса и 22 из них были заключены в одиночные камеры Трубецкого бастиона. Сюда были заключены лишь те из матросов, которые привлекли к себе особое внимание жандармерии и судебной-следственной власти, остальные же арестованные были размещены по другим тюрьмам Петербурга (Дом предварительного заключения, одиночная тюрьма и др.).

Заполнение камер Трубецкого бастиона этими арестованными матросами произошло не в один день, а растянулось на несколько месяцев, захватив промежуток времени между 2 июня 1912 г. и 12 февраля 1913 г., т. е. более чем восемь месяцев. Наибольший «улов» выпал у жандармерии на 12 июля 1912 г. В этот день одиночные камеры Трубецкого бастиона поглотили почти половину всех арестованных.

С.-Петербургское жандармское управление было осведомлено через своих секретных сотрудников о том, что, несмотря на многочисленные аресты матросов на многих кораблях и невзирая на заканчивавшееся следствие о предании суду 59 матросов, на военных судах шло глухое брожение и не прекращались разговоры о восстании. Тайные агенты, в том числе также и провокаторы, доносили жандармам о готовности матросов перейти от слов к делу, о стремлении их ускорить революционные выступления на военных судах.

Решило ускорить свое «наступление» и жандармское управление. Уже 20 апреля 1912 г. оно представило военно-морскому начальству два списка с фамилиями матросов. При представлении одного из этих списков предлагалось произвести обыски у 47 намеченных матросов и арестовать их по результатам обыска. В другой список было занесено 86 человек как неблагонадежных.

Представляет интерес то, что руководство политическим сыском, требуя, по его выражению, «ликвидации» обнаруженной революционной организации, указывало и на условия развития таких организаций на военно-морских судах. Впрочем, оно указывало их не в первый раз. Оно подчеркивало, что набор молодых людей для отбывания военной службы на кораблях производится по большей части из числа фабрично-заводской молодежи, которая уже была сагитирована революционными организациями. «Поступив во флот и встретя многих единомышленников, матросы эти продолжают между собою вести разговоры на революционные темы, читают нелегальные издания»¹.

¹ ЦГАВМФ в Ленинграде. Главное Военно-морское судное управление, 1915. фонд 407, дело 399, «Суда особой комиссии о 31 нижнем чине линей-

Еще подробнее остановилось охранное отделение на выяснении условий развития революционной пропаганды среди матросов в его сообщении прокурору от 25 апреля 1912 г. о произведенных им арестах. На этот раз оно указывало не только на вербовку матросов среди специалистов-техников, зараженных пропагандой, но и на понесенные флотом поражения в войне с Японией, на тяжелые условия службы во флоте, на общение матросов с эмигрантами во время заграничных плаваний, на распространение среди них нелегальной литературы.

Департамент полиции сетовал на невозможность производить расправу с военными служащими в административном порядке, без суда. Военно-морское начальство помещало неблагонадежных матросов на дисциплинарное судно «Грозный», где уже нет свободных вакансий, или списывало их с корабля для службы в других местах. Поэтому вице-адмирал Эссен просил изъять матросов в судебном порядке. Это давало возможность отправить их в тюрьмы, в ссылку, на поселение, на каторгу.

Первые аресты были произведены в ночь с 24 на 25 апреля 1912 г. На «Рюрике» было арестовано четырнадцать человек, на «Цесаревиче» — семь, частных лиц — пять человек; на кораблях «Андрей Первозванный», «Петр Великий», «Богатырь», «Африка» и 1-го Балтийского экипажа — двенадцать матросов.

В предшествующих томах «Истории царской тюрьмы» я на нескольких примерах показал подлинную сущность правосудия царизма, не останавливавшегося ни перед чем, и даже перед подлогом для расправы с его политическими врагами. В судебном деле пятидесяти двух матросов раскрылась роль департамента полиции по созданию этого грандиозного процесса. Для этого были использованы два платных провокатора.

Имеющееся в наших руках архивное дело департамента полиции содержит чрезвычайно интересные документы в виде секретных докладов Губонина, делопроизводителя этого департамента, его директору о судебных заседаниях по процессу пятидесяти двух матросов 15—22 июня 1913 г. Конечно, это дело рассматривалось при закрытых дверях и никакие сведения о нем не могли проникнуть в печать. В данном случае проникновение в печать таких сведений было особенно нежелательным для администрации, так как раскрывалось не только революционное движение во флоте, но и гнуснейшая роль провокации. Об этом и пришлось означенному делопроизводителю подробно писать директору департамента.

ного корабля «Петропавловск». Поражения на полях сражения заставили верховное командование снизить наказания при конфирмации этого приговора.

Представшие на суде в 1913 году матросы были выданы провокаторами и шпионами и арестованы не только 24—25 апреля, но и в июле 1912 года. Историк революционного движения в царском флоте генерал-майор С. Ф. Найда определил число арестованных «нижних чинов» на Балтике с апреля 1912 года по июнь 1913 года крупной цифрой в 700 человек¹. Мы уже знаем, что большое число матросов было арестовано и заключено в Петропавловскую крепость, кроме апреля, еще и в июле 1912 года. Эти аресты не остановили революционной работы оставшихся на свободе матросов-большевиков. Отмечая это, только что названный нами автор напоминает интересный факт отправки после апрельских арестов революционерами Балтики своего представителя к В. И. Ленину в Париж. Об этом В. И. Ленин писал Максиму Горькому на остров Капри: «А в Балтийском флоте кипит! У меня был в Париже (между нами) специальный делегат, посланный собранием матросов и социал-демократов. Организации нет, — просто плакать хочется!! Ежели есть у Вас офицерские связи, надо все усилия употребить, чтобы что-либо наладить. Настроение у матросов боевое, но могут опять все зря погибнуть»².

Показателем того, насколько твердо и решительно было революционное настроение матросов, является ряд фактов. Многочисленные аресты, произведенные на судах в ночь на 25 апреля 1912 г., не только не ослабили готовности к восстанию, но как будто еще сильнее ее укрепили. Если матросам не удалось осуществить восстание 25 апреля, то на новых их сходках они перенесли его в ночь с 10 на 11 июля 1912 г. Революционную решимость не могли сломить у арестованных матросов обычные приемы допросов на дознании. Показателем этого, между прочим, явилась перехваченная записка одного из заключенных Трубецкого бастиона к другому.

Комендант крепости переслал в департамент полиции записку одного из матросов, навернутую им на спичку и брошенную на дорожке тюремного дворика во время прогулки. Матрос сообщил своим товарищам об угрозе ему на допросе генерала виселицей. Угроза его не напугала, и он лишь выражал сожаление, что на веревке рядом с ним не будет висеть генерал. Он писал: «Мне уже было сказано генералом вчера, что я буду повешен, хотя он ничего не спрашивал, а спросил, за что

---

¹ С. Ф. Найда, Революционное движение в царском флоте 1825—1917 гг., М. — Л., 1948 (см. гл. VII «Подготовка восстания в Балтийском флоте в 1912 г.»).

² Ленин, Соч., т. 35, стр. 30.

арестован, на что я сказал, что не знаю за что. Он затопал ногами и сказал, что повесит, шея выдержит. Жалею, что не вместе. Камера № 41 моя».

О революционном настроении не каких-нибудь отдельных матросов, но всей матросской массы говорил и обвинительный акт. В нем приводился, между прочим, следующий факт. Мимо линейного корабля с выстроенными на нем матросами проплывала императорская яхта «Штандарт» с царем и генералитетом.

Команда на бортах «Павла I» очень вяло кричала «ура». Составитель обвинительного акта со скрытым негодованием записал и те последствия, которыми сопровождалось такое недвусмысленное выражение совсем не верноподданнических чувств. В обвинительном акте записано: «несмотря на приказание кричать громче, многие едва мычали, а некоторые совсем молчали»¹.

Вместо громового «ура» это «мычание и молчание» матросов перед лицом самого всероссийского «повелителя» было таким для него приветственным салютом, который был оглушительнее пальбы из десятков пушек. Впрочем, в обвинительном акте ставилось в вину подсудимым не это их молчание, а составление ими тайной организации в целях восстания против «существующего государственного строя», для достижения чего предполагалось перебить офицеров, завладеть оружием и флотом. Участники революционной организации были разбиты в целях конспирации на десятки. Производились сборы на приобретение революционной литературы и вооружения. Для обсуждения плана восстания матросы собирались на сходки на берегу и устраивали тайные собрания на кораблях.

В материалах Трубецкого бастиона все 22 моряка — узника крепости, обвинявшиеся по процессу 52-х, были названы матросами. Найденный нами обвинительный приговор по этому делу позволил нам выяснить, как разнообразны были на военных судах специальности всех 52-х обвиняемых. Мы насчитали 12 различных профессий, к которым принадлежали эти моряки. На первом месте по численности стояли матросы — 17 человек. Затем в нисходящем порядке следовали: машинистов — 7, электриков — 5, минных машинистов и минеров, кочегаров, командиров, гальванеров — по 4 в каждой группе, минеров-электриков

---

¹ ЦГИА в Москве. Дело департамента полиции, 7 делопроизводство, 1912, № 801, т. 2, т. 5, «По наблюдению за формальным дознанием о революционной организации, образовавшейся среди матросов Балтийского флота» (л. 169).

и рулевых унтер-офицеров — по 2 человека, телеграфный унтер-офицер, артиллерийский унтер-офицер, сигнальщик — по одному человеку.

Эти сведения показывают, что революционное движение сосредоточивалось не в какой-нибудь одной группе моряков, объединенных между собою одной и той же специальностью. Нет, оно захватывало всех матросов корабля, объединяя их общностью интересов революционного движения.

Их объединяло также и одинаковое их социальное происхождение. Среди них не было ни одного дворянина, 49 из них были из крестьян, 3 — из мещан. К сожалению, в обвинительном приговоре не даны сведения о предшествующей профессии этих матросов до их зачисления на военную службу, но напомним жалобы военного начальства и охранного отделения на вербовку для службы во флоте рабочих с фабрик и заводов.

Всех обвиняемых объединял и их молодой возраст: 31 человек из них к моменту ареста были в возрасте 24—25 лет. Таким образом, это были люди, уже не первый год испытывавшие на себе тяжесть военно-морской службы на судах царского флота, а вместе с тем переживавшие 1905—1906 революционные годы в том молодом возрасте, который чутко воспринимал призывы к объединению пролетариев в борьбе с существовавшим социально-политическим строем.

Уже цитированный нами секретный доклад о ходе судебного разбирательства, описывавший провал провокации, спешил успокоить начальника департамента полиции. Он дословно сообщал: «временные члены суда из строевых офицеров относятся к обвиняемым с нескрываемым недоброжелательством».

Если полицейский чиновник отмечает «нескрываемое недоброжелательство» военных судей по отношению к обвиняемым в зале суда, то можно представить себе, во что вылилось это недоброжелательство за дверями совещательной комнаты.

Интересен состав тех свидетелей, показания которых были положены в основу обвинительного приговора. Автор истории революционного движения во флоте отметил, что среди двадцати девяти свидетелей были: провокатор, начальник петербургского охранного отделения, два шпиона охранки, два предателя, содержательница притона, шесть офицеров флота и другие, им подобные. Свидетели же — боцманы, унтер-офицеры и матросы не только не выдавали подсудимых, но, сочувствуя им, пытались всячески их выгородить¹.

¹ С. Ф. Найдя, Революционное движение в царском флоте 1825—1917 гг., М. — Л., 1948, стр. 461.

Военно-морской суд признал двадцать одного обвиняемого виновными в явном подстрекательстве к восстанию по п. «б» ст.ст. 109—112 Военно-морского устава и приговорил их к смертной казни, с заменой ее по манифесту 1913 года каторжными работами на двадцать лет и с уменьшением этого наказания на разные сроки.

Преступления остальных осужденных были квалифицированы как соглашение противодействовать начальству, отчего мог произойти вред для службы, т. е. по второй части п. «б» ст. 111 и ст. 74 Военно-морского устава. По применению манифеста 1913 года подсудимые были приговорены: четверо к каторжным работам на четыре года восемь месяцев и двое на три года четыре месяца. Второстепенные участники были приговорены в арестантские отделения от двух лет до шести месяцев¹.

Следует подчеркнуть, что среди приговоренных к смертной казни узники Трубецкого бастиона составляли большинство, а именно — их оказалось тринадцать человек. Этот факт подтверждает наше предположение, что органы политического сыска и дознания отбирали для отправки в Петропавловскую крепость преимущественно тех, кто играл более крупную роль в раскрытом революционном сообществе или в противоправительственной организации.

Матросы, осужденные по процессу 1913 года, пошли в центральные каторжные тюрьмы, на каторгу в Сибирь и в тюрьмы европейской России. В этих местах заключения они встретили товарищей-моряков, осужденных по предшествующим процессам о восстаниях во флоте. Нередко они получали в местах заключения дальнейшее воспитание в деле служения народу.

Здесь позволительно привести справку С. Ф. Найды об этих участниках процесса 1913 года. Он говорит о них, что «они стали активными участниками героической борьбы нашего народа против помещиков, капиталистов и интервентов. Некоторые из них пали смертью храбрых в годы гражданской войны и борьбы с интервентами. Карпова и Нечаева расстреляли в 1919 году мамонтовцы. Роговского замучили белогвардейцы в Киеве. Щука погиб в боях на Черниговщине, Комиссаров —

---

¹ ЦГИА в Москве. Дело департамента полиции, 7 делопроизводство, 1912, № 801, т. 2, т. 5, «По наблюдению за формальным дознанием о революционной организации, образовавшейся среди матросов Балтийского флота». Наказания, назначенные осужденным матросам, доказывают, что военно-морской суд признал в них опасных врагов царизма, так как назначил им особенно суровые меры репрессии. Что касается применения манифеста, то такое применение не зависело от усмотрения суда, а было для него обязательным.

в Одессе и т. д. Оставшиеся в живых стали активными строителями социалистического государства¹.

Осужденные в 1913 году по процессу пятидесяти двух матросов не были последними узниками Петропавловской крепости по процессу о массовом восстании. Флот давал своих представителей в казематы крепости до последнего дня существования в России царизма.

§ 27. ПОСЛЕДНИЕ УЗНИКИ-МАТРОСЫ В КРЕПОСТИ ПО ПРОЦЕССУ 1916 ГОДА

Последними узниками Трубецкого бастиона из числа матросов были арестованные в 1916 году члены партии большевиков.

Не следует думать, что за два года, истекшие со времени военного суда над узниками 1913 года, в царском флоте все было спокойно. Там были частые волнения, а иногда и настоящие бури. Если участники этих событий во флоте не попадали в 1914 и 1915 гг. в одиночные камеры Трубецкого бастиона, то для них находились места в других тюрьмах.

Ко всем прежним условиям, развивавшим революционное настроение матросов, прибавилось за эти годы и еще одно новое условие — поражения на суше и на море, которые несли в первую мировую войну от немцев русские войска под командой бездарных генералов и адмиралов. В частности, некоторые из волнений во флоте вызывались недоверием матросов к их командирам, среди которых многие имели немецкие фамилии. Не прекращалось грубое обхождение офицеров с подчиненными им нижними чинами.

Все это подтверждается многочисленными донесениями и докладами жандармских управлений и охранных отделений как высшему военно-морскому начальству, так и руководящим чинам департамента полиции. Так, например, дело департамента полиции 1914 года за №№ 238, 288 «Наблюдение за настроением чинов Балтийского военного флота»² изобилует указаниями на факты недовольства матросов своим положением на кораблях, на факты их выражений недоверия к командному составу, особенно с немецкими фамилиями, их оскорбленного патриотизма при поражениях русской армии и русского флота.

¹ С. Ф. На й д а, Революционное движение в царском флоте 1825—1917 гг., М. — Л., 1948, стр. 464.

² ЦГИА в Москве. Департамент полиции, 9 делопроизводство, 1914, № 288, б. ф.

В этих донесениях жандармов и охранников начали звучать и новые мотивы, ранее не звучавшие. Не переставая отмечать рост революционных настроений среди матросов, жандармские управления оказались вынужденными силой сложившихся обстоятельств отмечать и причины недовольства моряков на кораблях флота. Так, например, начальник Эстляндского губернского жандармского управления 8 октября 1914 г. сообщал о недовольстве матросов и рабочих, занятых постройкой порта на острове Карлос, инженером Кесслером и техником Лемке. Оба они: «враждебно относятся к русским рабочим, стремясь создать немецкую группу, русского языка не признают, изъясняясь на последнем только в исключительных случаях». Лемке называл русских рабочих «свиньями», грозя заменить их немцами и эстонцами¹.

О грубом обхождении офицеров с матросами сообщал и начальник Кронштадтского жандармского управления (30 октября 1914 г.). Он отмечал брожение среди команды на судне «Севастополь», мичман которого «обычно» звал матросов «подлецами и сволочами». Агентура с этого корабля доносила разговоры матросов о том, «что во флоте никогда не будет ничего хорошего до той поры, пока офицеры не будут видеть в матросе человека...»²

Тот же жандарм сообщал агентурные сведения с корабля «Петропавловск» о побоях фельдфебелем матроса, о недовольстве матросов на корабле «Гангут», где офицер, будто бы немецкого происхождения, назначает к орудиям неопытных наводчиков из запаса, а не таких, которые имеют даже отличие за стрельбу³.

О своем недовольстве матросы царского флота доводили до сведения своего начальства не только в форме массовых, но и единоличных выступлений. Нам попался в архиве документ, направленный начальнику главного морского штаба за подписью «предсказатель». Содержание этого письма, написанного, по видимому, группой матросов, заставляет предполагать, что его авторы были не фабрично-заводские рабочие, а крестьяне, оторванные от земли призывом на военную службу. Автор анонимного заявления совсем не грамотей, но пишет с глубоким сознанием всей несправедливости своего положения на корабле и всего крестьянства на земле. Стоит привести из этого «письменного протеста» хотя бы некоторые его места.

Анонимный автор писал: «Здравствуйте. Во-первых, вот что,

¹ ЦГИА в Москве. Департамент полиции, 9 делопроизводство, 1914. № 288, фонд 102, опись 5 (лл. 2—3).

² Тот же архив, то же дело (л. 15).

³ Тот же архив, то же дело (лл. 29, 104, оборот).

извините, что мы вам так плохо написали на такой бумаге, потому что наша нужда.

Доносим вашему высокопревосходительству, что командир наш Стронский отобрал наши последние грошики, которые нам должны выдать за усиленную пищу; а он нам дает в неделю один раз по 1 фунту белого хлеба и все мы заявляли сколько раз и на это нету ничего, а только всячески обругают хуже чем мужика. Имейте в виду, если у вас не будет бунта через это. А потом еще должны выдавать деньги за осадное положение. Обратите внимание на ваше не очень красивое распоряжение, которое вы выдумали: те люди, которые хорошо и так обеспечены, а вы им еще валите даром наши кровавые копейки, какие-то подъемные, харчевые, суточные. Они жалованье и то даром получают... Вы этим только костер разжигаете, ну и начинает уже понемногу гореть. Вот, вот вспыхнет и это все за ваши хорошие дела-порядки. Ты обрати внимание, а мы чем виноваты, если нас забрала да еще побросали все свое богатство в поле на божью волю, которое все и погнило в поле, а все-таки нам не дали подъемные и суточные, как господам кондукторам и т. д. Ваши дармоеды, лентяи мало того, что им даром жалованье платят, а еще подъемные. Это ведь кровь нашу пьете, ну и теперь приходится с Вами обратно поступать как в 1905 году... Идет у вас война и это может пособить немцу неприятелю, а вся команда этим не дорожит при таких порядках зверских мало того да и то буде сюда притащили, а тут и последнюю копейку и той никак не дают наверно женам на хвосты — шляпы. Да еще обратите внимание у нас много идут домой по каким-либо обстоятельствам и этот кейзер Стронский этих людей совсем обирает догола, так что приходится многим идти нагишом, а он еще над ними всячески ругается... Наша команда вся наготове потребовать все что нужно, а потом будет поздно, когда вспыхнет мятеж. Усмирять будет некому, да и не будет никто. Просим вас еще, если можете, пособить нам; нашим родителям совсем не платят никакого пособия, а только всячески ругают, как и Стронский. Просим вас об этом, если можете, похлопотать. Это тоже может много вредить еще больше, потому что наши родители не виноваты, если у них угнали всех сыновей, им надо кормиться чем-нибудь, а там какой-нибудь урядник, старшина, староста над ними издевается, да свои карманы набивает теми деньгами, которые им полагаются, а они их за подати отбирают. Если хотите удержать порядок, то думайте об этом раньше. А если будете платить кондукторам-шкурам деньги, то тоже будет иметь большое влияние»¹.

¹ ЦГИА в Москве. Департамент полиции, 9 делопроизводство, 1914, № 288, фонд 102, опись 5 (л. 98, оборот).

Когда перечитываешь это письмо, то так и представляешь себе его автора — бескозырка и белая с синим воротником «форменка», которая не скрыла деревенского парня, оторванного от земли, на которой, как он пишет, гниют брошенные в поле труды его рук, где его отец и мать во власти «урядника и старшины»... Здесь, на корабле, в тесном общении с матросами-товарищами, взятыми с заводов и фабрик, идет его революционное воспитание. Не один раз мы отмечали жалобы морских офицеров и жандармских управлений на вербовку в военно-морскую службу рабочих с заводов и фабрик, потому что они уже «распропагандированы» революционерами. Так, рядом с революционером-матросом, бывшим заводским рабочим, теперь вставал революционер-матрос из числа землепашцев.

Негодую на корабельные беспорядки, на обворовывание командиром корабля всей матросской массы, он вспоминает произвол и воровство урядников и старшин в его родной деревне. При таком союзе фабрики и деревни угроза этого анонимного автора «бунтом и мятежом» становилась реальной. Он подписал свое заявление словом «предсказатель». Он не оказался лжепророком. Но то, что он называл «мятежом и бунтом», стало революцией.

Прежде чем вспомнить последних узников из числа матросов, заключенных в Петропавловскую крепость, вспомним два крупных процесса военно-морского суда 1915 года. Первый из них связан с кораблем, который был тезкой Петропавловской крепости, так как носил имя «Петропавловск». Здесь несколько десятков матросов отказались исполнить приказ начальства «разойтись», когда они коллективно предъявили свои требования. В июле 1915 года 31 из них был предан суду и приговорен в дисциплинарный батальон на сроки от одного года шести месяцев до четырех лет¹.

Более грозный характер носили волнения в том же 1915 году на линейном корабле «Гангут». Они произошли 19 и 20 октября, когда ближайшим поводом для взрыва долго накапливавшегося напряжения послужила выдача матросам на ужин вместо макарон каши. Постепенно растущее недовольство среди матросов вызывалось, между прочим, оскорблением их патриотизма победами немцев. Матросы сетовали на военно-морской командный состав, среди которого были офицеры с немецкими фамилиями и в том числе ненавистный матросам барон Фитингоф.

---

¹ ЦГАВМФ в Ленинграде. Главное Военно-морское судное управление, 1915, фонд 407, дело 399, «Суда особой комиссии о 31 нижнем чине линейного корабля «Петропавловск». Поражения на полях сражения заставили верховное командование снизить наказания при конфирмации этого приговора.

Матросы объясняли поражение нашей армии на суше недостаточной активностью русского флота. Беспорядки вылились в бурное выступление, когда в офицеров полетели поленья, каменный уголь, железные болты и пр.

Участниками этого выступления явились матросы в количестве 350 человек. Уже через месяц, 27 ноября, военно-морской прокурор кронштадтского военно-морского суда сделал представление главному морскому прокурору о предании суду 34 матросов с линейного корабля «Гангут».

21 декабря 1915 г. последовала резолюция кронштадтского военно-морского суда. Матросы были признаны виновными в явном восстании, и суд приговорил двоих из общего числа осужденных к смертной казни, четырех — к каторжным работам на 15 лет, двоих — к каторжным работам на 14 лет, десятиерых — на 10 лет каждого, пять человек — на 8 лет, троих — на 4 года и восемь человек были оправданы¹.

На линейном корабле «Гангут» была большевистская организация. Ведя революционную пропаганду, большевики на этом корабле проводили тактику, общую с организациями большевистской партии на других кораблях, а именно подготавливали матросов к общему выступлению, удерживая их от разрозненных выступлений. Но трудно было сдержать на «Гангуте» накопившуюся революционную энергию².

События на «Гангуте» нашли живейший отклик и на других военных судах. В частности, матросы с крейсера «Рюрик» отказались конвоировать арестованных товарищей с «Гангута». На «Рюрике» были арестованы и преданы суду 42 матроса, из которых 27—30 марта 1916 г. были приговорены: трое к смертной казни, три человека к каторге и 34 человека в дисциплинарный батальон³.

Почти ровно за месяц до этого приговора, а именно 26 и 27 февраля 1916 г., в казематы Петропавловской крепости были

¹ ЦГАВМФ в Ленинграде. Главное Военно-морское судное управление, 1915, опись 407, № 391, «О беспорядках на линейном корабле «Гангут».

² См. подробности о восстании на корабле «Гангут» в книге С. Ф. На й д а, Революционное движение в царском флоте 1825—1917 гг., М.—Л., 1918, стр. 509—520. Приговоренным к смертной казни Ваганову и Янцевичу смертная казнь была заменена каторжными работами. В общей сложности 26 осужденных матросов получили 256 лет каторжных работ.

³ С. Ф. На й д а, Революционное движение в царском флоте 1825—1917 гг., М.—Л., 1948, стр. 520. Приговоренным к казни она была заменена пожизненными каторжными работами.

заключены пять матросов. Общее же число обвиняемых матросов определилось в 19 человек.

Использованное мною архивное дело о суде над 19 матросами представляет собою особый интерес¹. Приговор над 19 матросами, вошедший в законную силу 4 ноября и приведенный в исполнение 8 ноября 1916 г., явился как бы заключительным аккордом военно-морского суда в расправе царизма с революционным движением во флоте. Через год, 7 ноября 1917 г., произошла Великая Октябрьская социалистическая революция.

Еще в сентябре 1915 года секретные агенты с различных кораблей Балтийского флота доносили начальнику Кронштадтского городского жандармского управления об усилении социал-демократической пропаганды среди матросов. Они сообщали, что эти пропагандисты стремятся «насадить во флоте возможно большее число своих сторонников», а когда «наступит время для сведения счетов с правительством», морские команды будут достаточно распропагандированы, чтобы «не стать слепым орудием в руках правительства против народа»². По словам агентов, такая пропаганда поднимала настроение команд. Секретные агенты при этом добавляли, что «немало волновали матросов и случаи бестактного обращения с ними офицеров немецкого происхождения». Агенты сообщали о возникновении на судах матросских коллективов, руководимых комитетом большевистской партии. Однако пропагандисты всеми силами старались удержать матросов от разрозненных выступлений.

Сыщики выделяли в своих донесениях и отдельных матросов, называя руководителями и тех из них, которые скоро стали узниками Трубецкого бастиона. Следует подчеркнуть, что и в этот период секретная агентура продолжала отмечать выдающийся по своей организованности коллектив матросов на крейсере «Аврора», игравший главенствующую роль³.

С особой яркостью в этом судебном процессе большой важности проявилась огромная роль большевистской пропаганды в царском флоте. Сам обвинительный акт отмечал это. В своей описательной части обвинительный акт указывал на постоянное

¹ ЦГИА в Москве, Дело департамента полиции, 6 делопроизводство, 1916, № 600. «О революционной организации среди матросов на линейных кораблях «Император Павел I», «Император Александр II» и «Цесаревич».

² ЦГАВМФ в Ленинграде. Главное Военно-морское судное управление, 1916, опись 407, № 471, «О возникшей в конце 1915 года среди матросов Балтийского флота военной организации Петербургского комитета Российской социал-демократической партии» (л. 3).

³ Тот же архив, то же дело (лл. 4—5).

возрастание волнений на военно-морских судах под влиянием пропаганды большевиков. Ведя свою пропаганду, большевистская партия действительно предупреждала матросов от разрозненных выступлений.

Показателем быстрого разрастания революционного движения под влиянием разъяснительной, пропагандистской работы большевиков явился тот факт, что 19 матросов, преданных военноморскому суду, были арестованы на 12 военно-морских судах: крейсере «Россия», линейном корабле «Петропавловск», тральщике «Фита», линейном корабле «Цесаревич», в учебно-артиллерийском отряде, на линейном корабле «Император Павел I», линейном корабле «Полтава», линейном корабле «Гангут», тральщике «Взрыв», линейном корабле «Император Александр III», крейсере «Диана».

В обвинительном акте указывается, что в Петербурге большевиками было намечено совместное выступление рабочих, матросов и солдат в одиннадцатую годовщину «кровавого воскресенья», а именно 9 января 1916 г.

Так, в знаменательный день начала русской революции призывались к совместному выступлению с рабочими солдаты, которые за одиннадцать лет перед этим еще не решались быть на стороне пролетариата. Обвинительный акт воспроизводил прокламацию большевиков, в которой рабочие и солдаты читали: «Товарищи-солдаты. Не пора ли задуматься над вопросом, чтобы самим положить конец этой бессмысленной бойне. Не пора ли сознать, что тирания деспотов-царей опирается на невежество народных масс и солдатские штыки. Не пора ли обернуть эти штыки против угнетателей народа — помещиков, буржуазии, насилия царизма. Организуйте ротные, батальонные дружины, приговляйте товарищей на борьбу с царским самодержавием и кровожадно-хищными капиталистами». Прокламация заканчивалась призывом: «Да здравствует революционное объединение солдат и рабочих! Долой царское самодержавие! Да здравствует демократическая республика! Да здравствует конфискация земель!»¹.

Эта прокламация большевиков, этот призыв солдат к прекращению войны и к восстанию были одним из многочисленных приемов тактики большевиков, которые отмечаются в Кратком курсе истории нашей партии: «Большую работу развернули

---

¹ ЦГИА в Москве. Дело департамента полиции, 6 делопроизводство, 1916, № 600, «О революционной организации среди матросов на линейных кораблях «Император Павел I», «Император Александр III» и «Цесаревич» (л. 221).

большевики также в армии и флоте. Они разъясняли массам солдат и матросов, кто виноват в неслыханных ужасах войны и страданиях народа, разъясняли, что революция — единственный выход для народа из империалистической бойни. Большевики создавали ячейки в армии и флоте, на фронте и в тыловых частях, распространяли листовки с призывом против войны»¹.

Обвинение против арестованных в 1916 году матросов было сформулировано по ч. 1 ст. 102 Уголовного уложения. Они обвинялись за участие в преступном сообществе, организованном на кораблях и «положившем в основание своей деятельности программу петроградского комитета Российской социал-демократической рабочей партии с целью добиться насильственным путем окончания настоящей войны, чтобы затем, при поддержке армии и рабочего класса, созвать учредительное собрание, для ниспровержения установленного в государстве основными законами образа правления и замены его демократической республикой».

Для нас не представляет интереса выяснение роли каждого из обвиняемых по этому делу. Достаточно сказать, что все они были связаны между собой их сочувствием к программе партии большевиков. Характерно, что при обысках у обвиняемых жандармы находили исключительно агитационную литературу РСДРП(б)². Это показывает, что революционное движение в царском флоте в годы перед революцией 1917 года росло и крепло на почве вступления матросов в ряды большевистской партии или во всяком случае на базе преимущественного сочувствия моряков именно этой партии.

Петроградский пролетариат мощно выступил на защиту обвиняемых матросов. Перед началом заседаний военно-морского суда петроградский комитет партии большевиков выпустил воззвание к рабочим, солдатам и матросам. Прокламация, распространенная в большом количестве по фабрикам и заводам и отвечавшая настроениям широких масс, имела огромный успех. Десятки заводов, фабрик, типографий, более чем с сотней тысяч рабочих, дружно провели политическую забастовку. Это их голос

¹ История ВКП(б), Краткий курс, стр. 165.

² ЦГИА в Москве. Департамент полиции, 9 делопроизводство, 1915, № 4027, «Об исследовании политической благонадежности матросов Ивана Сладкова и Степана Ерохина». Из этого дела, например, видно, что у обвиняемого с корабля «Император Александр III» матроса Сладкова были найдены разные воззвания и брошюры издания РСДРП(б), а у другого обвиняемого — Ерохина, машиниста с корабля «Цесаревич» было обнаружено 55 прокламаций РСДРП(б). Оба эти матроса были заключены в Трубечкой бастион и провели здесь до суда каждый по восьми месяцев.

заглушал громовую речь прокурора. Это они, пролетарии столицы, вырвали из рук членов военно-морского суда, из лап тюремщиков и палачей своих братьев, товарищей-матросов.

Названная нами прокламация РСДРП(б) помечена 26 октября 1916 г. Экземпляр ее хранится в одной из витрин Ленинградского Центрального военно-морского музея. В ее тексте читаем, между прочим, следующие строки призыва к рабочим: «Товарищи рабочие! 26 октября состоится суд над теми из наших товарищей-матросов, кто захотел включить свои силы в революционное движение рабочего класса. Им осмеливаются угрожать смертью за то, что они в душных казармах сохранили ясность революционного сознания... царский суд хочет из матросов сделать преступников, но для нас они останутся примерами...». Далее прокламация говорит о жестокости расправы царских судов, особенно, когда «к ним в руки попадают матросы и солдаты». Рабочие приглашались к массовой забастовке протеста против суда над матросами и против применения к ним жестокой репрессии. Прокламация заканчивалась следующими призывами: «Долой суд насильников! Долой смертную казнь! Да здравствует стачка протеста! Да здравствует единение революционного пролетариата с революционной армией»¹.

Так, рабочие призывались к единоборству с военно-морской юстицией царизма в защиту матросов. Аппарат этой юстиции, начинавший свои приговоры обычной формулой: «по указу его императорского величества», на этот раз не посмел применить смертную казнь ни к кому из подсудимых матросов.

Приговор военно-морского суда от 26 октября — 1 ноября 1916 г. был не совсем обычным. Из общего числа обвиняемых были осуждены лишь четверо, а остальные оправданы за недостатком улик. Может быть, такое большое число оправданных находит себе объяснение в условиях того времени, когда уже ясно выявлялось недовольство самых широких народных масс существовавшим «порядком», когда оппозиционные настроения росли даже в командном составе. Подтверждением правильности такого нашего объяснения приговора служит и тот факт, что сроки каторжных работ были также снижены (один приговорен на восемь лет, двое — на семь лет и один — на четыре года). Известно, что, когда реакция поднимала свою голову, она режет щадит чужие головы, а когда она поджимала хвост, она делала шаги в сторону смягчения репрессии. Эти унтер-офицеры и матросы были, как я говорил, последними узниками-матросами в

¹ Центральный военно-морской музей в Ленинграде, см. витрину с документами о революционном движении во флоте за последние годы царизма.

Петропавловской крепости, последними жертвами царизма в этой его твердыне. Старый государственный и общественный строй просуществовал после этого до 25 октября 1917 г.

В течение всего 1916 года департамент полиции со всеми его сыщиками, провокаторами метался по военно-морским судам, с обысками и арестами. Созданный большевиками в Кронштадте «Главный коллектив Кронштадтской военной организации» объединял работу партии среди матросов, солдат и рабочих. Аресты были уже бессильны разрушить эту организацию. Матросы шли в первых рядах в борьбе с царизмом и пошли в первых же рядах в борьбе за Великую Октябрьскую социалистическую революцию. Выстрел с «Авроры» по Зимнему дворцу возвестил о начале новой эры в истории борьбы пролетариата и всех трудящихся за счастье и свободу простых людей.

§ 28. ПОСЛЕДНИЕ УЗНИКИ-СОЛДАТЫ В ТРУБЕЦКОМ БАСТИОНЕ

Этот параграф отводится нами последним узникам-солдатам Трубецкого бастиона. Они завершили длинный ряд борцов против царизма, имена которых записаны на скрижалях истории Петропавловской крепости за двести лет ее существования.

Это были борцы за победу рабочего класса, сами вышедшие из его рядов. Их кратковременное пребывание за тюремными дверями крепости исчисляется всего одними сутками с несколькими часами. На языке царского уголовного закона их преступление было самым страшным, влекущим за собой неминуемую смертную казнь. В ожидании ее эти узники и провели все часы своего заточения в стенах государственной тюрьмы.

В последние дни февраля 1917 года на улицах Петрограда, в его центре и на подступах к Зимнему дворцу развертывались бои между восставшим народом, с одной стороны, и защитниками царского строя — с другой.

Защитники царского строя, уже испытывавшие страх перед угрожавшей им смертельной опасностью в февральские дни 1917 года, направляли на улицы, на площади и на рабочие окраины свои полицейские и жандармские силы и свои войска. На Невском проспекте был выдвинут против народа лейб-гвардии Павловский полк. Шла стрельба.

Группа рабочих, приближившаяся к казармам полка, сообщила оставшимся в казармах нижним чинам Павловского полка о стрельбе по народу. По словам автора воспоминаний, это известие было молнией, за которой разом ударил громовой

раскат¹. Солдаты 4-й роты Павловского полка бросились к выходу на улицу. Их встретили офицеры с обнаженными шашками. Тогда павловцы, разбив ворота цейхгауза, захватили находившиеся там винтовки (их оказалось всего тридцать) и патроны и двинулись через Екатерининский канал на Невский. За церковь «Воскресенье на крови» произошла перестрелка с конными полицейскими, которые, понеся урон, ускакали. Тогда против павловцев были выдвинуты солдаты лейб-гвардии Преображенского полка, но они отказались стрелять и ушли без выстрелов. В шестом часу вечера все патроны были расстреляны и солдаты 4-й роты решили вернуться в казармы за подмогой. Однако здесь они были заперты офицерами. Кругом казарм было поставлено по три пулемета у каждой двери. Ночью произвели арест 19 нижних чинов Павловского полка. Под конвоем солдат они были препровождены в Петропавловскую крепость.

Об этом моменте революционного выступления павловцев давал свои показания чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства генерал Хабалов. Ему было поручено усмирение восстания в Петрограде. По его словам, около четырех часов 26 февраля ему было сообщено, что 4-я рота лейб-гвардии Павловского полка, численностью около 1500 человек, состоявшая преимущественно из эвакуированных, выбежала из своих казарм, расположенных в помещении придворно-конюшенного ведомства. Солдаты стреляли в воздух и требовали, чтобы увели в казармы остальных солдат, чтобы не смели стрелять в народ. Выяснилась и стрельба этой роты по конно-полицейской страже.

Хабалов отдал распоряжение командиру батальона и священнику увещевать роту оставаться верной присяге и вернуться в казармы. Об этом увещании в ранее цитированном мною материале нет никаких указаний². По показанию же Хабалова, вернувшаяся рота начала «помаленьку» сдавать ружья. Однако 21 ружье не было возвращено, и, по предположению Хабалова, их взяли с собою солдаты, не вернувшиеся в казармы.

Военный министр, требовавший от Хабалова телефонных сообщений о событиях в городе, узнав вечером о выступлении 4-й роты Павловского полка, приказал «сию же минуту» предать роту полевому суду и расстрелять. Была назначена следственная комиссия в составе пяти человек с генералом во главе. Предполагалось направить всю роту для заключения в

¹ И. Лукаш, Павловцы, П., 1917.

² «Падение царского режима по материалам чрезвычайной комиссии Временного правительства», т. 1, 1925, стр. 196 (допрос генерала Хабалова 22 марта 1917 г.).

Петропавловскую крепость. Из разговора с комендантом крепости выяснилось отсутствие в ней помещения, в котором можно было бы разместить такое количество солдат. Тогда Хабалов приказал выявить хотя бы главных участников выступления павловцев, арестовать их и направить в крепость.

Арестованных павловцев доставили во двор Трубецкого бастиона. Отсюда их по пять человек препровождали в приемную комнату крепости, где их переписывали и обыскивали, отбирая у них ножи и ремни. После этого их направили во второй этаж тюрьмы и разместили в двух камерах по девять человек в каждой, а одного поместили в одиночку.

Лукаш, автор воспоминаний о пребывании солдат в крепости, записал с их слов о сыром, холодном и спертom воздухе в камерах. Их доставили сюда 27 февраля в 5 час. 30 мин. утра. Девять узников с трудом разместились в камере, рассчитанной на одного человека. Одни из них, усталые, растянулись на полу, другие спали на корточках, прижавшись к холодной, влажной стене, третьи ходили по камере. Когда с наступлением дня им принесли хлеб и сахар, они напрасно задавали вопрос жандармам: «Что на воле?» Охранники Трубецкого бастиона отвечали им молчанием.

Мысль о предстоящем расстреле не оставляла павловцев. В десятом часу вечера, когда закрипела и раскрылась дверь тюремной камеры, окрепла уверенность, что пришли выводить их на казнь. Было приказано выходить по-трое. Выходившие первыми целовались с оставшимися. Оказалось, что выводили не на казнь, а размещали по три человека в каждую камеру. Принесли тюфяки на пол. В четвертом часу утра снова закрипели двери, — и снова явилась мысль о расстреле. На этот раз тюремный надзиратель заговорил сам: «Не робейте, товарищи... Мы идем к лучшему». Всех арестованных свели в канцелярию. Они радовались, что все еще живы. Их вывели во двор. Слышна пальба. Конвойные сообщили павловцам, что приходили их освобождать. Арестованных перевели из Трубецкого бастиона в какой-то небольшой белый дом с окнами за решеткой (повидимому, это была крепостная кордегардия).

В 10 час. утра 28 февраля 1917 г. народ освободил узников.

Твердыня царизма — Петропавловская крепость — закончила свое существование. Ее последними узниками оказались солдаты, люди того рабочего класса, который через восемь месяцев сам встал у власти и приступил к созданию нового, еще невиданного в мире общественного и государственного строя — социалистического строя.

Глава седьмая

ЦАРСКИЕ ГЕНЕРАЛЫ—ПРЕДАТЕЛИ И ИЗМЕННИКИ РОДИНЕ В ПЕТРОПАВЛОВСКОЙ КРЕПОСТИ

§ 29. ПРОЦЕСС АДМИРАЛА НЕБОГАТОВА

Событие огромного политического значения — русско-японская война 1904—1905 гг. — отразилось в стенах Петропавловской крепости. Эта война была одним из актов соперничества империалистических государств в их захватнических стремлениях на Дальнем Востоке.

Вождедения крупной буржуазии в различных государствах с особой силой устремлялись на поиски рынков в Китае. Народное восстание в Китае, руководимое китайскими патриотами, было жестоко подавлено в 1900 году войсками нескольких империалистических стран при ближайшем участии царских войск. Особенно усилилось соперничество с захватническими целями между Россией и Японией, стремившимися овладеть различными частями Китая, Маньчжурии и Кореи. Соперничество вылилось в кровопролитную войну царской России с Японией.

У царского правительства, кроме захватнических целей, была еще и другая цель начать войну: оно надеялось, что победоносная война, при которой японцев рассчитывали «шапками закидать», остановит поступательное движение развивавшейся в стране революции и укрепит самодержавие. Расчеты царизма оказались ошибочными. При полной неподготовленности к войне плохо вооруженных войск, под руководством бездарных и продажных генералов соперничество России и Японии закончилось полным поражением царских войск России. Царское правительство, когда поднялось негодование широких слоев русского народа, сделало лицемерную попытку привлечения к суду как виновников поражения своих генералов. Оно лишь для видимости осудило их, направив на короткий срок в Екатеринбургскую крепость.

С общественно-политической точки зрения, наибольший интерес представили осужденные по двум процессам, связанным с русско-японской войной. Это были контр-адмирал Небогатов, начальник эскадры; капитан 1-го ранга, командир эскадренного броненосца «Николай I» Смирнов; капитаны 1-го ранга и командиры броненосцев береговой обороны: «Адмирал Апраксин» — Лишин и «Адмирал Сенявин» — Григорьев. Все они поступили в крепость в 1907 году. В следующем, 1908, году 7 марта был доставлен в крепость бывший генерал-лейтенант Стессель, начальник Квантунского укрепленного района. Так собрались в Петропавловской крепости осужденные за позорную сдачу японцам наших кораблей на море, а на суше — Порт-Артура.

Таков был финал русско-японской войны, о которой В. И. Ленин писал: «Не русский народ, а русское самодержавие начало эту колониальную войну, превратившуюся в войну старого и нового буржуазного мира. Не русский народ, а самодержавие пришло к позорному поражению. Русский народ выиграл от поражения самодержавия. Капитуляция Порт-Артура есть пролог капитуляции царизма»¹.

Партия большевиков предвидела, что поражение царских войск «приведет к ослаблению царизма и усилению революции» (С т а л и н). Другого мнения были меньшевики, явившиеся проводниками «оборончества», т. е. защиты «отечества», царя, помещиков и капиталистов для сохранения существовавшего тогда государственного строя.

Слова В. И. Ленина «Не русский народ, а русское самодержавие пришло к позорному поражению» нашли себе блестящее подтверждение во время судебного разбирательства на двух судебных процессах мирового значения. Они подтвердились, несмотря на все препоны, которые по вполне понятным причинам ставило царское правительство, чтобы помешать полному раскрытию всех условий политического строя, неизбежно приведших правительство к поражению.

Судебные процессы Небогатова и Стесселя не могут быть обойдены нами молчанием. В этом случае, как и во всех других, отмеченных нами на страницах «Истории царской тюрьмы», нас интересовали не только условия пребывания в тюрьмах заключенных, но и обстоятельства, приведшие их в места лишения свободы. И на этот раз особенно отчетливо выясняется классовая подоплека не только тюремного режима, но и всего процесса суда над этими обвиняемыми.

Казалось бы, что позорная сдача крепости и сдача эскадры без боя являются тяжкими преступлениями против родины, по-

¹ Ленин, Соч., т. 8, стр. 37.

зорнее которых нет никаких других. Закон грозил за них смертною казнью. Это наказание и было упомянуто в приговорах по обоим процессам. В окончательном же приговоре наказание смертью было заменено «по высочайшему милосердию» заключением в крепость на десять лет каждого осужденного. Однако и на этом милосердие не остановилось. Как увидим ниже, повелением царя были чрезвычайно облегчены условия содержания в крепости этих осужденных, а вскоре были сокращены сроки заключения: вместо десяти лет приговоренные генерал-лейтенант, контр-адмирал и капитаны 1-го ранга провели в заключении не более двух лет одного месяца. Наибольшую скидку получил самый старший по чину — Стессель, осужденный за сдачу Порт-Артура. Он провел в Екатерининской куртине всего один год два месяца.

Процесс Небогатова и трех капитанов — Смирнова, Лишина и Григорьева — рассматривался особым присутствием военноморского суда Кронштадтского порта с 22 ноября по 11 декабря 1906 г.¹

Процесс бывшего начальника Квантунского укрепленного района генерала Стесселя, бывшего коменданта Порт-Артура генерал-лейтенанта Смирнова, бывшего начальника 4-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии Фока и бывшего начальника штаба Квантунского укрепленного района генерал-майора Рейса рассматривался Верховным военно-уголовным судом с 27 ноября 1907 г. по 7 февраля 1908 г.

По процессу Небогатова и трех капитанов были привлечены к ответственности еще 69 морских офицеров. На этом судебном разбирательстве выяснилось, что после разгрома японцами при Цусиме русской эскадры командование над эскадрой принял контр-адмирал Небогатов. В нее входили два эскадренных броненосца — «Император Николай I» и «Орел» и два броненосца береговой обороны — «Адмирал Апраксин» и «Адмирал Сенявин». Из этих судов был сильно поврежден «Орел», в который попало до ста неприятельских снарядов, и он представлял собой обгорелую грудку стали, чугуна и железа. На нем было много убитых и раненых солдат и офицеров. На броненосце «Адмирал Апраксин» не было серьезных повреждений. В броненосец «Адмирал Сенявин» не попал ни один неприятельский снаряд. В эскадренном броненосце «Николай I» было несколько пробоин, разбита часть шлюпок, осталось мало снарядов.

¹ К Порт-Артурскому процессу. Обвинительный акт с картой, СПб, 1908. Стенографический отчет Порт-Артурского процесса (Верховный военно-уголовный суд по делу о генералах Стесселе, Фоке, Рейсе и Смирнове 27 ноября 1907 г. — 7 февраля 1908 г., вып. I—V, СПб, 1908. То же, вып. VI—IX, 1910).

На рассвете 15 мая 1905 г. появилось 28 неприятельских судов, преследовавших эскадру Небогатова. Команды русских кораблей разошлись по местам и готовились к бою. Никто не допускал мысли о сдаче. Все ждали приказаний, готовые исполнить свой долг. Контр-адмирал Небогатов находился на броненосце «Император Николай I», капитан которого — Смирнов — первый поставил перед адмиралом вопрос о сдаче японцам. Небогатов принял это предложение и приказал поднять белый флаг и сигнал о сдаче. Остальные броненосцы последовали его примеру. Сдача без боя вызвала среди команды подавленность и отчаяние, некоторые плакали, но энергичного действенного протеста не последовало. Адмирал Небогатов, собрав команду, объяснил ей, что «решился на сдачу ради спасения свыше 2000 молодых жизней».

Свидетельские показания установили факт сдачи эскадры без боя несмотря на боевое настроение команд. Судебный процесс вызвал к себе напряженное общественное внимание. Однако военноморской прокурор начал свою речь с предупреждения об ошибочности мнения общества о том, что суд выяснит все причины цусимского разгрома. Конечно, прежние политические условия царской России не позволяли этого сделать. Впрочем, в той или другой степени их коснулись не только двенадцать защитников на процессе, но и сам прокурор. Он допускал объяснение поражения правильным предположением, что 1) посылка небогатовской эскадры на восток была величайшей ошибкой; 2) соединение в одну эскадру судов различных типов и скоростей было пагубно; 3) адмирал Рождественский как флотоводец впал в ряд грубых ошибок, не выработал плана боя, не перекрасил судов в боевой цвет, перегрузил их углем, избрал для прорыва неверный путь, не выслал вперед разведчиков, соединил в одну колонну три отряда, различных по составу и скорости, взял с собой в бой транспорты, связывавшие эскадру; не сделал распоряжений на случай своего тяжкого ранения или смерти, вследствие чего суда эскадры остались без руководителя.

Все эти причины цусимского поражения, перечисленные прокурором, сводились к бездарному руководству начальника флота, к неподготовленности морских судов к боевым действиям. Свидетельскими показаниями было установлено, что в день гибели русского флота — 14 мая — снаряды с русских кораблей не долетали до неприятельских судов, в то время, когда пушки с этих последних уже громили русские суда. На одном из судов во время боя фугасные снаряды оказались начиненными песком — это были учебные снаряды¹.

¹ См. правдивое описание цусимского боя в книге А. Новикова-Прибоя «Цусима».

Конечно, обвинитель не мог высказать истинной причины поражения России в войне с Японией. Он не мог сказать, что этой причиной был тот самодержавный строй, тот старый буржуазный мир, о котором говорил В. И. Ленин.

Суд признал виновными в сдаче броненосцев без боя при возможности защищаться Небогатова, Смирнова, Лишина и Григорьева. Все они были приговорены к смертной казни, но суд, приняв во внимание смягчающие вину обстоятельства, ходатайствовал, как было уже указано, перед царем о замене смертной казни заточением в крепости каждого на десять лет. Эта просьба была удовлетворена, и приговор 25 января 1907 г. был подтвержден. Что касается остальных 69 офицеров, то они были оправданы.

§ 30. ПРОЦЕСС ГЕНЕРАЛ-АДЪЮТАНТА СТЕССЕЛЯ

Несмотря на то, что сдача Порт-Артура совершилась на полгода ранее Цусимского боя, для разрешения вопроса о предании суду Стесселя и его сподвижников потребовалось преодолеть больше затруднений и затратить больше времени, чем на возбуждение процесса против Небогатова. Объяснение этому надо искать в нежелании царя предавать суду начальника Квантунского укрепленного района генерал-адъютанта Стесселя, пользовавшегося к тому же особым влиянием в придворных покровительствующих ему сферах.

Дело о сдаче японцам Порт-Артура рассматривалось Верховным военно-уголовным судом более двух месяцев. За все это время общественное внимание к нему не ослабевало. Оно не ослабевало несмотря на то, что ранее закончившееся рассмотрение судом дела Небогатова уже показало русскому народу глубокие корни всех неудач русского оружия.

Потребовалось без малого два года для того, чтобы вопрос о предании Стесселя суду был в конце концов разрешен в положительном смысле. Только 10 августа 1906 г. состоялся доклад по главному военно-судному управлению, когда было признано необходимым удовлетворить, хотя бы внешне, требование широких общественных кругов о рассмотрении судом условий сдачи Порт-Артура. В означенном докладе было признано, что «крепость была сдана врагу, когда не были еще исчерпаны все средства обороны; сдача ее явилась неожиданностью почти для всего гарнизона, а условия капитуляции и порядок выполнения ее оказались крайне тягостными и оскорбительными для чести

армии и достоинства России»¹. На основании этого доклада Николай II 12 августа 1906 г. повелел привлечь к следствию за сдачу Порт-Артура Стесселя и других генералов. Но и после этого Стессель продолжал числиться на службе. Когда же было признано необходимым отстранить его, то это было сделано в форме, выражавшей в действительности благосклонное к нему отношение Николая. Последний направил к нему своего адъютанта, чтобы предложить ему подать прошение об отставке по болезни.

Обвинительный акт изложил позорную историю поведения обвиняемых — генералов Стесселя, Смирнова, Фока и Рейса. Выяснилось, какую большую роль играли соперничество генералов, их зависть одного к другому, пренебрежение к насущным интересам обороны крепости, к сохранению армии, к надлежащему довольствию гарнизона и населения.

Важнейшими пунктами обвинения Стесселя были: неисполнение приказа командующего Маньчжурской армией о передаче крепости коменданту — генерал-лейтенанту Смирнову; вмешательство в распоряжения коменданта, чем подрывался авторитет последнего; непринятие своевременно надлежащих мер к увеличению продовольственных средств крепости; представление из личных выгод неверных сведений о своем участии в боях, в действительности в них не участвуя; сообщение царю неверных сведений об израсходовании снарядов; заведомо ложное представление к орденам Георгия подчиненных ему лиц; сдача крепости, вопреки мнению военного совета, на условиях, невыгодных и унижительных для России. Пункты обвинения, предъявленного к другим генералам, вырисовывали с далеко не исчерпывающей полнотой картину внутренних раздоров начальствующего состава порт-артурского гарнизона².

Председательствующий проявлял довольно открыто стремление ускорить ход процесса и не останавливаться на выяснении таких обстоятельств, правильное освещение которых имело прямое отношение к делу. С этой точки зрения интересен, например, вопрос о затемнении окон в квартире Стесселя. Такое затемнение было необходимо, чтобы помешать неприятельским кораблям ориентироваться при обстреле города. Соответствующий приказ

¹ ЦГВИА в Ленинграде. Главное военно-судное управление, 1904, фонд 9, № 38. О порядке суда над комендантом взятой неприятелем крепости, по поводу сдачи генерал-адъютантом Стесселем Порт-Артура японцам (л. 135).

² Обвинительный акт полностью напечатан в издании «К Порт-Артурскому процессу». Обвинительный акт с картой, СПб, 1908. С большой подробностью выявил условия обороны и сдачи Порт-Артура писатель А. Степанов.

коменданта крепости был издан 14 апреля 1904 г. за номером 317 с предложением «закрывать в окнах и на балконах огни по направлению к морскому фронту». Это постановление соблюдалось всем населением, кроме Стесселя. Когда домашним генерала было сделано напоминание о затемнении окон, со стороны Стесселя последовала угроза начальнику жандармской команды посадить его под арест за это напоминание. Окна дома попрежнему продолжали освещаться и с наступлением темноты. Во время судебного разбирательства были сделаны попытки выяснения этого возмутительного факта, но председатель «оборвал свидетеля, заявив, что это дело второстепенное, относящееся к домашней прислуге Стесселя, а не к нему самому»¹.

В качестве примера многочисленных попыток председателя суда сокращать судебное рассмотрение можно указать и на такой случай. Один из защитников попытался выяснить противоречие в показаниях одного генерала и формальной справки о количестве снарядов. Председатель прервал эту попытку, заявив: «Зачем такая поверка и повторение? Если генерал говорит, значит верно, нечего сомневаться»².

Насколько активен был председатель суда, часто прерывавший свидетелей и адвокатов, видно из его телеграммы военному министру. Он писал в ней: «Мне являлась необходимость останавливать некоторых свидетелей, когда они примешивали к делу посторонние обстоятельства, входили в объяснения, не имеющие прямого отношения к делу, позволяли себе оскорбительные отзывы и заявления с нарушением порядка хода судебных заседаний и прибегали к выражениям, не совместимым с понятием о воинской дисциплине».

§ 31. НЕБОГАТОВ И СТЕССЕЛЬ В ЕКАТЕРИНИНСКОЙ КУРТИНЕ ПЕТРОПАВЛОВСКОЙ КРЕПОСТИ

Выше было уже указано, что смертный приговор четырем генералам во главе со Стесселем был заменен заключением в крепость на десять лет и что это наказание было вскоре еще раз сокращено и срок заключения в крепости был сведен к минимуму. Но были смягчены и условия пребывания в крепости осужденных по процессу Небогатова и самого Стесселя.

¹ Стенографический отчет Порт-Артурского процесса, вып. I, II, 1908, стр. 28. Цитировано по рецензии П. Фортунатова на книгу А. И. Соколова, «Оборона Порт-Артура», «Вопросы истории» 1950 г. № 1, стр. 120.

² Стенографический отчет Порт-Артурского процесса. Заседание 21-е, 2 января 1908 г., стр. 554.

Наибольшие льготы выпали на долю Стесселя. В печати была опубликована брошюра, специально посвященная заключению Стесселя в Петропавловскую крепость. Из нее мы узнали, что доставка осужденного генерал-лейтенанта в крепость произошла в исключительных условиях: за ним заехал на квартиру плац-адъютант и привез его в экипаже в крепость. Здесь ему освободили камеру, переведя из нее капитанов Лишина и Григорьева в другую камеру. Комнаты Стесселя и Небогатова оказались смежными. Так как обстановка камеры была обветшалой, то по просьбе жены Стесселя в нее были поставлены «новые кровать, стол и проч.». Здесь же было размещено платье и белье. Под окном камеры, выходящим на Зимний дворец, был разбит садик¹.

Совершенно исключительной была льгота, предоставленная царем Стесселю по просьбе жены последнего «поместить в его камеру человека для ухода за ним». Так осужденный генерал продолжал пользоваться и здесь услугами своего денщика. За тюремной решеткой в камере Екатерининской куртины оказался ни в чем не повинный его денщик, именуемый в документе «человек»². Знаменательно совпадение терминологии начала XX века и конца XVIII столетия, когда вместе со своим господином попадал в заточение и его крепостной человек³.

По правилам Екатерининской куртины здесь разрешались свидания два раза в неделю. Военно-морской министр ходатайствовал перед комендантом Петропавловской крепости разрешить Небогатову свидание с его женой три раза в неделю. Еще дальше пошла в этом отношении жена Стесселя. Царь разрешил ей и сыну ежедневные свидания с заключенным. Из архивного дела мы могли видеть, что Стессель имел постоянные свидания с огромным числом посетителей, военных и штатских, в том числе и с их женами.

На питание заключенных отпускались из государственной казны большие по тому времени суммы. Этих сумм вполне было достаточно, но предоставлялась возможность тратить еще и собственные средства. Они обедали все вместе, за общим столом. В повседневной печати появилось сообщение о том, как питались в заточении Стессель и Небогатов: в первые дни Рождества им подавались бульон, курица, небольшая порция водки и красного вина. Вместе с тем корреспонденция отмечала посещение заклю-

¹ Л. Б., Заточение в Петропавловскую крепость бывшего генерала Стесселя. На обложке этой брошюры изображена тюремная камера с решеткой на окне. На кровати сидит заключенный, с книгой в руках, вероятно, Стессель.

² См. М. Н. Гернет, История царской тюрьмы, т. 1, 1951.

³ ЦГВИА в Ленинграде, 1906, фонд 575, № 62, опись 62 (лл. 74—75).

ченных в Екатерининской куртине за первые два дня праздника большим числом гостей, прием которых происходил внутри камер. Подчеркивались льготные условия содержания Небогатова и Стесселя, пользовавшихся свободой прогулок в садике в течение всего дня¹.

Завершением царской милости к этим заключенным Екатерининской куртины явилось их быстрое освобождение из крепости. Царь выразил по этому поводу свою волю дважды: во-первых, на очередном списке заключенных в Екатерининскую куртину он отметил против фамилий Стесселя и Небогатова: «освободить обоих от заточения», и, во-вторых, он наложил эту же резолюцию 1 мая 1909 г. на рапорте военного министра.

В заседании верховного военно-уголовного суда прокурор, приводивший доказательства лживых донесений Стесселя царю, огласил текст его телеграммы о сдаче крепости. Стессель телеграфировал: «Прости нас, великий государь, мы сделали все, что в силах человеческих. Суди нас, но суди милостиво! 11 месяцев непрерывной борьбы истощили все силы сопротивления!» Стессель не ошибся в своих надеждах на милость царя за позорную сдачу крепости. Милость царя простерлась и на жен всех пятерых осужденных: Стесселя, Небогатова, Смирнова, Григорьева и Лишина. Все они по секретному распоряжению царя стали получать генеральские пенсии за мужей, как будто овдовевшие².

Заключение в Екатерининскую куртину Стесселя, Небогатова и трех командиров броненосцев было совершено под напором общественного мнения после поражения в русско-японской войне. Надо признать, что раздавшееся в стенах Петропавловской крепости эхо позорной сдачи крепости и кораблей было лишь очень слабым отзвуком грозных событий на Дальнем Востоке. Эта война, лишившая многие тысячи семей их единственных кормильцев, долго оставалась в памяти народа, на плечи которого легли новые тяготы. Не то приходится сказать о генералах — бывших «узниках» грозной Петропавловской крепости. Их кратковременное пребывание здесь напоминало жизнь в гостинице. Их семьи не потеряли своих кормильцев. Наоборот, правительство щедро обеспечило их пенсиями.

¹ «Петербургский листок» 29 декабря 1908 г. № 358, «У Стесселя и Небогатова в крепости».

² ЦГАМФ в Ленинграде. Главное военно-морское судное управление, 1913, № 52, фонд 407, «О назначении семьям бывших контр-адмирала Небогатова и капитанов 1-го ранга Смирнова, Григорьева и Лишина ежегодных денежных пособий» (лл. 10 и 17).

§ 32. ВОЕННЫЙ МИНИСТР СУХОМЛИНОВ В ТРУБЕЦКОМ БАСТИОНЕ

Основной причиной первой мировой войны 1914 года была борьба между двумя группами империалистических государств в целях передела мира и сфер влияния. В одну из этих групп вошли Россия, Англия, Франция, а другую возглавила Германия с примкнувшими к ней Австро-Венгрией и Италией. У русской буржуазии, кроме целей обогащения за счет захвата новых рынков, была еще и цель подавить развивавшееся в России революционное движение. Хотя приготовления к войне велись в глубокой тайне от народа, неизбежность ее возникновения задолго предвидел В. И. Ленин, настаивая на определении отношения социалистов к предстоящей войне. Поскольку война велась для захвата чужих земель, для обогащения капиталистов, в интересах помещиков, большевики явились убежденными противниками этой войны и сторонниками превращения войны империалистической в войну гражданскую. Свержение власти империалистической буржуазии, как учили Ленин и Сталин, приведет пролетариат к победе и положит конец несправедливой войне. С самого начала первая мировая война показала полную неспособность царского самодержавия России вести войну, гниль, продажность, прямую измену и предательство высшего военного командования, выходцев из среды русской буржуазии.

Война 1914 года вызвала усиленный шпионаж в пользу Германии. Из заподозренных в шпионаже часть была предана суду на месте задержания (например, Мясоедов), и лишь некоторые из них были направлены для заключения в Петропавловскую крепость.

В начале 1916 года в Петропавловскую крепость был заключен военный министр царского правительства Сухомлинов, подозревавшийся в шпионаже.

Имеются несомненные доказательства благосклонного отношения к Сухомлинову императрицы Александры Федоровны, возглавлявшей немецкую партию при дворе.

В стенографических записях допросов бывших царских министров чрезвычайной следственной комиссией Временного правительства не один раз встречаются показания о заботах различных членов императорской фамилии о германских военнопленных. Так, например, последний военный министр царизма Беляев показывал, что во исполнение желания великих княгинь Марии Павловны и Елизаветы Маврикиевны делались телеграфные запросы о тех или других германских военнопленных. Эти военнопленные обращались к самой императрице с жалобами на свое

положение, и по ее приказанию ее личный секретарь писал об этом в надлежащее место соответствующие бумаги. Бывший военный министр Беляев характеризовал это как вмешательство государственности в дела военного министерства. Слишком далеко заходили заботы царицы о немецких подданных, когда она отдавала распоряжение не подвергать на границе осмотру германских сестер милосердия, посылавшихся в Россию для ознакомления с положением германских военнопленных¹.

Роль императрицы Александры Федоровны по делу Сухомлинова и ее чрезвычайные заботы о его судьбе, ее стремление прекратить следствие по обвинению этого министра и освободить его из крепости заслуживают особого рассмотрения. Мы сделаем это позднее, а пока кратко остановимся на тех материалах, которые привели царизм к необходимости ареста военного министра. Мы черпаем эти материалы из отчетов периодической печати, когда в 1917 году в течение месяца в судебном присутствии уголовного кассационного департамента Сената с участием присяжных заседателей рассматривалось дело по обвинению министра Сухомлинова. Он обвинялся в способствовании и благоприятствовании неприятелю; в предании неприятелю армии, флота; шпионаже путем сообщения неприятельскому агенту планов и важных для обороны сведений; в превращении и бездействии власти. Эти преступные действия выразились в том, что Сухомлинов не принял необходимых мер к увеличению производительности работавших на оборону заводов, чем способствовал неприятелю; что он не принял надлежащих мер к снабжению армии и крепостей артиллерией и огнестрельными припасами; что в докладах государю умышленно, из личных видов, допускал сокрытие известных данных; в том, что сообщал Мясоедову и Альтшиллеру, заведомо для него состоявшими германскими агентами, секретные сведения; в том, что содействовал вступлению в армию уже во время войны германскому агенту Мясоедову. Такими были главнейшие пункты обвинения. Привлеченная к суду жена Сухомлинова обвинялась как соучастница в государственной измене.

На процессе Сухомлинова бывший начальник штаба верховного главнокомандующего генерал Янушкевич давал показания, от которых, по словам корреспондента, волосы становились дыбом. Не только не хватало достаточного количества снарядов и патронов, но их часто совсем не было. На двух солдат

---

¹ См. «Падение царского режима». По материалам чрезвычайной комиссии Временного правительства, Допрос бывшего военного министра Беляева 17 апреля 1917 г., т. 11. 1925, стр. 184.

приходилось по одной винтовке. Германские батареи становились на расстоянии двух тысяч шагов от наших вооруженных сил и беспрепятственно их расстреливали. Командированный на Кавказ генерал Фролов буквально разрыдался, докладывая Янушкевичу об отсутствии снарядов в нашей армии. Когда было решено выпустить четыре снаряда по неприятелю, солдаты крестились, говоря: «Слава богу, наша артиллерия заговорила».

Другой свидетель, профессор фортификации Николаевской академии, Величко удостоверил, что «солдаты не только в окопы шли с палками, но даже на палках вместо ружей обучались стрельбе. Русские заводчики предлагали дать заказ их заводам. Но им отвечали: «Русская армия ни в чем не нуждается»¹.

На суде выяснились близкие отношения военного министра Сухомлинова с полковником Мясоедовым даже после того, как начали крепнуть подозрения в шпионаже Мясоедова в пользу Германии. Министр принял его на службу в армию, несмотря на заявленные ему предостережения и подозрения относительно Мясоедова. Сухомлинов принимал у себя Мясоедова и сам бывал у него. Вскоре было установлено участие Мясоедова в шпионаже, и он был расстрелян.

Прежде чем все эти безобразия, творившиеся в царской армии, раскрылись на суде, они были уже известны не только правительству, но и самому народу. Иначе и быть не могло. Сыны этого народа умирали тысячами на полях сражения, героически отбивая неприятельские атаки камнями и палками. Назначена была специальная комиссия для выяснения недостачи снарядов в армии. Военный министр продолжал управлять министерством и возглавлять русскую армию. «Все это вызывало ненависть и озлобление к царскому правительству среди рабочих, крестьян, солдат, интеллигенции, усиливало и обостряло революционное движение народных масс против войны, против царизма как в тылу, так и на фронте, как в центре, так и на окраинах»².

В военно-историческом архиве мы ознакомились со специальным делом об увольнении от службы военного министра Сухомлинова. Интересно то, что дело начинается с записки, выясняющей необходимость увольнения Сухомлинова. Записка оправдывала эту необходимость интересами не России, а самого Сухомлинова. Она отмечала, что положение Сухомлинова, «благодаря поднявшейся при этом травле и сплетням по городу, стало невыносимым». Напоминая, что работа комиссии о недостаче снарядов в армии длилась уже четвертый месяц, этот

¹ «Речь» 1917 г. №№ 189 и 190.

² История ВКП(б), Краткий курс, стр. 167.

документ требовал ускорения окончания расследования, «служащего лишь поводом к ложным слухам, дискредитированию власти и правительства вообще»¹.

Сухомлинов просил царя уволить его в отставку, и 8 марта 1916 г. последовал указ Государственному совету об отставке военного министра Сухомлинова по прошению. По новой просьбе отставленного военного министра царь пояснил, что Сухомлинов должен считаться уволенным «с мундиром и пенсией».

В этом акте об увольнении Сухомлинова в отставку «с мундиром и пенсией» сказывалось благожелательное отношение к нему Николая II. Оно находилось в противоречии с отношением к этому бывшему министру широких кругов населения и некоторых придворных кругов. В частности, бездарный главнокомандующий действовавшей армии великий князь Николай Николаевич целиком переносил на Сухомлинова причины неудач возглавлявшихся им войск². В еще большей степени благожелательное отношение царя и царицы к бывшему военному министру сказало с того времени, когда царь был вынужден повелеть начать судебное преследование по делу Сухомлинова и заключить его в Трубецкой бастион Петропавловской крепости.

За почти полувековое существование тюрьмы Трубецкого бастиона в ней не было заключенных столь высокого служебного положения, какое занимал Сухомлинов.

Пребывание Сухомлинова в одиночной камере крепости началось с 20 апреля 1916 г. С этого же времени начались неустанные заботы о нем царицы и царя. В опубликованной «Переписке Николая и Александры Романовых» царица не менее чем в десяти своих письмах, адресованных Николаю и отправленных после заключения Сухомлинова в крепость, обращалась к нему с той или другой просьбой об арестованном. Мы выяснили, что такие просьбы были заявлены ею в письмах 2 мая, 18 мая, 14 июня, 22 сентября, 27 сентября, 9 ноября, 10 декабря, 13 декабря, 17 декабря 1916 г. Эти обращения начались уже на двенадцатый день после того, как Сухомлинов попал в крепость. Александра Федоровна сообщала Николаю 2 мая о получении ею письма Сухомлинова и о своих переговорах с министром Штюрмером, которому «известно, что государь любил Сухомлинова». Она также

---

¹ ЦГВИА в Ленинграде, Военно-походная канцелярия его императорского величества, 1915, фонд 7, дело 94.

² См. Энциклопедический словарь Граната, изд. 7-е, т. 46, стр. 439. Обвинителем выступил сам верховный главнокомандующий Николай Николаевич, которому нужно было найти какое-нибудь оправдание для своих гяжких поражений.

сообщала о своей просьбе к Штюмеру переговорить с министром юстиции Хвостовым держать Сухомлинова не в крепости, а в каком-нибудь другом месте¹. Об этой просьбе Александры Федоровны Хвостов говорил при допросе его следственной комиссией в 1917 году. По словам Хвостова, Штюмер передавал ему, «что императрица крайне встревожена тем, что Сухомлинов в крепости, что будь он в тюрьме, она бы больше с этим примирилась». На следующий же день Хвостов был принят царицей. Она подтвердила ему свое недовольство относительно заключения Сухомлинова «в крепость, где, как говорила она, постоянно заключались враги царя», а между тем он самый преданный слуга царя, от которого царь слышал только правду. Хвостов успокаивал царицу, что крепость бывала местом заключения «для лиц других крупных категорий», что в крепости для него гораздо легче, чем под стражей в другой тюрьме².

На самом деле Сухомлинову были предоставлены в крепости такие льготные условия содержания, которые не предоставлялись никому за все время существования Петропавловской крепости ни в тюрьме Трубецкого бастиона, ни в каком либо другом месте заточения этой крепости. Об этом мы узнали из воспоминаний самого Сухомлинова, опубликованных в 1918 году в Берлине на немецком и русском языках, а в 1926 году и у нас, в Советском Союзе.

В одиночной камере бывшего министра был поставлен складной столик. Мы уже знаем, что ни одна из 72 камер тюрьмы не имела ни стула, ни даже табуретки, и заключенному предоставлялась для сидения лишь его кровать. Камера бывшего министра украсилась креслом. На его кровати материал из грубой холщевой материи с трухлявой соломой заменился настоящим матрасом, и появилось собственное, его, министра, белье. Теперь было на чем посидеть, полежать, а за столиком с удобствами заняться. Здесь он писал дневник, который после освобождения показывал министру Протопопову³. За этим столиком, сидя в кресле, бывший министр читал много книг.

Пребывание Сухомлинова в бастионе отмечено предоставлением ему в виде исключения для прогулок времени даже до двух часов в два приема. Из первой главы настоящей работы уже

---

¹ См. Централархив, Переписка Николая и Александры Романовых 1916—1917 гг., т. IV, 1926, стр. 240.

² См. «Падение царского режима», По материалам чрезвычайной комиссии Временного правительства, т. V, 1926, Допрос А. А. Хвостова 12 июля 1917 г.

³ См. «Падение царского режима», Показания 28 июля бывшего министра Протопопова, т. IV, 1926, стр. 29.

известно, что наибольшее время для прогулок не превышало получаса и опускалось даже до десяти минут. Из этого общего правила было сделано для Сухомлинова такое важное исключение.

Стоит ли говорить, что бывшему министру, которому представлялась такая широкая возможность выхода из душной, темной и сырой камеры на воздух, не пришлось, конечно, испытать страшной духоты тюремного карцера. У него не было оснований нарушать тюремные правила. Тюремный закон, как говорится, не для него был писан.

Огромное значение имело то обстоятельство, что тюремной администрации было известно покровительство заключенному со стороны царя и царицы. Комендантом крепости был в то время, по словам Сухомлинова, «его старый знакомый, бывший командующий войсками Одесского военного округа, генерал Никитин». Вопреки обычной практике последний был частым гостем в камере Сухомлинова, и недаром автор «Воспоминаний» называл его «добрейшим генералом». Распоряжением же коменданта Сухомлинов был переведен из камеры № 43 в № 55, которую он охарактеризовал как лучшую.

Из материалов следственной комиссии 1917 года видно, что сам Николай II стремился поскорее освободить Сухомлинова из крепости. Бывший министр внутренних дел Протопопов приводил слова Николая II, сказанные ему: «Неужели я поверю, что он изменник; просто легкомысленный человек. Мне его жалко, старика. Что вы думаете, если ему переменить меру пресечения, выпустить на квартиру? Домашний арест». Протопопов, предостерегая царя, что перевод Сухомлинова из крепости под домашний арест вызвал бы большой шум, предлагал перевести Сухомлинова в помещение получше, «дать ему право ходить гулять в крепости, но не выходить из крепости». Это приведет к облегчению положения Сухомлинова «без скандалов». После этого Протопопов, исполняя повеление Николая II, лично побывал у коменданта крепости генерала Никитина и передал ему волю царя¹.

Надо думать, что комендант крепости, которого Сухомлинов называл «добрейшим», после визита к нему Протопопова простер свое доброе внимание к заключенному министру еще далее. Кстати сказать, в воспоминаниях бывших узников Трубецкого бастиона никогда не встречалось указаний на проявление комендантами крепости доброты к узникам.

«Добрейшему» генералу Никитину выпало на долю счастье объявить 11 октября 1916 г. бывшему военному министру

---

¹ См. «Падение царского режима», Допрос бывшего министра Протопопова 21 апреля 1917 г., т. II, 1925, стр. 302.

Сухомлинову об его освобождении и о переводе его на квартиру под домашний арест. Тот же Протопопов посетил освобожденного у него на дому и затем, по поручению последнего, передал государю его благодарность за милости, ему оказанные.

Уместно вспомнить, что в деле освобождения Сухомлинова из Петропавловской крепости сыграла решающую роль царица Александра Федоровна, а на нее оказывал свое влияние известный «старец» Распутин. В своем письме от 14 июня 1916 г. она писала Николаю о надежде Распутина на большую победу и о просьбе его взять на поруки Сухомлинова, если это сбудется. В другом своем письме (от 22 сентября 1916 г.) Александра Федоровна передавала уже не просьбу Распутина, а его угрозу: «Сухомлинова надо выпустить, чтоб он не умер в темнице, а то неладно будет». В этом же письме просьба Александры звучала особенно настоятельно: «Уже 6 месяцев он сидит в тюрьме — срок достаточный (так как он не шпион) за все его вины. Он стар, надломлен и не проживет долго. Было бы ужасно, если бы он умер в тюрьме»¹.

В стенографических записях показаний различных лиц, допрошенных в 1917 году чрезвычайной следственной комиссией, воспроизведен протокол допроса князя Андронникова. Он передавал распространявшиеся в 1916 году слухи о содействии Распутина и Вырубовой освобождению Сухомлинова из крепости и о получении от Сухомлиновой крупного денежного подношения Распутину, а Вырубовой — крупной суммы на лазареты.

Освобождение Сухомлинова из крепости еще не удовлетворяло ни его самого, ни его сторонников. Их целью было добиться полного прекращения начатого следственно-судебного дела против бывшего военного министра. Им едва не удалось достичь этого. Министром юстиции была получена телеграмма царя с повелением прекратить дело Сухомлинова. Лишь по личному докладу вновь назначенного тогда председателем совета министров Трепова 14 ноября 1916 г. царь согласился не приводить в исполнение это свое повеление².

Вполне допустимо предположение, что покровители Сухомлинова добились бы прекращения его судебного дела, но через три с половиной месяца прекратилось царствование Николая II, и дело Сухомлинова, как мы уже напоминали, было передано Вре-

¹ Централхив. Переписка Николая и Александры Романовых, т. IV, 1926, стр. 57, см. также письма от 27 сентября — стр. 75, 9 ноября — стр. 143, 10 декабря — стр. 175—176, 13 декабря — стр. 185, 17 декабря — стр. 203; см. также письма — стр. 153, 368.

² См. «Падение царского режима», т. II, 1925, Из допроса министра Макарова, стр. 127—128.

менным правительством на рассмотрение уголовно-кассационного департамента Сената. Рассмотрение дела происходило с 10 августа по 12 сентября 1917 г. В наши задачи не входит ознакомление с подробностями этого процесса. Отметим лишь, что рассмотрение этого дела в обширном зале здания армии и флота не привлекало к себе общественного внимания, которое тогда было сосредоточено на разворачивавшейся революции внутри страны и на военных событиях. Только в дни судебных прений зал был наполнен публикой. Незадолго до окончания процесса произошел крупный инцидент: к зданию суда подошли в большом числе солдаты. Они заявили коменданту здания требование о выдаче Сухомлинова для суда над ним в казармах, мотивировав такое требование чрезвычайной длительностью судебного процесса при очевидности преступлений обвиняемого. Коменданту удалось убедить солдат отойти от здания суда. В целях предосторожности Сухомлинов был переведен на время суда из гостиницы, где он находился, в Петропавловскую крепость.

Длительное рассмотрение дела Сухомлинова закончилось продолжительными речами прокурора и защитников и последним словом самого Сухомлинова, продолжавшимся час. Во время прений сторон за креслами судей стояли в большом числе интересовавшиеся исходом процесса солдаты Волынского полка, перешедшего одним из первых в дни революции на сторону народа.

Совещание присяжных заседателей длилось с семи часов вечера до четвертого часа утра. Их вердиктом Сухомлинов был признан виновным в государственной измене, в бездействии и превышении власти и в подлогах. Суд определил наказание осужденному: без срока лишение всех прав состояния и ссылку в каторжные работы.

20 сентября 1917 г. приговор был объявлен в окончательной форме. Одновременно по ходатайству осужденного министр юстиции и начальник главного тюремного управления разрешили ему отбывать наказание в С.-Петербургской крепости во избежание возможного самосуда в других местах лишения свободы. Здесь его и застала Октябрьская революция. Через некоторое время он был переведен в петроградскую тюрьму «Кресты» и по амнистии от 1 мая 1918 г. освобожден. Из Петрограда он тайно перебрался за границу и прибыл в Германию — в страну, в пользу которой он занимался шпионажем, предавая свою Родину.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

ПЕТРОПАВЛОВСКАЯ КРЕПОСТЬ, ПРЕВРАЩЕННАЯ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТЬЮ В МУЗЕЙ

Настоящим, четвертым томом «Истории царской тюрьмы», как было сказано выше, заканчивается история служения Петропавловской крепости царизму. Вскоре после Октябрьской революции Петропавловская крепость стала филиалом Музея революции РСФСР.

Так начался новый и последний период истории крепости: ее служение царизму, варварству и деспотизму было заменено служением культуре, просвещению широких масс населения нашей страны и ознакомлению их с героической борьбой революционеров за свободу и счастье нашей родины.

В Париже, на площади Бастилии, разрушенной в 1789 году народом, была укреплена доска с надписью: «Здесь танцуют». Над входом в бывшую государственную тюрьму Трубецкого бастиона можно бы поставить два слова: «Здесь учатся». Здесь воспитываются в ненависти к проклятому прошлому царизма с его бюрократией и буржуазией, в любви к борцам против этого строя гнета и эксплуатации народа, за победу пролетариата.

Филиалом музея одновременно стали Петропавловский собор и Трубецкой бастион. Царизм превратил огромный, залитый солнечным светом собор в свой мавзолей, в усыпальницу российских императоров и ближайших членов их семей. Их останки лежат здесь в склепах под мраморными плитами.

Недалеко от императорских склепов стоит стиснутая высокими крепостными стенами тюрьма Трубецкого бастиона. В мрачном здании, куда не проникает луч солнца, семьдесят две одиночные камеры — склепы для заживо погребенных.

Мертвая тишина царила в этой тюрьме даже и тогда, когда в большинстве камер были заключены узники.

Оба эти склепа, стоящие один против другого, перестали служить своему назначению. В усыпальницу собора уже не попали

ни последний император, ни члены его семейства. День падения царизма был вместе с тем днем освобождения из склепа Трубецкого бастиона Петропавловской крепости последних узников произвола и насилия, которых Николай II успел за время своего царствования заточить сюда в числе многих сотен.

Надо признать очень удачной мысль объявить государственными музеями Петропавловский собор и его соседку — тюрьму. Оба здания контрастны не только по своей архитектуре, но и политически. В политической контрастности лежит глубокий смысл. Еще участник восстания декабристов 1825 года называл Петропавловскую крепость «гнусным памятником самодержавия на фоне императорского дворца». Они, по его словам, стоят один против другого, «как роковое предостережение, что они не могут существовать один без другого»¹.

Так тюрьма Трубецкого бастиона оказалась, с одной стороны, за крепостной стеной против дворца, где жили императоры, а с другой — по соседству с собором, где их погребали.

Один из верноподданных слуг последнего Романова, генерал Эллис — комендант Петропавловской крепости, возбудил в 1896 году вопрос о непристойности нахождения в пределах С.-Петербургской крепости рядом с усыпальницей членов императорской фамилии государственной тюрьмы для важнейших преступников его величества. В своем докладе он, между прочим, писал: «Неоднократно высказывалось, что в крепости, где покоятся почившие императоры и члены императорской фамилии, не место тюрьме». На эту же точку зрения встал и военный министр, также признававший неприличным нахождение в стенах Петропавловской крепости собора с гробницами царей рядом с тюрьмой.

Однако министерство внутренних дел было заинтересовано сохранить государственную тюрьму под своей рукой за надежными стенами крепости. Оно не видело ничего непристойного в соседстве тюрьмы и собора и отстояло сохранение в полной неприкосновенности Трубецкого бастиона².

Правильно поступило Советское правительство, сохранив оба эти исторических памятника.

Посетители обнажают свои головы не в соборе Петра и Павла перед гробницами, а в темных камерах тюрьмы Трубецкого бастиона — перед светлой памятью борцов-революционеров, мучеников — узников царских тюрем.

Петропавловская крепость, превращенная в музей, является

¹ М. Н. Гернет, История царской тюрьмы, т. 1, 1951, стр. 118.

² М. Н. Гернет, История царской тюрьмы, т. 3, 1952, стр. 160.

одним из наиболее посещаемых исторических памятников Ленинграда. В 1947 году число посетителей крепости достигло 111 165 человек. Оно поднялось в 1949 году до 200 тысяч человек и достигло за первые семь месяцев 1950 года крупной цифры — 150 тысяч человек. Эти цифры — огромны. Посетители идут в крепость целыми экскурсиями, группами и в одиночку. Среди них не только ленинградцы, но и приезжие со всех концов СССР.

Своей известностью Петропавловская крепость-музей обязана царизму. Это он прославил ее и добился того, что страшная и в то же время печальная слава этой крепости не померкла и за эти три с лишним десятка лет, протекшие со дня свержения самодержавия. Такая «слава» была куплена ценой свободы и жизни многих тысяч узников Петропавловской крепости, врагов царизма и борцов за свободу нашей страны, участников двухсотлетней борьбы, закончившейся победой пролетариата.

Знаменательно было выступление в пределах самой Петропавловской крепости И. В. Сталина за три с половиной месяца до Октябрьской революции: 6 июля 1917 г. он своим обращением предотвратил еще недостаточно подготовленное вооруженное выступление гарнизона крепости. Через три с половиной месяца эта крепость стала в Октябрьские дни 1917 года опорой восстания столичного пролетариата.

Задачи Петропавловской крепости как государственного музея определились всей историей этой крепости. Музей является культурно-просветительным учреждением. Его основная задача состоит в показе развития революционного движения в России за последние двести лет царизма, подготовки величайшего события в мировой истории — Октябрьской революции.

В неутвержденном пока проекте его организации намечен широкий круг работы. Фактически часть намеченного плана уже и осуществляется. В круг деятельности музея проект включил:

а) собрание иллюстративных, архивных и других материалов по истории крепости;

б) хранение и систематическая обработка коллекций музея;

в) исследование мест заключения в Петропавловской крепости;

г) организация экспозиции по истории общественного движения в России, кончая ролью крепости в Октябрьскую революцию;

д) устройство выставок и экскурсий на темы о Петропавловской крепости и проведение этой культурно-просветительной работы в самой крепости и вне ее;

е) опубликование научных трудов;

ж) составление путеводителей по музею;

з) устройство периодических совещаний при участии приглашенных сторонних специалистов и консультантов¹.

В настоящее время культурно-пропагандистская работа государственного музея Петропавловской крепости состоит, во-первых, в демонстрировании этой крепости, сопровождающемся пояснительными лекциями экскурсоводов, и, во-вторых, в демонстрировании специальных экспозиций помещений тюрьмы Трубецкого бастиона.

Экскурсии по крепости проводятся, начиная с Крепостной площади, где выставлен план всей крепости. Вслед за тем внимание экскурсантов обращается на «Комендантский дом», где происходили такие важные в истории крепости события, как суд над декабристами.

Невдалеке от «Комендантского дома» стоит Петропавловский собор. Здесь экскурсоводы говорят, с одной стороны, о его архитектурно-художественных достопримечательностях, а с другой — раскрывают роль этого собора в деле пропаганды монархизма и поддержания авторитета царствовавшей династии.

Экскурсанты останавливаются перед такими местами заключения, как Николаевская и Васильевская куртины и бастион Зотова. Они спускаются через ворота крепости к пристани, носившей при Петре I название «Царской», потому что он обычно причаливал сюда на лодке при посещении крепости. При последнем Романове, вошедшем в историю под именем Николая «кровавого», эта пристань стала называться «пристанью смертников». Основанием для такого зловещего наименования послужила посадка именно здесь на полицейский пароход узников Петропавловской крепости при отправке их на казнь в Шлиссельбургскую крепость, на Лисий Нос под Кронштадтом.

Экскурсоводы приводят посетителей крепости на территорию Алексеевского рavelина, где с 1797 года и до 1884 года функционировала самая страшная из всех тюрем Петропавловской крепости тюрьма — «Секретный дом» Алексеевского рavelина². Хотя это место заточения и было закрыто в 1884 году и само

¹ См. «Отчет Ленинградского музея революции РСФСР за 1947 г.» (находится, как и другие отчеты, в Министерстве Культуры РСФСР). См. о Петропавловской крепости как музее: «Петропавловская крепость» (путеводитель, под общей редакцией С. Д. Павловой, составил Г. С. Холев, Л., 1947); В. И. Пил я в с к и й, Петропавловская крепость, 1950. В этой богато иллюстрированной работе имеется отдел «Крепость-музей», стр. 34—40; К. В. П о л з и к о в а - Р у б е ц, Петропавловская крепость (экскурсия), Л., 1927.

² На плане 1768 года на площади Алексеевского рavelина значилось под № 24 здание деревянной тюрьмы, но уже в 80-х годах XVIII века о ней нет упоминаний; Г. С. Х о л е в, Петропавловская крепость, 1947, стр. 39.

здание снесено в 1895 году, но именно эта тюрьма памятна заточением в ней участников революционного движения, начиная с солдат Семеновского полка, декабристов, петрашевцев и кончая народовольцами. На этом месте экскурсанты слышат имена, навсегда вошедшие в историю общественного движения нашей родины, и в том числе имя Н. Г. Чернышевского. Царизм снес за 33 года до своей гибели этот свой оплот и заменил его тюрьмой на острове Шлиссельбург. Экспозиция, устроенная в тюрьме Трубецкого бастиона, посвященная истории Алексеевского рavelина, лишь в очень слабой степени напоминает посетителям роль «Секретного дома» Алексеевского рavelина в истории русского революционного движения.

Последним этапом экскурсии является тюрьма Трубецкого бастиона. Она сохранилась в неприкосновенности. Протекшие со дня ее устройства 80 лет не разрушили ее крепких стен, и следует принять все меры, чтобы сохранить в целостности этот исторический памятник глубочайшего значения. Он этого заслуживает. За это говорят сотни тысяч его посетителей.

К моим словам, что тюрьма Трубецкого бастиона сохранилась в неприкосновенном виде, следует внести поправку. Ведь время не только разрушает, но и созидает.

В начале 1900 годов в садике росли маленькие деревца. Теперь те из них, которые выжили свою неволю среди высоких стен крепости, выросли в большие деревья и остаются немymi свидетелями бывших прогулок возле них узников крепости. Но многие деревца погибли так же рано, как и сами узники. Часть их погибла за годы Великой Отечественной войны советского народа против гитлеровских захватчиков. В 1948 году посажено пятнадцать лип, которые изменяют общий вид садика.

Тюрьма Трубецкого бастиона, превращенная в музей, должна сохранять свой прежний вид тюрьмы. С этой точки зрения макет жандарма, подсматривающего в глазок одиночной камеры, создает у посетителя надлежащее впечатление.

Точно так же оживает перед посетителями эта ныне пустая тюрьма, когда они видят через глазок одиночной камеры фигуру умирающего на кровати заключенного или когда они видят макет арестанта, переступивающегося через стенку с товарищем по заключению. Посетитель наглядно представляет себе тягости тюремного режима с его разобщением от внешнего мира, с полным гнетущим одиночеством, с постоянным надзором жандарма... Это впечатление достигает своего высшего напряжения при посещении тюремного карцера, крохотной клетушки за двумя дверями, окованными железом, с окном, затемненным металлическими ставнями.

Впечатление, производимое тюрьмой на посетителей, усиливается демонстрированием перед ними одиночных камер, в которых были заключены Николай Морозов, Александр Ульянов, Вера Фигнер, Максим Горький, Пантелеймон Лепешинский, Николай Бауман и др. Встают в памяти образы этих людей, воскресают их дела, их служение народу и делу революции и ее победы.

Во время моих неоднократных посещений Петропавловской крепости я бывал в ней и вместе с экскурсией. Я видел и чувствовал, какое глубокое впечатление оказывали на посетителей эти экскурсии. Велико было их воспитательное значение. Росла и крепла ненависть к проклятому прошлому. Ширилось и углублялось сознание огромной важности великой победы Октябрьской революции.

Мое последнее посещение крепости было в апреле 1949 года. Я совершал, так сказать, генеральный осмотр мест заключения Петропавловской крепости перед выпуском этого тома «Истории царской тюрьмы».

Мои впечатления при этом не первом посещении Трубецкого бастиона были прежние, нисколько не ослабевшие за ряд лет. Но было еще одно и новое переживание. На этот раз впервые я вошел внутрь Невской куртины, где в одном из казематов содержался в 1866 году еще совсем молодым человеком мой отец. Теперь я семидесятипятилетним стариком перешагивал через порог этой куртины в качестве историка, где мой отец провел долгие месяцы в качестве политического заключенного. Я чувствовал какое-то особое отношение к крепости. Отец боролся против режима, который поддерживался этой крепостью, а сын его дожид до счастья быть ее историком, чтобы по мере сил ознакомить читателей с историей политической борьбы, которую вели несколько поколений узников Петропавловской крепости.

В заключение этой главы я остановлюсь на тех записях, которых так много сделано посетителями тюрьмы Трубецкого бастиона в специально для этого предназначенных книгах. Мое общее впечатление от них подтверждает огромное воспитательное значение посещений Петропавловской крепости. Большинство записей сделано от имени коллективов посетителей. Такими посетителями были студенты высших учебных заведений из разных городов Союза, матросы с различных судов, курсанты с разных специальных курсов, офицеры Советской Армии, рабочие заводов и фабрик, учителя, сотрудники музеев, научные работники высших учебных заведений, артисты, железнодорожные служащие и др.

Основное содержание записей экскурсантов сходно, и поэтому я ограничусь воспроизведением здесь лишь нескольких из них.

«Мы, студенты юридического факультета Ленинградского ордена Ленина Университета имени А. А. Жданова, с чувством глубокого волнения и большого интереса осмотрели и ознакомились с историческим прошлым крепости. Мы до глубины души были возмущены зверствами, жестокостью и бесчеловечностью царского самодержавия, заточавшего передовых представителей русского народа того времени в темницах этой крепости.

Мы уходим из музея еще больше воодушевленными, гордыми за успехи, достигнутые нашим государством и советским народом, превратившим свою страну в цветущий сад социализма.

Мы от имени советского студенчества заявляем, что всякие попытки американских и других империалистов свернуть нас с этого пути окончатся позорным для них провалом и наступит светлый день для всего прогрессивного человечества».

«Незабываемые минуты глубокого волнения пережиты нами в стенах Петропавловской крепости. Вновь переносишься мыслями в ужасное прошлое, полное бесправия и насилия, преследования всего передового, прогрессивного. И еще глубже чувствуешь торжество победы нашей революции, нашего советского строя».

«Группа курсантов Ленинградского Военно-политического училища имени Энгельса, посетив музей «Петропавловская крепость», еще больше узнала о героической борьбе за освобождение трудящихся, славных бунтарях Октябрьской социалистической революции — революционерах трех поколений.

Их беспримерные подвиги вдохновят нас на новые патристические поступки и придадут новые силы в нашей борьбе за их идеи — идеи освобождения человечества от рабства капитала».

«Впечатление неизгладимое. С волнением осматриваешь места заключения лучших борцов за свободу, и как радостно, что эта тюрьма тюрем — Петропавловская крепость — превращена в музей. А этот музей учит нас, как труден был путь, приведший к победе, свободе, просвещению, народной Советской власти.

На нас, приехавших в г. Ленинград с далекой Камчатки, Петропавловская крепость произвела неизгладимое впечатление».

Этот общий тон экскурсантских записей ярко говорит о силе впечатлений посетителей тюрьмы Трубецкого бастиона, о глубоком патристическом чувстве отдать свои силы на защиту завоеваний Октябрьской революции и делу освобождения всего человечества от оков капитализма на пути к победе коммунизма.

ПЕРЕЧЕНЬ ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Общий вид Петропавловской крепости.

Петропавловская крепость. Мемориальная доска на Трубецком бастионе.

Стена Трубецкого бастиона.

Тюрьма Трубецкого бастиона. Вид со стороны Екатерининской куртны.

Тюрьма Трубецкого бастиона. Макет жандарма, подсматривающего через «глазок» в камеру.

Тюрьма Трубецкого бастиона. Макет перестукивающегося узника.

Невская куртина и площадка, с которой увозили приговоренных к казни на Лисий Нос.

Лисий Нос. План местности, где производились казни осужденных.

Одиночная камера М. Горького в С.-Петербургской (Петропавловской) крепости.

Фотография с рисунка М. Горького плана его одиночной камеры Петропавловской крепости, тюремной двери, окна и столика камеры.

Фотография с рисунка М. Горького схематического плана тюремного двора Петропавловской крепости, на котором он обозначил пунктиром дорожку своих прогулок.

Фотография с первой страницы рукописи М. Горького «Дети солнца», написанной в Трубецком бастионе.

Рисунок И. Е. Репина: «А. М. Горький читает пьесу «Дети солнца», написанную им в Трубецком бастионе Петропавловской крепости».

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

ПРЕДИСЛОВИЕ. . . . .

3

Глава первая

РЕЖИМ МЕСТ ЗАКЛЮЧЕНИЯ В ПЕТРОПАВЛОВСКОЙ КРЕПОСТИ

§ 1. РЕЖИМ В АРЕСТАНТСКИХ ПОМЕЩЕНИЯХ В ТРУБЕЦКОМ БАСТИОНЕ

Инструкция 1898 года для заведования арестованными, арестантскими помещениями С.-Петербургской крепости и наблюдательной командой. «Правила о содержании арестованных в С.-Петербургской крепости». Места заключения в крепости. Власть заведующего арестантскими помещениями. Объем власти коменданта крепости. Широкие полномочия при назначении дисциплинарных наказаний узникам. Трубецкой бастион как место предварительного заключения. Распространение болезней среди заключенных. Примеры отказа коменданта переводить заключенных в больницу. Самоубийства заключенных. Соккрытие комендантом покушений на самоубийство в крепости. Антисанитарные условия заточения в крепости нижних чинов электротехнической роты. Психические заболевания в крепости. Отношение коменданта к медицинским освидетельствованиям. Отказ департамента полиции от обслуживания узниц женским персоналом. Сырость и темнота в камерах. Архивный документ с протестом заключенного против режима. Наше обследование «конторской книги о прогулках» в крепости. Условия письменных занятий в бастионе. Ревизия департаментом полиции тюремной библиотеки. Изъятие департаментом массы книг из библиотеки бастиона. Инструкция 1911 года по распорядку дня в тюрьме Трубецкого бастиона. Литературные и научные занятия в тюрьме. Предсмертные заявления приговоренного к казни о решении им математической задачи. Свидания заключенных о родными по инструкции и на практике. Письмо коменданта в департамент полиции по вопросу о свиданиях узников. Свидания с защитниками. Отношение к ним коменданта. Благоклонное отношение к свиданиям германского консула-шпиона и бывшего военного министра. Меры коменданта против попыток общения заключенных. Борьба с голубями. Сведения о ремонте в бастионе. Отбор заключенных для Трубецкого бастиона. Изменение состава узников за последние годы существования крепости . . . . .

15

Стр.

§ 2. РЕЖИМ ЗАКЛЮЧЕНИЯ В ЕКАТЕРИНИНСКОЙ КУРТИНЕ

Льготный режим заключения в Екатерининской куртине. Сюда попадали лишь избранные осужденные. Среди заключенных находились виновники позорной сдачи Порт-Артура и русского флота. Две инструкции 1910 года о содержании Екатерининской куртины . . . 39

§ 3. ПЕТРОПАВЛОВСКАЯ КРЕПОСТЬ В ЦИФРАХ

Отсутствие всяких печатных сведений по статистике об узниках Трубецкого бастиона. Наша обработка собранных нами архивных материалов. Погодовое поступление мужчин и женщин в Трубецкой бастион в 1900—1916 гг. Продолжительность пребывания заключенных в Трубецком бастионе. Объяснения кратких сроков содержания в крепости приговоренных военно-полевыми судами. Чрезмерно длительные сроки пребывания в крепости. Места выбытия или основания выбытия из Трубецкого бастиона в 1900—1916 гг. Отсутствие сведений о партийности. Сословие и профессия заключенных в Трубецкой бастион в 1900—1916 гг. Таблица В. И. Ленина о сословном составе привлеченных к обвинению за государственные преступления. Демократизация освободительного движения и изменение классового состава обвиняемых в государственных преступлениях. Перечень некоторых заключенных в Екатерининскую куртину. Число поступивших сюда в XX веке. Сроки пребывания в куртине 41

Глава вторая

ВОЕННО-ПОЛЕВЫЕ СУДЫ И ТРУБЕЦКОЙ БАСТИОН

§ 4. ЖЕРТВЫ ВОЕННО-ПОЛЕВОЙ ЮСТИЦИИ
В ТРУБЕЦКОМ БАСТИОНЕ

Отражение военно-полевой юстиции на истории Трубецкого бастиона. Число смертников и сроки их пребывания в бастионе. Месяцы и числа казней. Военно-полевой суд заседал в Трубецком бастионе . 53

§ 5. НОВЫЕ ДОКУМЕНТЫ О ВОЕННО-ПОЛЕВЫХ СУДАХ

Резолюция царя 6 июля 1906 г. — начало истории военно-полевых судов. Объяснения военного прокурора Павлова. Записка министра юстиции. Закон 19 августа 1906 г. Требования Николая II о применении этого закона. Секретное донесение председателя Московского военно-окружного суда. Стремление местных властей усилить репрессию в борьбе с революцией. Распоряжение о порядке исполнения казни. План местности «Лисий Нос», где производилась казни. Разборная висилица. Кронштадтский генерал-губернатор об исполнении казни. Одесский генерал-губернатор о том же. Заседание совета министров 9 февраля 1907 г. 61

§ 6. ЗАСЕДАНИЯ ВОЕННО-ПОЛЕВОГО СУДА
В ТРУБЕЦКОМ БАСТИОНЕ

Характеристика заседания военно-полевого суда. Подлинное производство военно-полевого суда. Всякое отсутствие в нем признаков судебного разбирательства. Журнал заседания, Изучение нами записей 68

§ 7. КАЗНЬ ОСУЖДЕННЫХ ПО ПРИГОВОРАМ
ВОЕННО-ПОЛЕВЫХ СУДОВ

Выдача осужденных из крепости исполнителям приговора. Перевоз их к месту казни. Исполнение казни. Потопление трупов казенных . 71

§ 8. СТАТИСТИКА ВОЕННО-ПОЛЕВЫХ СУДОВ

Архивное дело со списками казенных по приговорам военно-полевых судов. Периодические сводки фамилий казенных в печати. Приказ министра внутренних дел представить официальные списки казенных. Моя обработка официальных сведений о казенных по приговорам военно-полевых судов. Перечень пунктов, где были казни. Месяцы казней 73

Глава третья

ВОЕННО-ОКРУЖНЫЕ СУДЫ И ТРУБЕЦКОЙ БАСТИОН

§ 9. СЕКРЕТНЫЕ МАТЕРИАЛЫ ЦАРИЗМА О СМЕРТНОЙ КАЗНИ
ПО ПРИГОВОРАМ ВОЕННЫХ СУДОВ

Военно-окружные суды — проводники беспощадной и бесстыдной классовой юстиции. Влияние военно-полевых судов на военно-окружные суды. Число узников Трубецкого бастиона, казенных по приговорам военно-окружных судов. Усиление роли смертной казни. Из истории конфирмации смертных приговоров. Вопрос о рассмотрении дел лишь по результатам полицейских дознаний. Доклад варшавского генерал-губернатора министру внутренних дел от 6 июля 1906 г. о смертных приговорах. Вопросы о месте исполнения смертных приговоров. Начальник Главного судного управления военного ведомства Павлов в 1905 году о смертной казни. Переписка между Столыпиным и прибалтийским генерал-губернатором о пропуске кассационных жалоб смертников. Министерство внутренних дел и наместник Кавказа о кассационных жалобах смертников. Спор Столыпина и помощника главнокомандующего войсками гвардии и петербургского военного округа о праве конфирмации приговора. Другие секретные документы по объему применения смертной казни 79

§ 10. КАРАТЕЛЬНЫЕ ЭКСПЕДИЦИИ ЦАРСКИХ ПАЛАЧЕЙ В 1905 ГОДУ
И ДЕЛО ОБ УБИЙСТВЕ ПОЛКОВНИКА МИНА,
РАССМОТРЕННОЕ ВОЕННО ОКРУЖНЫМ СУДОМ
В ТРУБЕЦКОМ БАСТИОНЕ

Политическая обстановка в России после 9 января летом и осенью 1905 г. Действия командира Семеновского полка Мина по усмирению московского восстания. Различные моменты этого восстания. Шифрованная переписка министра внутренних дел и московского генерал-губернатора. Обращение рабочих и служащих г. Москвы к городскому главе. Бессудные расстрелы. Арест фабриканта Шмида. Благодарность царя Мину. Архивное дело об убийстве Мина. Заключение Конопляниковой в бастион. Суд над ней в помещении бастиона 26 августа 1906 г. Секретный доклад о заседании военного суда. Казнь в Шлиссельбургской крепости 91

Стр.

*Глава четвертая***БОРЦЫ РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ В ТРУБЕЦКОМ БАСТИОНЕ****§ 11. УЗНИКИ ТРУБЕЦКОГО БАСТИОНА
В ПЕРВЫЕ ГОДЫ XX ВЕКА**

Начало исследуемого нами периода 1900—1917 гг. совпало с периодом образования из разрозненных групп и кружков единой Российской социал-демократической рабочей партии. Рост забастовок в России. Жандармские обзоры о роли «Союза борьбы». Сообщение охранного отделения Петербурга о воззваниях к рабочим на различных заводах. Аресты и обыски в декабре 1898 года среди рабочих Петербурга. Аресты и обыски в Петербурге 13 марта 1900 г. Сообщение охранного отделения в губернское жандармское управление С.-Петербурга 13 февраля 1901 г. об усилении деятельности «Союза борьбы». Наши сведения из архивного дела о найденных прокламациях к рабочим по Шлиссельбургскому району С.-Петербурга в 1900—1901 гг. Заключение в Трубецкой бастион Ногина (с 3 октября 1901 г. по 29 марта 1902 г.), Лепешинского (с 20 ноября 1902 г. по 20 февраля 1903 г.). Революционный путь Ногина. Описание Лепешинским своего пребывания в Петропавловской крепости. Сведения департамента полиции о революционной деятельности Лепешинского. «Искровцы» — Ногин, Флегонтов и Андропов в Трубецком бастионе . . . . .

101

**§ 12. БОРЬБА ЦАРИЗМА С РАБОЧИМ ДВИЖЕНИЕМ
В ПЕТЕРБУРГЕ В 1905—1917 ГОДАХ**

Усиление борьбы царизма в 1905 году с рабочим движением. Масовые аресты и обыски в Петербурге. Аресты членов военной организации РСДРП в 1906 году. Приговор военного суда 1907 года. Аресты 5 ноября 1908 г. Новые аресты по делу С.-Петербургской военной организации при ЦК РСДРП. Суд над матросами в С.-Петербурге в июне 1912 года. Военно-морской суд над 52 матросами в 1913 году. Набег С.-Петербургского охранного отделения на С.-Петербургский комитет РСДРП(б) 9 апреля 1914 г. Заключение в Петропавловскую крепость в феврале 1916 года борцов за рабочее дело . . . . .

112

**§ 13. СКЛАДЫ НЕЛЕГАЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
И ПОДПОЛЬНЫЕ ТИПОГРАФИИ**

Заключение в крепость с половины 60-х годов за доставку из-за границы нелегальной литературы с ростом рабочего движения. Организация В. И. Лениным доставки литературы из-за границы в Россию. Склады агитационной рабочей литературы в С.-Петербурге. Из дел департамента полиции о раскрытых складах литературы. Изменения в 1900 годах сравнительно с 1890 годами характера конфискованной литературы. Подпольные типографии. Интенсивная борьба с ними жандармерии. Провокации ее агентов. Оборудование тайных типографий. Раскрытие в С.-Петербурге тайной типографии РСДРП(б) в 1913, 1914, 1915 гг. И. В. Сталин об основном содержании агитационной литературы 1905 году. Ленин о задачах печати в различные годы . . . . .

116

*Глава пятая***МАКСИМ ГОРЬКИЙ В ТРУБЕЦКОМ БАСТИОНЕ****§ 14. РЕВОЛЮЦИЯ, А НЕ МИРНОЕ ОБНОВЛЕНИЕ РОССИИ**

Представители передовой мысли — узники Петропавловской крепости, начиная с Радищева. Политическая обстановка в январе 1905 года. Заключение в крепость 9 января 1905 г. Максима Горького. В. И. Ленин о «кровавом воскресеньи». И. В. Сталин о 9 января. Призыв Горького к революции. Первый допрос Горького жандармами . . . 124

§ 15. ВОЗВРАЩЕНИЕ МАКСИМА ГОРЬКОГО В СВЯЗИ С СОБЫТИЯМИ 9 ЯНВАРЯ

Возвращение Горького 9 января 1905 г. Горький — очевидец событий 9 января. В 1907 году Горький издал в Берлине свой очерк о 9 января. Общая характеристика этого очерка. Психология толпы, шедшей ко дворцу. Изменение этой психологии после расстрела. Слова Ленина после 9 января о ближайшем наступлении революции 128

§ 16. ОБЫСК У МАКСИМА ГОРЬКОГО И ЕГО АРЕСТ

Посещение общественными деятелями 8 января министров. Обыск в квартире Горького в Риге. Заключение Горького в рижскую тюрьму. Переправка его в Петропавловскую крепость 132

§ 17. ПРОТЕСТ ПЕРЕДОВОЙ МИРОВОЙ ОБЩЕСТВЕННОСТИ ПРОТИВ АРЕСТА ГОРЬКОГО И ЕГО ЗАКЛЮЧЕНИЯ В ПЕТРОПАВЛОВСКУЮ КРЕПОСТЬ

Быстрое распространение в России и за границей известий об аресте Горького. Запрет сообщений в русской печати о 9 января и о Горьком. Протесты рабочих на заводах. Демонстрации в театрах. Протесты в зарубежной печати. Протесты немецких ученых и литераторов. Протесты в других странах 134

§ 18. ГОРЬКИЙ В ТРУБЕЦКОМ БАСТИОНЕ

Отрицательное отношение Горького к опубликованию тюремных воспоминаний. Приказ о заключении Горького в крепость. Доклад царю о заключении Горького. Переодевание Горького в арестантское платье. Описание камеры № 39. Зарисовка Горьким плана его камеры и дворика для прогулок. Хронологический дневник пребывания Горького в Трубецком бастионе. Переписка Горького с близкими. Доставка книг в крепость для Горького 138

§ 19. ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЗАНЯТИЯ ГОРЬКОГО В КРЕПОСТИ

Две недели запрещения Горькому заниматься литературным творчеством. Заявление Горького о разрешении литературных занятий. Время написания пьесы «Дети солнца». Слова Горького о его работе над этой

Стр.

пьесой. Картина Репина «Горький читает пьесу «Дети солнца». Отзыв цензора об этой пьесе. Нарастание волны революционного движения привело к разрешению постановки этой пьесы. Что послужило источником написания пьесы 150

§ 20. ДОЗНАНИЕ И СЛЕДСТВИЕ ПО ДЕЛУ 9 ЯНВАРЯ 1905 ГОДА

Статья В. И. Ленина «Трепов хозяйничает». Рапорт департамента полиции о революционном комитете. Обнаружение воззвания Горького. Возбуждение обвинения Горького по ст. ст. 126 и 132 Уголовного уложения. Воспоминания Горького о жандарме Конисском. Полицейская справка о Горьком. Характер показаний Горького на допросах. Их содержание. Позорный провал обвинения арестованных в составлении преступного сообщества. Освобождение арестованных из крепости, кроме Горького. Жандармерия старается создать новое обвинение в связи с празднованием сорокалетия судебных уставов. Допрос Горького 1 февраля. Содержание обвинительного акта против Горького. Рост революционного движения привел к прекращению судебного преследования Горького 156

§ 21. БОЛЕЗНЬ А. М. ГОРЬКОГО И ЕГО ОСВОБОЖДЕНИЕ ИЗ КРЕПОСТИ

Антисанитарные условия содержания Горького в крепости. Ухудшение его здоровья. Требования передовой общественности освобождения Горького. Обстоятельства, сопровождавшие освобождение Горького 166

Глава шестая

РЕВОЛЮЦИОННЫЕ МАТРОСЫ И СОЛДАТЫ В ТРУБЕЦКОМ БАСТИОНЕ

§ 22. УЧАСТИЕ МАТРОСОВ В РЕВОЛЮЦИОННОМ ДВИЖЕНИИ РОССИИ

Статистика заключенных в Трубечком бастионе матросов. Матросы — узники Петропавловской крепости в 1717 году. Матросы-декабристы 1825 года в крепости. Восстание матросов в 1827—1828 гг. Даты революционного движения во флоте 1905—1907 гг. Политический сыск в царском флоте. Заводские и фабричные рабочие во флоте. Восстание в Свеаборге. Восстание в Кронштадте в 1906 году 170

§ 23. РАССТРЕЛЫ МАТРОСОВ-РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ

Секретный рапорт о расстреле 19 матросов. Их героическая смерть. Другие казни в фортах Кронштадта. Документ о казни матросов с крейсера «Память Азова». Письма казненных матросов 176

§ 24. СОЛДАТЫ ЭЛЕКТРОТЕХНИЧЕСКОЙ РОТЫ В ПЕТРОПАВЛОВСКОЙ КРЕПОСТИ И СУД НАД НИМИ

Привод 14 ноября 1905 г. в Петропавловскую крепость 143 нижних чинов электротехнической роты. Кошмарные условия содержания их в манеже крепости. Режим в электротехнической роте. Революцио-

Стр.

низирующее влияние «кровавого воскресенья» на солдат. О судебном заседании. Приговор суда. Соотношение уголовной репрессии с подъемом революционного движения 184

§ 25. МАТРОСЫ В ТРУБЕЦКОМ БАСТИОНЕ
В 1911—1912 ГОДАХ И ПРОЦЕСС 1912 ГОДА

Политическая обстановка в России 1912—1914 гг. В. И. Ленин о пропаганде в войсках. Список матросов, заключенных в Трубецкой бастион в 1911—1912 гг. Донесения секретных агентов о революционном настроении во флоте, и в частности на крейсере «Аврора». Обвинительный акт о революционном движении на учебном судне «Двина» и других кораблях в 1911 году. Пребывание матросов в Трубецком бастионе в 1911—1912 гг. Приговор военно-морского суда по делу 59 матросов 191

§ 26. ДЕЛО 1913 ГОДА О ПЯТИДЕСЯТИ ДВУХ МАТРОСАХ,
ОБВИНЯЕМЫХ ЗА УЧАСТИЕ В ВОССТАНИИ

Новое дело 1913 года о подготовке восстания матросами. Из 52 обвиняемых 22 были заключены в Трубецкой бастион. Охранное отделение о причинах революционного движения среди матросов. Роль провокаторов в раскрытии заговора. Секретный доклад о судебном заседании по делу 52 матросов. Речь защитников в суде. Ленин о движении в Балтийском флоте. Из обвинительного акта по делу матросов. Социальный состав 52 обвиняемых матросов. Судьба осужденных матросов 196

§ 27. ПОСЛЕДНИЕ УЗНИКИ-МАТРОСЫ В КРЕПОСТИ
ПО ПРОЦЕССУ 1916 ГОДА

Последние узники-матросы в Трубецком бастионе. Донесения о настроениях на военно-морских судах. Анонимное письмо матроса начальнику главного морского штаба. Суд над 31 матросом в июле 1915 г. Волнения на «Гангуте» в октябре 1915 года. Суд над матросами «Рюрика» в марте 1916 года. Пять матросов в Трубецком бастионе по делу 19 с двенадцати кораблей. Роль Петербургского комитета Российской социал-демократической рабочей партии в пропаганде среди матросов. Прокламация большевиков. Обвинительный акт по делу 19 матросов. Воззвание «Петроградского комитета» партии большевиков о подготовке рабочих к демонстрации против суда над матросами. Приговор по делу 19 матросов 26 октября 1916 г. 203

§ 28. ПОСЛЕДНИЕ УЗНИКИ-СОЛДАТЫ В ТРУБЕЦКОМ БАСТИОНЕ

Последние узники Петропавловской крепости — 19 солдат Павловского полка. 27 февраля 1917 г. на улицах Петербурга. Выступление 4-й роты Павловского полка на стороне народа. Заключение в крепость 19 солдат полка. Показания генерала Хабалова чрезвычайной комиссии Временного правительства. Освобождение узников из крепости восставшим народом и войсками 212

Стр.

*Глава седьмая***ЦАРСКИЕ ГЕНЕРАЛЫ — ПРЕДАТЕЛИ И ИЗМЕННИКИ
РОДИНЕ В ПЕТРОПАВЛОВСКОЙ КРЕПОСТИ****§ 29. ПРОЦЕСС АДМИРАЛА НЕБОГАТОВА**

Соперничество империалистических стран за рынки сбыта и русско-японская война. Причины поражения царских войск. Контр-адмирал Небогатов и другие командиры кораблей, осужденные за сдачу японцам. В. И. Ленин о русско-японской войне. Генерал-адъютант Стессель. Процесс Небогатова в особом присутствии военно-морского суда. Приговор суда 215

§ 30. ПРОЦЕСС ГЕНЕРАЛ-АДЪЮТАНТА СТЕССЕЛЯ

Сдача Порт-Артура. Потребовалось два года для разрешения на предание Стесселя суду. Обвинительный акт. Поведение председателя суда 219

**§ 31. НЕБОГАТОВ И СТЕССЕЛЬ В ЕКАТЕРИНИНСКОЙ КУРТИНЕ
ПЕТРОПАВЛОВСКОЙ КРЕПОСТИ**

Милости царя к генералам, осужденным за сдачу японцам Порт-Артура и кораблей. Снабжение камеры Стесселя новой обстановкой. Предоставление ему денщика для обслуживания. Разрешение ежедневных свиданий. Сообщение в печати о льготном режиме. Милости царя женам осужденных командиров 221

§ 32. ВОЕННЫЙ МИНИСТР СУХОМЛИНОВ В ТРУБЕЦКОМ БАСТИОНЕ

Покровительство немецкой партии при дворе военному министру Сухомлинову. Из протоколов следственной комиссии Временного правительства. Обвинительный акт по делу Сухомлинова. Судебное заседание по этому делу. Дело военно-исторического архива об увольнении Сухомлинова. Пребывание Сухомлинова в Трубецком бастионе. Из переписки царицы с царем о Сухомлинове. Воспоминания Сухомлинова о его пребывании в крепости. Заботы царицы о заключенном. Роль Распутина в освобождении Сухомлинова. Обвинительный приговор. Бегство Сухомлинова за границу 224

ЗАКЛЮЧЕНИЕ**ПЕТРОПАВЛОВСКАЯ КРЕПОСТЬ,
ПРЕВРАЩЕННАЯ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТЬЮ В МУЗЕЙ**

Петропавловская крепость на службе царизму до 1917 года и на службе народу после революции. Превращение Петропавловского собора и Трубецкого бастиона в государственный музей революции. Контрастность обоих этих памятников царизма. Слова декабриста А. М. Муравьева «о Петропавловской крепости на фоне Зимнего дворца». Политическое значение сохранения Трубецкого бастиона как музея революции. Статистика посещения крепости. Задачи крепости как музея. Экскурсии по крепости. Впечатления экскурсантов. Записи экскурсантов 232

Редактор *Н. Н. Блохин*

Оформление

художника *Г. С. Бершадского*

Фронтиспис

художника *Ю. М. Казмичева*

Художеств. редактор *Л. С. Морозова*

Техн. редактор *А. Н. Макарова*

*

Сдано в набор 16/XI 1953 г.

Подписано в печать 3/III 1954 г.

Тираж 10 000 экз. А 01823. Бумага

60 × 92¹/₁₆. Бум. л. 8,2. Печ. л. 16,38

(в том числе 0,88 п. л. вклеек). Уч.-изд.

л. 16,15 (в том числе 0,69 вклеек).

Цена 10 р. 10 к.

Государственное Издательство
Юридической Литературы
Москва, 4, Товарищеский пер., 19,
Заказ № 2589.

3-я типография «Красный пролетарий»
Союзполиграфпрома Главиздата Ми-
нистерства культуры СССР, Москва,
Краснопролетарская, 16.

